Теренс Х. УАЙТ

МЕЧ В КАМНЕ

Король
былого и грядущего

Меч в камне
Теренс Хэнбери Уайт

Аннотация
Теренс Хэнбери Уайт. Меч в камне
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

21
22
23
24

Аннотация

Тетралогия «Король былого и грядущего» английского писателя Теренса Хэнбери Уайта (1906 — 1964) — одна из самых знаменитых и необычных книг жанра «фэнтези», наряду с эпопеей Дж. Р. Р. Толкина «Властелин Колец» и трилогией «Горменгаст» Мервина Пика. Воссозданная на основе британских легенд и мифов история «короля былого и грядущего» Артура, его учителя, волшебника Мерлина, рыцарей Круглого Стола представляет собой удивительное сочетание фантастической сказки и реальной истории, юмористики и трагедии.

Теренс Хэнбери Уайт
Меч в камне

Не в обычной стране, где шумят леса,
Льются воды и воздух колышется голубой,
Но у Мерлина, в Стране Волшебства
Станем странствовать мы с тобой.
INCIPIT LIBER PRIMUS

1

Понедельники, среды и пятницы отводились под скоропись и Основания Логики, а остальные дни недели — под «Органон», Зубрежку и Астрологию. Гувернантка вечно сбивалась, объясняя устройство астролябии, и, запутавшись окончательно, отнимала ее у Варта, шлепая его по рукам. Кэя она по рукам не шлепала, потому что, когда Кэй подрастет, он будет зваться сэр Кэй, владетель угодий. Варта прозвали Вартом, то есть «прыщом», потому что это более-менее рифмовалось с «Артом» — его настоящим, хоть и укороченным, именем. Это Кэй его так прозвал. Кэя же называли только Кэем и больше никак, поскольку он был слишком высокороден, чтобы давать ему прозвища, и разгневался бы на всякого, кто попытался бы это сделать. У гувернантки были рыжие волосы и какая-то таинственная рана, обеспечившая ей немалый престиж средь всех женщин замка, которым она эту рану показывала, разумеется, закрыв предварительно двери. Сказывали, что рана помещается у нее на седалище и причинена она некими доспехами,

на которые гувернантка неосмотрительно уселась во время одного пикника. В конце концов, она предложила показать эту рану сэру Эктору, приходившемуся Кэю отцом, а затем у нее начались истерические припадки, и ее отослали. Позже выяснилось, что до того, как поступить в гувернантки, она три года провела в приюте для душевнобольных.

После полудня программа была такая: понедельники и пятницы — турнирное дело и выездка; вторники — соколиная охота; среды — фехтование; четверги — стрельба из лука; субботы — теория рыцарства, включая науку о том, на какие лады трубить во всяком случае жизни, терминология ловитвы и все добрые правила охоты. Ежели ты ошибался, скажем, трубя сигнал или разделывая добычу, тебя пригибали к туше убитого зверя и плашмя лупили мечом. Это называлось «сделать отбивную». Грубая забава, вроде бритья головы при переходе экватора. Кэю отбивных не делали, хоть ошибался он часто.

Когда они избавились от гувернантки, сэр Эктор сказал:

— Да в конце-то концов, пропади все оно пропадом, нельзя же, чтобы мальчики целый день скакали тут, как хулиганы, — в конце-то концов,

пропади оно пропадом! В их возрасте полагается получать первостатейное образование. Я в их гады долбил всю эту латынь и прочее каждый день аж с пяти утра. Счастливейшее время во всей моей жизни. Передайте-ка мне портвейн.

Сэр Груммор Груммурсум, заночевавший в замке, потому что ночная тьма застигла его в пути после особенно долгого гона, сказал, что его в этом возрасте драли каждое утро, так как он вместо того, чтоб учиться, удирал охотиться с соколом. Сдается, что эта-то слабость и не позволила ему одолеть в грамматике «будущее простое». Это где-то в первой трети левого листа, сказал он. А лист, помнится, был девяносто седьмой. Портвейн он передал.

Сэр Эктор спросил:

— Хорошо поохотились нынче? Сэр Груммор ответил:

— Да неплохо. По правде, отличный вышел денек. Застукал одного малого по имени сэр Брюс Безжалостный, как раз он сносил голову девице в Сорной Пуще, гнал его до Навозной Просади в Бичестере, там он спетлил и скрылся в Гиблом Лесу. Добрых двадцать пять миль он от меня драпал.

— Крепкий орешек, — сказал сэр Эктор.

— Да, так вот насчет мальчишек, обо всей этой

латыни и прочем, — добавил старый джентльмен. — А то, понимаете ли, amas, а они тут скачут, как хулиганы: что бы вы мне присоветовали?

— А, — сказал сэр Груммор, прикладывая палец к носу и прижмуривая глаз, обращенный к бутылке, — тут надо крепко подумать, если вы не против таких моих слов.

— Отчего буду против? — сказал сэр Эктор. — Спасибо и на том, что вы вообще хоть что-то сказали. Премного вам благодарен, а как же! Подлейте себе портвейна.

— А хороший портвейн.

— Мне доставляет его один из моих друзей.

— Так вот насчет мальчиков, — сказал сэр Груммор. — Сколько их тут, вам известно?

— Двое, — сказал сэр Эктор, — ну, то есть, если считать обоих.

— В Итон, я полагаю, вы их услать не можете? — осторожно осведомился сэр Груммор. — Дальний путь и все такое, это мы понимаем.

На самом деле назвал он не совсем Итон, ибо Колледж Благословенной Девы Марии был основан не раньше 1440-го, но названное им место было примерно в этом же роде. Да и пили они не портвейн, а Метеглин, — просто упоминание о современном вине позволит вам лучше прочув-

ствовать атмосферу.

— Дело не то чтобы в расстоянии, — сказал сэр Эктор, — а в этом великане, как бишь его, который засел на пути. Сами понимаете, придется пробираться по его землям.

— А как бишь его?

— Да вот не могу сейчас вспомнить, хоть убей. Ну, тот парень, что живет у Бурливых Вод.

— Галапас, — сказал сэр Груммор.

— Вот этот самый.

— Тогда остается только одно, — сказал сэр Груммор, — обзавестись наставником.

— Вы имеете в виду малого, который умеет учить?

— Вот именно, — сказал сэр Груммор. — Наставник, понимаете ли, это такой малый, который умеет учить.

— Хлебните еще портвейна, — сказал сэр Эктор. — После такой охоты вам это необходимо.

— Великолепный денек, — сказал сэр Груммор. — Только похоже, что в наши дни великана уже не добудешь. Гонишь его двадцать пять миль, а после всего только и остается, что пометить место, где он ушел в нору, если ты его и вовсе не потерял. Хуже нет — начинать охоту сначала.

— Мы перебили у них всех пащенков, — сказал

сэр Эктор. — Теперь они позволяют себя погонять, но всегда удирают.

— Сдваивают следы, — сказал сэр Груммор. — Так бы я выразился. Вечная история с этими крупными великанами, когда им есть куда удрать. Они сдваивают следы.

— Однако если придется обзаводиться наставником, — сказал сэр Эктор, — то я все же в толк не возьму, как его раздобыть.

— Дайте объявление, — сказал сэр Груммор.

— Да уж давал, — сказал сэр Эктор. — «Хумберландский Глашатай и Кардалский Известник» все горло себе надорвал.

— Значит, единственный способ, — сказал сэр Груммор, — это снарядиться на поиски.

— Вы разумеете поиски наставника, — уточнил сэр Эктор.

— Вот именно.

— Hie, Haec, Hoc, — сказал сэр Эктор. — Подлейте себе этого пойла, как бы оно там ни называлось.

— Смак, — сказал сэр Груммор.

На том они и порешили. Сэр Груммор Груммурсум назавтра отбыл домой, а сэр Эктор завязал на носовом платке узелок, чтоб не забыть заняться поисками наставника, как только выпадет свободное время, и поскольку он не вполне себе

представлял, с чего же их начинать, он покамест рассказал мальчикам о предложении сэра Грумора и велел им хулиганить поменьше. И все отправились на уборку сена.

Стоял июль, а в этом месяце все способные на то мужчины и женщины владения работали в поле под водительством сэра Эктора. Во всяком случае, на это время про образование мальчиков можно было забыть.

Замок сэра Эктора располагался на обширной росчисти посреди еще более обширного леса. Вокруг замка шли двойные стены и крепостной ров, защищенный тыном. Укрепленный каменный мост доходил до середины рва. Другую половину рва перекрывал мост деревянный, подъемный, который каждую ночь подтягивали кверху. Перейдя подъемный мост, вы оказывались в начале единственной деревенской улицы длиной примерно в полмили, по сторонам которой лепились глинобитные, крытые соломой домишки. Улица делила росчисть на два больших поля: левое, пахотное, было нарезано на сотни узких и длинных полос, а правое спускалось к реке, — половина его использовалась под выпас, а другая, отгороженная, под сенокосный луг.

Стоял июль, и погода стояла июльская — такая,

какой и полагалось стоять в Старой Англии. На бронзовых, как у индейцев, лицах устрашающе сверкали зубы и сияли глаза. Собаки слонялись, высунув языки, или, задыхаясь, валялись в скудной тени, а деревенские лошади били себя по потным крупам хвостами и все норовили большими задними копытами смахнуть слепней с живота. Коровы лениво бродили по пастбищу или же, задрав хвосты, скакали, сильно гневя тем сэра Эктора.

Сэр Эктор, забравшись на верхушку омета, откуда ему было видно, чем занимается каждый, выкрикивал приказания во все концы двухсотакрового поля, и лицо его багровело. Лучшие косцы, удаляясь, двигались в ряд по еще нетронутой траве, и косы их гудели под сильным солнцем. Женщины деревянными граблями сгребали подсохшее сено в длинные валки, а два мальчика шли с сенными вилами следом и выравнивали валки, чтобы сено удобнее было метать. За ними, грохоча шипастыми деревянными колесами, двигались большие возы, запряженные лошадьми или медленными белыми волами. Один мужчина стоял на возу, принимая охапки и распоряжаясь, и еще двое шли по бокам, подбирая вилами сено, приготовленное мальчиками, и закидывая

его первому наверх. Повозку проводили по лугу между двумя валками, загружая ее в строгой последовательности от передних кольев воза к задним, и человек наверху сердито покрикивал, указывая, с какой стороны метать. Погрузчики ворчали на мальчиков за плохо уложенное сено и грозились отдубасить их, если те, замедлив шаг, попадутся им в руки.

Когда воз нагружался доверху, волов подводили к скирде, на которой стоял сэр Эктор, и вилами сметывали сено наверх. Это было дело нетрудное, потому что сено загружалось с соблюдением определенного порядка — не то, что теперь, — и сэр Эктор забирался все выше, уступая место своим помощникам, которые и делали всю работу, а сам утаптывал сено, потел, тыкал вилами туда и сюда, пытаясь заставить скирду расти ровно, и кричал, что она развалится, едва задуют западные ветра.

Варту нравился сенокос, и дело у него спорилось. Кэй, двумя годами старше его, обыкновенно вставал на край охапки, которую норовил подцепить, и в итоге сил у него уходило вдвое больше, чем у Варта, а результатов было вдвое меньше. Но он не терпел, когда его хоть в чем-то превосходили, и обычно сражался с проклятым сеном

до одури.

День после гостевания сэра Груммора выдался изнурительным для мужчин, весь срок от утренней дойки и до дневной, и еще после нее до захода солнца тяжко трудившихся, сражаясь с душной стихией. Ибо сено было для них природной стихией, — подобной воздуху или морю, — они в ней плавали, ныряли в нее и даже ею дышали. Мелкие семена и сенная труха набивались им в волосы, в рот, в ноздри, забирались, щекоча, под одежду. Впрочем, одежд на них было всего ничего, и тени между их плавно игравшими мускулами синевой отливали на орехово-смуглой коже. Те, кого страшила гроза, сказались в то утро больными.

Гроза разразилась после полудня. Сэр Эктор продержал людей на поле до того, что громадные всполохи засверкали уже прямо над их головами, и с неба, темного словно ночь, ударил ливень, и они сразу промокли насквозь и не могли ничего разглядеть в сотне ярдов от себя. Мальчики забрались под возы, зарылись, съежившись, в сено, чтобы уберечь тепло мокрых тел от холодного ветра, и подшучивали друг над другом, пока над ними рушились небеса. Кэя трясло, хоть и не от холода, но он, как и все, зубоскалил, не желая

выказать страха. При последнем, самом сильном раскате все невольно содрогнулись, и каждый увидел испуг другого, и все рассмеялись, отгоняя смехом стыд.

И на этом уборка сена закончилась, можно было поиграть. Мальчиков отправили домой переодеться. Старая дама, их няня, принесла из-под гладильного пресса сухие дублеты, выговорила мальчикам за то, что они играют со смертью, и осудила сэра Эктора, так надолго их задержавшего. Вслед за тем, надев чистые рубахи, они выбежали на дышавший свежестью, искрящийся двор.

— Давай возьмем Простака и посмотрим, — сумеет он добыть пару кроликов на ловчем поле, — воскликнул Варт.

— Полезут тебе кролики наружу в такую мокредь, — сказал саркастически Кэй, довольный, что поймал его на ошибке по части естествоведения.

— Да ладно, пойдем. Скоро подсохнет.

— Ну, тогда я понесу Простака.

Когда они вдвоем выходили охотиться, Кэй всегда настаивал, что нести ястреба и спускать его будет он. Он обладал таким правом — не только по старшинству, но и потому, что был законным

сыном сэра Эктора. А Варт не был законным сыном. Эта особенность его положения оставалась для него не очень понятной, но упоминания о ней не доставляли ему удовольствия, поскольку Кэй, похоже, считал, что она как-то его принижает. К тому же не иметь ни отца, ни матери — означало отличаться от всех остальных, а Кэй приучил его к мысли, что в таком отличии хорошего мало. Никто с ним про это не разговаривал, но он размышлял на эту тему, оставаясь один, и испытывал боль. Он не любил упоминаний об этом, а поскольку такие упоминания оказывались неизбежны, едва между мальчиками возникали споры о первенстве, Варт приобрел привычку уступать сразу, еще до упоминания. Кроме того, он любил Кэя и всегда нуждался в том, чтобы кто-то его направлял. В нем была сильно развита потребность в герое, перед которым он бы мог преклоняться.

— Так пошли же! — воскликнул Варт, и они припустились к кречатне, опрокидывая попадавшиеся по пути тележные колеса.

Кречатня была одним из важнейших в замке мест — после конюшни и псарни. Она располагалась прямо напротив башенного покоя и смотрела на юг. Окна, пробитые в наружной стене

замка, пришлось сделать маленькими — как никак укрепление, но те, что выходили на двор замка, были большими и давали обильный свет. На окна были тесно набиты отвесные планки, поперечные же отсутствовали. Отсутствовали и стекла, но, чтобы уберечь соколов от сквозняка, в маленькие окна были вставлены роговые пластинки. В одном конце кречатни располагался небольшой очаг, — тут находилось нечто вроде места для отдыха, наподобие того угла в седельной, где сырыми ночами после лисьей охоты собираются грумы, чтобы начистить сбрую. Здесь помещались два стула, котел, верстак со множеством разнообразных ножичков и хирургических инструментов и несколько полок, уставленных горшочками. На горшочках имелись бирки: «Кардамон», «Имбирь», «Ячменный сахар», «Корчи», «От хрипов», «От запора», «Вертеж» и тому подобные. Здесь были развешаны кожи, искромсанные там, где от них отрезали куски для

изготовления опутенок, должиков и клобучков[1]. С аккуратного ряда гвоздей свисали бубенчики, шарнирчики и серебряные ногавки с клеймом сэра Эктора на каждой. На особой полке, самой красивой, стояли клобучки: совсем старые, растрескавшиеся полевые клобучки, изготовленные еще до рождения Кэя, крошечные клобучки для кречетов, маленькие для соколов-самцов, прекрасные новенькие клобучки, которые кроились для препровождения времени долгими зимними вечерами. Все они, кроме полевых, несли цвета сэра Эктора: белая с красной байковой оторочкой и сизоватым султанчиком наверху, сделанным из горловых перьев цапли. На верстаке валялась всякая всячина, какую можно увидеть в любой мастерской: обрывки веревок, куски проволоки, разные железки, инструменты, ломти хлеба и сыра, подъеденного мышью, кожаная бутылка, несколько изодранных перчаток на левую руку,

[1] Примечания: Note1

Опутенки — ременные или суконные кольца на ноге ловчей птицы, в которые продеваются должики — ремешки, пристегиваемые к рукавице охотника. Ногавки — металлические кольца примерно того же назначения, служащие также для того, чтобы сделать птицу приметной. Клобучки — особые колпачки, в которых ловчие птицы выносятся на охоту (полевые клобучки) или спят ночами. Далее упоминается вабило — одно или два сшитых вместе крыла какой-либо птицы, вырванных прямо с мясом; вабило применяют для приманки сокола или для отъема у него добычи; а также колодка — это действительно деревянная колодка, на которой птица спит во время обучения.

гвозди, куски мешковины, пара вабил. Прямо по дереву верстака кем-то были коряво нацарапаны подсчеты: «Кролики 111 1», «Заец 1 1 1» и так далее. Писал человек не особенно грамотный.

В правой части комнаты, залитой послеполуденным солнцем, размещались отгороженные один от другого насесты, к которым были привязаны птицы. Тут были два маленьких кречета, только-только снятых с колодок, старый сапсан — особой пользы от него не было в этой лесистой земле, но его держали солидности ради, кобчик, которого мальчикам давали, когда они только-только приступили к изучению начал соколиной охоты, перепелятник, которого из доброты содержал сэр Эктор, — птица принадлежала приходскому священнику, — а в дальнем конце в особой собственной отгородке сидел ястреб по кличке Простак.

Кречатню держали в чистоте, пол устилал песок, впитывавший помет и скинутую погадку; прибирали здесь ежедневно. Сэр Эктор приходил сюда каждое утро в семь часов, и двое сокольничих почтительно стояли у двери снаружи. Если они забывали пригладить волосы, он отправлял их на отсидку в казармы. Они не видели в том обиды.

Кэй надел на левую руку одну из перчаток и позвал Простака, — но Простак, злой, с прижатыми перьями, сверкнул на него бешеным оранжевым глазом и спускаться не пожелал. Кэй снял его сам.

— Думаешь, можно его пускать? — с сомнением спросил Варт. — Он же линяет.

— Конечно, можно, дурачок, — сказал Кэй. — Он просто хочет, чтобы сначала его понесли немного, вот и все.

И через покос, на котором лежало, снова намокнув и утратив все свои добрые свойства, с таким тщанием собранное сено, они пошли к ловчему полю, где поднимались деревья, стоявшие сначала вразброс, словно бы в парке, но постепенно стеснявшиеся, отбрасывая уже лесную тень. Под деревьями были прорыты сотни кроличьих нор, столь близко одна к другой, что главная трудность состояла не в отыскании кролика, а в отыскании кролика на достаточном удалении от его норы.

— Хоб говорит, что нельзя спускать Простака, пока он не попробует подняться хотя бы два раза, — сказал Варт.

— Хоб ничего в этом не понимает. Никто не может сказать, готов ястреб травить или нет,

кроме того, кто его несет.

Почувствовав, что его освободили от пут, приготавливая к охоте, Простак немного поворошился, как бы желая взлететь. Он выпятил грудь и взъерошил кроющие наплечные перья и мягкие — на ногах. Однако в последний миг он вроде как передумал и осел на руке, не поднявшись. Это движение ястреба пробудило у Варта неодолимое желание нести его самому. Ему страшно хотелось отобрать птицу у Кэя и самому привести ее в должное расположение. Он был совершенно уверен, что смог бы улучшить настроение Простака, почесывая ему ноги и легко ероша грудные перья, если бы только ему дали этим заняться вместо того, чтобы тащиться сзади с дурацким вабилом. Но он понимал, что постоянно лезть к старшему мальчику с советами значило лишь разозлить его, и потому молчал. Точно так же как во время теперешней ружейной охоты ни в коем случае нельзя порицать старшего по команде, так и в охоте с соколом важно было, чтобы никакой посторонний совет не мешал соколятнику принимать решение.

— Пошел! — крикнул Кэй, выбросив руку вверх, чтобы ястребу было легче сняться, и кролик прыснул перед ними по изрядно подъеденной траве, и

Простак был уже в воздухе. Это движение оказалось неожиданным для Варта, кролика и ястреба, для всех троих, и все трое на миг удивленно застыли. Затем большие крылья летучего убийцы принялись вспарывать воздух, но неохотно и нерешительно. Кролик исчез в неприметной норе. Ястреб поднимался все выше, оцепенело, словно ребенок, высоко подброшенный качелями, пока крылья его не сложились и он не уселся на дерево. Сверху Простак оглядел своих хозяев, раскрыл клюв, словно бы попыхтел, разгневанный неудачей, и затем остался недвижен. Два сердца замерли.

2

Изрядное время спустя, когда мальчики уже насвистелись, намахались вабилом и набегались от дерева к дереву за раздраженным и мрачным ястребом, Кэй потерял терпение.

— Ну и пусть убирается, — сказал он. — Все равно проку от него никакого.

— Ой, но мы же не можем его оставить, — закричал Варт. — Что скажет Хоб?

— Это мой ястреб, а не Хоба, — гневно воскликнул Кэй. — Какая мне разница, что он скажет? Хоб — слуга.

— Но ведь Хоб воспитал Простака. Мы-то можем его потерять, мы же не сидели с ним без сна три ночи подряд, не таскали его на себе целыми днями. Нельзя нам бросить Хобова ястреба. Это было бы свинством.

— Ну вот и будет ему урок. И сам он дурак, и ястреб его дрянной. Кому нужен дрянной и глупый ястреб? Оставайся, конечно, раз ты такой чувствительный, а я ухожу домой.

— Я останусь, — печально сказал Варт, — если ты пошлешь сюда Хоба, когда доберешься до

дому.

Кэй, злившийся, поскольку он понимал, что спустил птицу, толком, ее не подготовив, двинулся в противоположную от замка сторону, и Варту пришлось окликнуть его и поправить. А Варт, у которого сердце колотилось вовсю, уселся под деревом и уставился на Простака, как кошка на воробья.

Кэю то что, он не так уж и увлекался соколиной охотой, относясь к ней всего лишь как к времяпрепровождению, приличному для мальчика, занимающего в жизни его положение, но Варт, обладавший душой соколятника, понимал, что худшей беды, чем утрата сокола, и не придумаешь. Он знал, что Хоб трудился по четырнадцати часов в день, обучая Простака ремеслу, и что труды эти походили на борение Иакова с ангелом. Если Простак потеряется, потеряна будет также и часть Хобовой души. Варт не посмел бы взглянуть в осуждающие глаза старого сокольничего после всего, чему тот постарался выучить мальчиков.

Что же ему оставалось делать? Самое лучшее — сидеть, положив вабило на землю, чтобы Простак мог, когда сочтет нужным, сам на него спуститься. Но у Простака таких намерений не было. Прошлой ночью его накормили до отвала, и

голода он не испытывал. Жаркий день испортил ему настроение. Мальчишки, которые свистели и махали внизу и гонялись за ним от дерева к дереву, совсем замутили его и так-то не особенно ясное разумение. Он не вполне понимал теперь, чего ему, собственно, хочется, — но уж во всяком случае не того, чего хотелось кому бы то ни было еще. Он думал, что, пожалуй, неплохо кого-нибудь укокошить — просто так, назло.

Прошло еще немалое время, и Варт оказался уже на краю настоящего леса, а Простак — и вовсе внутри. Раз за разом ястреб, приводя Варта в ярость, перелетал все ближе к лесу, пока они не очутились так далеко от замка, как мальчику еще не доводилось бывать, на краю чащобы.

Нынешнего английского леса Варт бы не убоялся, иное дело — великие пущи Старой Англии. Не одни только дикие вепри страшили его, хотя аккурат в эту пору стаи молодняка по всему лесу свирепо взрывали землю, и не то, что из-за всякого дерева мог подобраться к нему какой-нибудь из уцелевших волков, бледноглазый, со слюнявою пастью. Безумные и злобные звери были не единственными обитателями густо населенного мрака. Люди, сами озлобясь, также искали здесь крова, — изгои, коварные и кровожадные, словно

стервятники, и столь же гонимые. В особенности Варту не давала покоя мысль об одном человеке по имени Вот, именем этим деревенские стращали детей. Он некогда жил в деревне сэра Эктора, и Варт еще помнил его. Был он косоглаз, безнос и слаб разумением. Детишки осыпали его камнями. Как-то раз он набросился на них, поймал одного и с рычанием откусил и его нос тоже. А затем убежал в лес. Теперь камни полетели в безносого мальчика, а Вот, как полагали, так и живет в лесу, бегает там на четвереньках, одетый в шкуры.

Помимо того, в ту легендарную пору жили в лесу чародеи, а равно и чудные животные, неведомые современным трудам по естественной истории. Встречались там и постоянные шайки саксонских разбойников, — это уж был не Вот, — эти жили вместе, одевались во все зеленое, и били из луков, никогда не давая промаха. Имелось даже несколько драконов, правда маленьких, они ютились под камнями и шипели как закипающий чайник.

А вдобавок ко всему становилось темно. Тропы в лесу отсутствовали, и никто в деревне не знал, что там, с другой его стороны. Пала вечерняя тишь, и высокие деревья стояли, безмолвно глядя на Варта.

Он чувствовал, что самое безопасное — это пойти домой, пока он еще понимает, где он, но у него было отважное сердце, и отступаться он не желал. Варт сознавал, что стоит Простаку проспать одну ночь на воле, как он вновь одичает и уже навсегда. Простаку ничего не стоило вернуться в исходное состояние. Но если бы бедному Варту удалось заметить, где он устроится спать, и если бы Хоб появился вдруг с фонарем, они все же могли бы еще взять его этой ночью, взобравшись на дерево, покамест он дремлет, и задурив его светом. Мальчик более-менее представлял себе, где сидит ястреб, — примерно в ста ярдах от него, в самой гуще деревьев, — именно там галдели грачи, вернувшиеся к вечеру в гнезда.

Он пометил одно из деревьев, стоявших на опушке, надеясь, что это поможет ему найти дорогу назад, и принялся продираться через подлесок. По граю грачей он понял, что Простак тут же перепорхнул еще дальше.

Пока мальчик сражался с колким кустарником, опустилась тихая ночь. Но он, изо всей мочи напрягая слух, упрямо продвигался вперед, а перелеты сонного Простака становились все более краткими и недалекими, и наконец, перед тем как настала полная тьма, мальчик увидел на

фоне неба сгорбленные плечи ястреба, сидевшего на дереве прямо над ним. Варт присел под деревом, чтобы больше не тревожить птицу, пока она засыпает, и Простак, стоявший на одной ноге, не обратил на него никакого внимания.

«Может быть, — сказал сам себе Варт, — даже если Хоб не придет, а я и не вижу, как бы он смог теперь отыскать меня в этом нехоженном лесу, мне все же удастся самому забраться на дерево и снять с него Простака. Нужно, чтобы он оставался там до полуночи, потому что тогда уж он точно заснет. Если я негромко окликну его, он подумает, что это просто кто-то пришел, как обычно, взять его, пока он сидит в клобучке. Только лезть придется очень тихо. Тогда, если я его поймаю, надо будет еще отыскать дорогу домой, а там уже мост поднимут. Но, может быть, кто-то дождется меня, Кэй ведь сказал им, что меня нет. Вот интересно только, в какую сторону я пойду. Лучше бы Кэй остался».

Он затиснулся между древесных корней, пытаясь сыскать место поудобнее, где бы жесткое дерево не впивалось в лопатки.

«Мне кажется, надо идти за ту высокую ель, у которой верхушка похожа на пику. Зря я не запомнил, с какой стороны от меня село солнце,

тогда после восхода можно было бы держать его с той же стороны и так вернуться домой. Интересно, там вправду что-то шевелится под елью? Ох, только бы мне не встретить этого старого, одичавшего Вота, не хватало еще, чтобы он мне нос откусил! До чего же противный вид у Простака, стоит себе на одной ноге, как будто ничего не случилось».

В этот миг что-то просвистело, чмокнуло, и Варт увидел стрелу, вошедшую в дерево между пальцами его правой руки. Он отдернул руку, подумав, что кто-то его ужалил, и лишь тогда заметил ее. Затем все замедлилось. У него нашлось время внимательно рассмотреть стрелу и то, как она на три вершка ушла в твердое дерево. Стрела была черная, с желтыми опоясками, как у осы, и желтым старшим пером. Другие два — черные. Крашеные гусиные перья.

Тут Варт обнаружил, что, хоть он и страшился опасностей леса до того, как это случилось, теперь, попав в переделку, страха уже не испытывает. Он быстро поднялся, — ему показалось, что медленно, — и обогнул дерево. Едва он это проделал, как другая стрела зажужжала и чмокнула, но эта, вся, кроме оперения, зарылась в траву и осталась торчать там недвижно, словно никогда

не летала.

По другую сторону дерева оказалась поляна, поросшая орляком высотою футов в шесть. Укрытие было прекрасное, но шорох папоротниковых листьев выдавал Варта. Он услышал, как еще одна стрела шуркнула по жесткой широкой листве и вроде бы выругался мужчина, но не очень близко. Потом он услышал, как этот мужчина, или кто он там был, бежит через папоротник. Стрелять это существо больше не решалось, потому что стрела вещь ценная, а в подлеске она наверняка затеряется. Варт скользнул, как змея, как кролик, как беззвучный филин. Он был мал, и тому созданию нечего было противопоставить ему в этой игре. Через пять минут Варт был в безопасности.

Убийца поискал свои стрелы и, ворча, удалился, — а Варт понял, что даже если он спасся от лучника, то и ястреба, и дорогу домой он потерял. Он не имел ни малейшего представления о том, где находится. С полчаса он пролежал, забившись под рухнувшее дерево и выжидая, когда удалится неведомое существо и перестанет неистово биться сердце. Оно заколотилось уже после того, как он понял, что спасен.

«Охо-хо, — думал он, — вот теперь я и впрямь заблудился, и выбирать мне почти что не из

чего, — либо мне нос откусят, либо проткнут насквозь одной из этих осиных стрел, либо меня слопает шипучий дракон или волк, или дикий вепрь, или чародей, если чародеи едят мальчиков, а я думаю, что едят. Самое время от души пожалеть, что я не был послушным и злил гувернантку, когда она билась с астролябией, и не любил моего дорогого опекуна сэра Эктора так, как он того заслуживает».

При этих печальных мыслях и особенно при воспоминании о добром сэре Экторе с его сенными вилами и красным носом, глаза бедного Варта наполнились слезами, и он, совершенно безутешный, остался лежать под упавшим стволом.

Он осмелился вылезть наружу лишь после того, как солнце загасило последние лучи своего затянувшегося прощания и над посеребренными вершинами деревьев встала луна во всем ее грозном величии. Тогда он поднялся, вытряхнул из дублета мелкие веточки и побрел, отчаявшийся, выбирая дорогу полегче и доверив участь свою Господу. Так он брел около получаса и временами чувствовал себя пободрей, — потому что залитый светом луны летний лес был по-настоящему красив и прохладен, — и наконец набрел на прекраснейшее из зрелищ, какие ему доводилось

видеть за всю свою короткую жизнь.

В лесу открылась поляна, широкий простор облитой луною травы, и на дальнем ее конце светились в белых лучах стволы. Там росли буки, чьи стволы всего красивей в жемчужном свете луны, а среди буков чуялось легчайшее шевеление и слышался серебряный звон. Перед тем как раздался звон, там стояли лишь буки, но сразу после обозначился рыцарь в полных доспехах, бездвижный, безмолвный и призрачный среди величавых стволов. Он восседал на огромном белом коне, стоявшем в такой же сосредоточенной неподвижности, как и всадник, и держал в правой руке, уперев его комлем в стремя, высокое, ровное турнирное копье, поднимавшееся среди коренастых древес все выше и выше, пока очерк его не возникал на бархатном небе. Все это плавало в свете луны, все серебрилось, слишком прекрасное, чтобы описать.

Варт не знал, как ему быть. Он не знал, безопасно ли будет подойти к этому рыцарю, — в лесу ведь так много страшного, что даже рыцарь может оказаться призраком. Да он и выглядел совершеннейшим призраком, когда возник, углубленный в созерцание, на самом краешке мрака. В конце концов мальчик надумал, что

если это и призрак, то все-таки призрак рыцаря, а рыцари по обету обязаны оказывать помощь людям, попавшим в беду.

— Простите меня, — сказал он, когда очутился прямо перед таинственной фигурой, — не могли бы вы указать мне дорогу к замку сэра Эктора?

При этих словах призрак подпрыгнул так, что едва не свалился с коня, и издал сквозь забрало приглушенное «бээээ», совсем как овца.

— Простите, — заново начал Варт, но остановился, охваченный ужасом, не дойдя до конца своей речи.

Ибо призрак поднял забрало, обнаружив два исполинских ока, как бы прихваченных коркою льда; воскликнул тревожно: «Что-что?»; вынул глаза, оказавшиеся парой запотевших внутри шлема очков в роговой оправе; попытался вытереть их о конскую гриву, отчего они стали только мутнее; поднял обе руки над головой и попробовал вытереть очки о плюмаж; уронил копье; уронил очки; сполз с коня, чтобы их отыскать, при этом забрало захлопнулось; поднял забрало; наклонился за очками; выпрямился, потому что забрало захлопнулось снова, и воскликнул печально: «Силы благие!»

Варт отыскал очки, протер их и подал призраку,

который их тут же надел (забрало сразу захлопнулось) и принялся с таким рвением карабкаться обратно на коня, словно спасал свою драгоценную жизнь. Забравшись, он протянул руку за копьем, которое вручил ему Варт, и, ощутив себя в безопасности, приоткрыл забрало левой рукой, да так и держал потом открытым. Затем призрак воззрился на мальчика, приложивши руку ко лбу, — словно потерпевший крушение мореплаватель, высматривающий землю, — и вскричал: «Ага! Это кто ж у нас тут такой, что?»

— Прошу прощения, — сказал Варт, — я мальчик, чей опекун сэр Эктор.

— Милый мальчуган, — сказал Рыцарь. — В жизни его не встречал.

— Не могли бы вы указать мне путь к его замку?

— Ни малейшего представления. Сам чужой в этих краях.

— Я заблудился, — сказал Варт.

— А вот это забавно. Я и сам заблудился лет семнадцать назад.

— Прозываюсь Король Пеллинор, — продолжал Рыцарь. — Может, слыхал обо мне, что? — Забрало закрылось с хлопком, похожим на эхо этого «что?», но было немедленно вновь открыто.

— Семнадцать лет, с самого Михайлова дня, гоняюсь за Искомым Зверем. Скучно, страсть.

— Да уж я себе представляю, — сказал Варт, который отродясь не слыхивал ни про Короля Пеллинора, ни про Искомого Зверя, но решил, что самое безопасное в нынешних обстоятельствах — сказать именно это.

— Это Бремя Пеллиноров, — гордо сказал Король. — Лишь Пеллинор может его настигнуть — то есть, конечно, или его ближайший родич. Всех Пеллиноров воспитывают, исходя из этой идеи. Ограниченное образование, в сущности. Катыши и прочее в этом роде.

— Про катыши я знаю, — произнес с интересом мальчик. — Это помет, оставляемый зверем, когда его гонят. Ловчий кладет его в свой рог, чтобы потом показать хозяину, и может сказать по нему, разрешена ли охота на этого зверя и каково его состояние.

— Умный ребенок, — отметил Король. — Очень. Ну вот, а я почти постоянно таскаю катыши с собой.

— Нечистоплотный обычай, — добавил он, обретая подавленный вид, — и совершенно бессмысленный. Сам понимаешь, Искомый Зверь на свете один, и вопрос дозволена на него охота или

нет не может даже возникнуть.

Тут забрало его приладилось падать так часто, что Варт решил пока не думать о своих невзгодах, а попытаться взбодрить собеседника, задавая ему вопросы по единственному предмету, о котором тот, видимо, мог говорить со знанием дела. Даже беседа с заблудившимся членом королевской фамилии лучше, чем одиночество в лесу.

— А на что он похож с виду, этот Искомый Зверь?

— Ах, мы, знаешь ли, именуем его Бет Глатисант, — отвечал монарх, принимая ученый вид и возвышая голос, — или, что по-английски сказать, Искомая Зверь. Ты же можешь называть ее всяко, — добавил он милостиво, — хочешь — Искомая Зверь, а хочешь — Искомый. Сия Зверь обладает главою змеи, э-гм, и туловом леобарса, и лядвеями льва, и голенями оленя. И куда тот зверь ни пойдет, из чрева его исходит шум, как бы от тридцати пар гончих псов.

— Если, конечно, он в это время не пьет, — добавил Король.

— Вот, должно быть, жуткое чудище, — сказал Варт, опасливо озираясь.

— Жуткое чудище, — повторил Король. — Таков он и есть, Бет Глатисант.

— И как вы за ним гоняетесь?

Похоже, то был неверный вопрос, ибо вид у Пеллинора стал еще удрученней.

— У меня с собой ищейная сука, — сказал он печально. — Вон она, там.

Варт поглядел в ту сторону, куда уныло указывал большой палец монарха, и увидел многократно обмотанное веревкой дерево. Конец веревки был привязан к седлу Короля Пеллинора.

— Что-то я ее не разгляжу.

— Запуталась в веревке с той стороны, смею сказать. С ней вечно так — я в одну сторону, она в другую.

Варт обошел дерево и обнаружил крупную белую псину, вычесывающую блох. Едва увидев Варта, она принялась извиваться всем телом, бессмысленно осклабясь и задыхаясь от стараний облизать ему все лицо, несмотря на веревку. Псина была слишком опутана веревкой, чтобы сдвинуться с места.

— Ищейка в общем хорошая, — сказал Король Пеллинор, — только уж очень пыхтит, вечно в чем-нибудь путается и тянет не в ту сторону. С ней да с этим забралом я порою не знаю, куда и поворотить.

— А почему вы ее не отвяжете? — спросил

Варт. — Она бы тогда гонялась за Зверем вряд ли хуже, чем теперь.

— Вот видишь ли, она тогда удирает, и я ее иногда по неделям не вижу.

— А без нее скучновато, — добавил Король, — гонишься за Зверем, а где он, что он — никогда ведь толком не знаешь. А тут все же, понимаешь, компания.

— Похоже, по натуре она дружелюбна.

— Чересчур дружелюбна. Порой я вообще сомневаюсь, за Зверем ли она гоняется.

— И что она делает, когда его видит?

— А ничего.

— Ну что же, — сказал Варт. — Я думаю, В конце концов у нее все же появится к нему интерес.

— Как бы там ни было, прошло уже восемь месяцев с тех пор, как мы его видели.

С самого начала беседы голос у бедняги становился все более грустным, и теперь Король явственно начал пошмыгивать носом.

— Это проклятие Пеллиноров, — воскликнул он, — вечно таскаться за этим паршивым Зверем. Уж если на то пошло, кому вообще он нужен? Сначала ты останавливаешься, чтобы спустить ищейку, потом у тебя сваливается забрало, потом ничего не видишь через очки. Поспать негде, где

ты есть никому не известно. Зимой ревматизм, летом солнечные удары. И ведь несколько часов уходит на то, чтобы напялить эти клятые доспехи. А напялишь, — так либо изжаришься, либо заледенеешь, да они еще и ржавеют. Сидишь всю ночь, начищаешь. Ах, как бы мне хотелось иметь хороший собственный домик и жить в нем, — с кроватями, с настоящими подушками, с простынями. Будь я богат, именно это я бы и купил. Хорошую кровать с хорошей подушкой и с хорошей простыней, на которой приятно лежать, а потом я бы вывел этого паршивого коня на луг да сказал бы этой паршивой ищейке: «Беги куда-нибудь, поиграй», и покидал бы в окно все мои паршивые латы, а паршивого Зверя оставил в покое, пусть он сам на себя охотится, — вот что бы я сделал.

— Если бы вы смогли показать мне дорогу домой, — сказал хитроумный Варт, — то сэр Эктор наверняка оставил бы вас ночевать.

— Ты вправду так думаешь? — вскричал Король. — На кровати?

— На кровати с периной.

Глаза у Короля Пеллинора округлились, как блюдца.

— С периной! — медленно повторил он. — А

подушка там будет?

— Подушки, пуховые.

— Пуховые подушки! — прошептал король, затаивая дыхание. А затем стремительно выдохнул: — Какой, наверное, чудный дом у твоего господина!

— Я думаю, он не дальше, чем в двух часах пути отсюда, — сказал Варт, стараясь не упустить удачи.

— И что же, этот господин послал тебя для того, чтобы ты меня к нему пригласил? (Он уже забыл, что Варт заблудился.) Как это мило с его стороны, очень мило, по-моему, что?

— Он будет рад нас видеть, — искренне сказал Варт.

— Ах, как это мило с его стороны, — снова воскликнул Король, принимаясь торопливо оправлять свою амуницию. — И какой он, должно быть, милый джентльмен, раз у него есть кровать с периной! Я полагаю, придется ее с кем-нибудь разделить? — произнес он с сомнением.

— Вы сможете получить кровать в ваше полное распоряжение.

— Кровать с периной, в полное распоряжение, с простыней и с подушкой, — а может, даже с двумя или с подушкой и с валиком — и не нужно

вовремя подниматься к завтраку! Твой опекун, он как — вовремя поднимается к завтраку?

— Никогда, — сказал Варт.

— А блохи в постели есть?

— Ни единой.

— Ну! — сказал Король Пеллинор. — Должен сказать, звучит до того хорошо, что и словами не выразишь. Кровать с периной и притом ни единого слова о катышах. Как долго, ты говоришь, нам туда добираться?

— Часа два, — сказал Варт, но второе из двух этих слов ему пришлось прокричать, ибо его заглушил шум, который в это мгновение поднялся где-то неподалеку.

— Что это? — воскликнул Варт.

— Внемли! — крикнул Король.

— Милость Господня!

— Это Зверь!

И рьяный охотник немедля забыл обо всем, кроме своей задачи. Он вытер очки о заднюю часть штанов — о единственный доступный на нем кусок ткани, меж тем как вокруг все разрастался кровожадный утробный рев. Он приладил очки на кончик длинного носа — в точности перед тем, как автоматически хлопнуло забрало. Он стиснул в правой руке тяжелое копье и

галопом поскакал в сторону шума. Веревка, обмотанная вокруг дерева, не отпустила его далеко — никчемная сука тем временем меланхолически гавкала, — и с громовым лязгом Король сверзился наземь. В следующую секунду он уже поднялся (Варт был уверен, что очки разлетелись вдребезги) и заскакал на одной ноге вокруг белого коня (другая застряла в стремени). Подпруга выдержала, каким-то образом он вновь залез на коня, оседлав заодно и копье, и загалопировал вокруг дерева в направлении, противном тому, в котором ищейка приматывалась к стволу. Он сделал на три круга больше, чем требовалось, а сука меж тем с лаем мчала в другую сторону, и наконец с четвертой или пятой попытки они избавились от помехи. «Улюлю, что!» — вскричал Король Пеллинор, размахивая в воздухе копьем и возбужденно раскачиваясь в седле. Затем он исчез во мраке леса вместе с несчастной собакой, влекомой за ним на веревке.

3

Мальчику сладко спалось под пологом леса — тем неглубоким, но освежающим сном, каким спишь в первый раз на открытом воздухе. Поначалу он лишь немного уходил под поверхность сна и проскальзывал там, словно лосось по мелководью, так близко к поверхности, что ему казалось, будто он еще в воздушной среде. Он думал, что бодрствует, хотя уже спал. Он видел, как звезды вращаются над его запрокинутым лицом на своих беззвучных и бессонных осях, как с жестким шуршанием трется о них листва, и слышал, как что-то чуть шевелится в траве. Легкий шелест шагов, биение мягких бахромчатых крыльев и тихий шорох чьих-то телец, легко скользящих вдоль травинок или бряцающих листами орляка, поначалу страшили и интересовали его, так что он поворачивался посмотреть, что там такое (но ни разу ничего не увидел), потом убаюкивали, и он уже не стремился их разглядеть, уверясь, что они — это они и ничто иное, и, наконец, все разом исчезало, а он утопал все глубже, глубже, зарываясь носом в пахучий дерн, в теплую почву,

в неиссякающие подземные воды.

Трудно было уснуть под ярким светом летней луны, но уснувший спал уже крепко. Солнце взошло рано, заставив Варта негодующе отвернуться, но, засыпая, он научился осиливать свет, и теперь свет не смог его разбудить. Только в девять, через пять часов после рассвета, он перекатился на спину, открыл глаза и мгновенно проснулся. Очень хотелось есть.

Варту приходилось слышать о людях, кормившихся одними лишь ягодами, но сейчас эти сведения не представлялись полезными, ибо стоял июль и ягод не было вовсе. Он нашел две земляничины и с жадностью их проглотил. На вкус они показались ему слаще всего на свете, и он пожалел, что их так мало. Потом ему захотелось, чтобы теперь стоял апрель, тогда он мог бы найти птичьи яйца и насытиться ими, или чтобы Простак не потерялся и поймал бы ему кролика, а он бы его зажарил на огне, который добыл бы, потерев одной палочкой о другую, будто презренный индеец. Впрочем, Простака он потерял, да, похоже, потерялся и сам, — пожалуй, и палочки навряд ли бы загорелись. Он решил, что не мог уйти от дома дальше, чем на три-четыре мили, и что самое правильное в его положении — это ти-

хо сидеть и прислушиваться. Тогда, если повезет с ветром, он сможет услышать шум сеностава и на слух отыскать дорогу к замку.

Услышал же он негромкий лязг, который заставил его подумать, что, верно, Король Пеллинор где-то невдалеке снова гоняет Искомого Зверя. Только звук был уж больно мерный и какой-то единонацеленный, отчего он решил, что Король Пеллинор с немалым терпением и усердием пытается совершить некое особое действие — к примеру, почесать себе спину, не снимая доспехов. И он пошел в направлении шума.

В лесу обнаружилась поляна, а на ней — опрятный каменный домик. Домик, хоть Варт в тот миг этого и не приметил, разделялся на две части. Главную составляла горница, или гостиная для всякого случая, высокая, до самой крыши, в полу ее помещался очаг, дым от которого без особой поспешности уходил через дырку в соломенной кровле. Другая половина домика делилась горизонтальным настилом надвое, — вверху находилась спальня, она же и кабинет, а низ служил кладовкой, клетью, конюшней и хлевом. Здесь, внизу, проживал белый ослик, а наверх отсюда вела приставная лестница.

Перед домом был вырыт колодец, и очень ста-

рый джентльмен, вращая ворот, тянул оттуда бадью с водой, — металлический лязг, услышанный Вартом, как раз и производился колодезной цепью.

«Блям-блям-блям» говорила цепь, пока бадья не ударила о закраину колодца, и «Ах, чтоб тебе провалиться! — сказал старый джентльмен. — Уж казалось бы, после стольких лет ученых занятий ты мог бы, клянусь Пресвятой Богородицей, разжиться чем-нибудь почище этого чертова колодца и дурацкой бадьи, чего бы оно, черт подери, ни стоило».

«И опять же, с какой стороны ни взгляни, — прибавил старый джентльмен, вытягивая бадью из колодца и недоброжелательно ее озирая, — ну что им стоило протянуть сюда электричество с водопроводом?»

Его облекала ниспадающая мантия с меховым капюшоном, на которой были вышиты знаки Зодиака, разнообразные кабалистические символы вроде треугольников с оком внутри, странного вида крестов, древесных листьев, птичьих и звериных костей, — и целый планетариум звезд, сиявших под солнцем, словно осколки зеркал. На голове красовалась остроконечная шляпа вроде дурацкого колпака или того головного убора,

какой носили в то время дамы, только у дам с верхушки обыкновенно свисала вуаль. Еще при нем были — волшебная палочка, вырезанная из lignum vitae — священного дерева жизни, которую он положил близ себя на траву, и пара очков в роговой оправе — вроде тех, что носил Король Пеллинор. Очки были необычные: без заушин, походящие формой на ножницы или на сяжки гигантской осы — убийцы тарантулов.

— Прошу прощения, сэр, — сказал Варт, — не могли бы вы указать мне дорогу к замку сэра Эктора, если вас это не затруднит.

Пожилой джентльмен поставил бадью на землю и взглянул на него.

— А зовут тебя, стало быть, Вартом?

— Да, сэр, пожалуйста, сэр.

— Мое имя Мерлин, — сказал старик.

— Как поживаете?

— Как поживаете?

Когда с формальностями было покончено, возникла пауза, и Варт смог подробнее разглядеть старика. Волшебник, не мигая, уставился на него со своего рода благосклонным любопытством, порождавшим ощущение, что и он может глазеть на старика и это не будет грубостью, все равно как если бы он разглядывал одну из коров своего

попечителя, которая, оперев о калитку голову, призадумалась вдруг о его персоне.

Мерлина украшала длинная белая борода и длинные белые висячие усы. Приглядевшись, Варт обнаружил, что вид у него далеко не опрятный. Не то чтобы ему грязь набилась под ногти или еще что-то такое, нет, но складывалось впечатление, что в волосах его гнездится некая крупная птица. Варту случалось видеть гнезда перепелятника и ястреба, безумную мешанину мелких прутьев и объедков, отнятых у белок и ворон, белый помет, старые кости, нечистые перья, погадку, — все, что покрывало ближние ветви и основание древесного ствола. Схожее зрелище являл собою и Мерлин. На плечах старика среди звезд и треугольников мантии виднелись дорожки помета, и пока он, неспешно помаргивая, разглядывал стоявшего перед ним мальчика, с кончика его шляпы неторопливо спускался крупный паук. Выражение у Мерлина было озабоченное, как будто он пытался припомнить какое-то имя, писавшееся как Чол, но произносившееся совершенно иначе, может быть, Мензис или все-таки Далзиэль? Пока он рассматривал мальчика, его добрые голубые глаза, очень большие и круглые под очками, словно затягивались

пленкой и туманились; наконец он с решительным выражением отворотился, как бы придя к выводу, что ему это все-таки не по силам.

— Персики любишь?

— Еще бы, — сказал Варт, у которого немедленно потекли слюнки.

— Они в эту пору редки, — неодобрительно произнес старик и зашагал по направлению к дому.

Варт последовал за ним, поскольку это было проще всего, предложил поднести бадью (что явно понравилось Мерлину, тут же ее отдавшему) и ждал, пока Мерлин разбирался с ключами, — бормоча, ошибаясь и роняя их на траву. Наконец, когда они проникли внутрь черно-белого домика — с такими сложностями, словно они его взламывали, — мальчик влез по лестнице за хозяином и оказался в комнате наверху.

Это была самая удивительная комната, в какой ему когда-либо приходилось бывать.

Со стропил свисал доподлинный крюкорыл, совершенно такой, как в жизни, страшенный, со стеклянными глазами и оттопыренным пластинчатым хвостом. Когда его хозяин вошел в комнату, чудище в знак приветствия подмигнуло одним глазом, хоть и было оно чучелом. Здесь помещались тысячи книг в побуревших кожаных

переплетах, иные были прикованы к полкам цепями, иные прислонились одна к другой, как если бы выпили лишку и не очень себе доверяли. От них тянуло плесенью, их солидная сумрачность навевала безмятежный покой. Были тут и чучела птиц — попугаев, сорок, зимородков, павлинов во всей их красе, разве что пары перьев в хвосте не хватало, и малых пичужек размером с жуков, и знаменитого феникса, от коего пахло ладаном и кардамоном. Феникс вряд ли был настоящим, поскольку единовременно может существовать только один. Над полкой камина висела лисья голова, под которой было написано «ГРАФТОН, ОТ БУКИНГЕМА ДО ДАВЕНТРИ, 2 ЧАС. 20 МИН.», а также сорокафунтовый лосось с подписью «ЛОХ-О, 43 МИН., БУЛЬДОГ» и совсем живой на вид василиск с подписью печатными буквами «КРОУХЕРСТ, ШОТЛАНДСКАЯ ВЫДРОВАЯ». Тут было несколько кабаньих клыков и тигриных когтей, и когтей леобарса, симметрично размещенных в стеклянной витринке, и огромная голова памирского архара, шесть живых ужей в подобии аквариума, несколько домиков ос-отшельниц, красиво вставленных в стеклянный цилиндр, заурядный пчелиный улей, обитатели коего безмятежно влетали и вылетали в окно, два молодых ежа,

обернутых в вату, чета барсуков, при появлении волшебника сразу же завопивших «ик-ик-ик-ик», двадцать коробочек, вмещавших шестерку гарпий, гусениц палочника и даже одну — олеандрового бражника ценою в шесть пенсов, — все кормились на своих любимых листьях, — ружейный ящик с разнообразным оружием, которое еще предстояло изобрести через полтысячи лет, ящик с таковыми же удилищами, комодик, набитый мормышками на лосося, Мерлиновой собственноручной вязки, другой комод, на ящиках которого красовались таблички «Мандрагора», «Мандрагоровый корень», «Камнеломка» и прочее, пучок индюшачьих и гусиных перьев, еще не подготовленных для письма, астролябия, двенадцать пар сапог, дюжина неводов, три дюжины проволочных силков на кролика, двенадцать пробочников, несколько муравьиных гнезд между двумя пластинами стекла, пузырьки с чернилами всевозможных оттенков от красного до фиолетового, штопальные иглы, золотая медаль лучшего стипендиата Уинчестера, четыре или пять фонографов, выводок полевой мыши живьем, два черепа, множество дорогого стекла — стекло венецианское, бристольское — и бутыль полировочной мастики, немного

желтого японского фарфора и клуазонне, четырнадцатое издание «Британской Энциклопедии» (подпорченное, если правду сказать, чрезмерным натурализмом его познавательных вкладных иллюстраций), два набора красок, один — масляных, другой — акварельных, три глобуса с изображением уже открытых земель, несколько окаменелостей, набитая голова странного гибрида верблюда и парса, именуемого также гирафой, шесть больших лесных муравьев, стеклянные реторты, колбы, бунзеновские горелки и еще много чего, включая полный комплект сигаретных обложек работы Питера Скотта, изображающих пернатую дичь.

Войдя в этот покой, Мерлин снял свою остроконечную шляпу, цеплявшуюся за кровлю, и сразу в одном из темных углов послышалась чья-то пробежка, захлопали мягкие крылья, и на черной шапочке, покрывавшей его макушку, объявилась неясыть.

— Ой, какая милая сова! — воскликнул Варт.

Однако, когда он приблизился к ней, протянув руку, сова распрямилась, став выше наполовину, затвердела, словно аршин проглотив, сожмурилась, оставив лишь узенькие щелки, — вот как обыкновенно делаешь ты, когда приходится

закрывать глаза, играя в прятки, — и сообщила неуверенным голосом:

— А никакой тут совы и нету.

После чего совсем закрыла глаза да еще отвернулась.

— Это всего лишь мальчик, — сказал Мерлин.

— И мальчика нету, — с надеждой сказала птица, не повернув головы.

Варт, пораженный открытием, что совы могут, оказывается, разговаривать, окончательно забылся и подошел еще ближе, отчего птица и вовсе разнервничалась, нагадила Мерлину прямо на голову, — комната была совершенно бела от помета, — и отлетела, усевшись на самом дальнем краешке крюкорылова хвоста, вне пределов досягаемости.

— У нас так редко случаются гости, — пояснил волшебник, вытирая голову половинкой драных пижамных штанов, которую держал для этой цели, — что Архимед немного стесняется незнакомцев. Иди сюда, Архимед, я хочу познакомить тебя с моим другом по имени Варт.

Тут он протянул к Архимеду руку, и тот враскачку, совсем по-гусиному, прошелся по крюкорыльей спине, — ему приходилось идти переваливаясь, чтобы не повредить хвоста, — и

с явственной неохотой соскочил к Мерлину на палец.

— Вытяни палец и приставь сзади к его лапкам. Нет, повыше, под самым хвостом.

Когда Варт это сделал, Мерлин слегка сдвинул Архимеда назад, так что палец мальчика уперся ему в ноги, и Архимеду осталось либо отступить, либо совсем потерять равновесие. Он отступил. Варт стоял, замерев от восторга, а мохнатые лапки крепко обхватывали его палец, покалывая кожу острыми коготками.

— Поздоровайся как полагается, — сказал Мерлин.

— Не буду, — сказал Архимед, глядя в сторону и ухватываясь покрепче.

— Ох, до чего же он милый, — снова вымолвил Варт. — Давно он у вас?

— Архимед живет у меня еще с того времени, когда был маленьким, — таким маленьким, что головка у него была размером не больше цыплячьей.

— Хорошо бы он со мною поговорил.

— Может быть, если ты дашь ему эту мышь, только вежливо, он захочет поближе с тобой познакомиться.

Мерлин вынул из шапочки мертвую мышь.

— Я их всегда тут держу и червей для рыбалки тоже. По-моему, очень удобно, — и вручил ее Варту, а тот протянул мышь Архимеду — с некоторой опаской, ибо кривой ореховый клюв выглядел достаточно грозно, — но Архимед, внимательно осмотрев мышь, подмигнул Варту, переступил по пальцу поближе к ней, закрыл глаза и наклонился вперед. Он постоял с закрытыми глазами и выражением блаженства на лице, словно читая молитву, и затем, удивительной боковой поклевкой взял лакомство столь нежным прихватом, что будь это мыльный пузырь, и тот остался бы цел. Он еще посидел, наклонившись вперед, с мышью, свисавшей из клюва, как если бы толком не знал, что же с ней дальше делать. Затем приподнял правую лапку, — он был правша, хоть люди уверены, что это относится только к ним, — и взял ею мышь. Он держал ее так, как мальчик держит палочку с леденцом, как полицейский — свою дубинку, и глядел на нее, покусывая за хвост Потом перевернул головою вперед, ибо Варт подал мышь неправильно, и заглотнул одним махом. Оглядев общество (хвост еще свисал из угла его клюва), словно желая сказать: «Я предпочел бы, чтоб вы не глазели так на меня», Архимед отвернулся, воспитанно сглотнул хво-

стик, почесал левой лапкой свою шкиперскую бородку и взъерошил перья.

— Ну, пусть его, — сказал Мерлин. — Может быть, он не желает сходиться с тобой, не узнав, что ты собой представляешь. С совами нелегко подружиться, зато уж потом не раздружишься.

— Может, он посидит у меня на плече, — сказал Варт и при этом машинально опустил руку, так что Архимед, предпочитавший сидеть как можно выше, взбежал по рукаву и скромно встал у Варта за ухом.

— А теперь завтракать, — сказал Мерлин.

На столике у окна Варт увидел чудеснейший завтрак, аккуратно накрытый для двоих. Персики там были. Там были также дыни, земляника со сливками, сухарики, коричневая, пышущая жаром форель, еще более лакомые жареные окуни, цыплята с обжигающей рот острой приправой, почки с грибами на гренках, фрикасе, кэрри и на выбор — булькающий кофе и наиотменнейший шоколад со сливками в больших чашках.

— Возьми горчицы, — сказал волшебник, когда они добрались до почек.

Горшочек с горчицей приподнялся и, переваливаясь, как Архимед, подошел к тарелке Варта на тонких серебряных ножках. Затем он распря-

мил свои гнутые ручки и одной приподнял с преувеличенной вежливостью крышку, а другой протянул Варту щедро наполненную ложку.

— Ну и горшочек! — воскликнул Варт. — Где вы такой раздобыли?

При этих словах горшочек расплылся в улыбке и начал важно прогуливаться взад-вперед, но Мерлин стукнул его чайной ложкой по маковке, так что он сел и сразу накрылся.

— Горшочек неплох, — ворчливо сказал волшебник, — но уж больно любит покрасоваться.

Доброта старика и особенно чудесные вещи, которыми он владел, до того поразили Варта, что ему не хотелось приставать к чародею с вопросами личного свойства. Ему казалось, что вежливее всего будет просто сидеть и говорить лишь тогда, когда волшебник к нему обратится. Но Мерлин говорил мало и вопросов не задавал, так что у Варта в конце концов любопытство взяло верх над хорошими манерами, и он решился спросить о том, что томило его уже некоторое время.

— Вы не будете против, если я вас спрошу кое о чем?

— Для того я здесь и сижу.

— Как вы узнали, что завтракать будут двое?

Приготавливаясь ответить, старый джентль-

мен откинулся в кресле и раскурил огромную пенковую трубку («Господь милосердный, да он же дышит огнем», — подумалось Варту, сроду не слышавшему о табаке). Затем он с неуверенным видом снял свою шапочку, — вывалились три мыши, — и почесал лысую голову.

— Ты когда-нибудь пробовал рисовать, глядя в зеркало? — спросил он.

— По-моему, нет.

— Зеркало, — сказал Мерлин, протягивая руку. Тут же в ладони его очутилось маленькое дамское зеркальце.

— Да не такое, дурак, — сердито сказал он. — Мне нужно зеркало настолько большое, чтобы, глядя в него, можно было побриться.

Зеркальце сгинуло, а на месте его появилось зеркало для бритья размером в квадратный фут. Затем он быстро потребовал карандаш и бумагу, — и получил неочиненный карандаш и номер «Морнинг Пост», отослал их назад, получил авторучку, не заправленную чернилами, и шесть стопок бурой бумаги, годной разве что на обертку, отослал их назад, разразился гневной тирадой, в которой часто упоминалась Пресвятая Богородица, и в конце концов получил угольный карандаш и немного папиросной бумаги, о кото-

рых сказал, что эти сойдут.

Он положил один из листков перед зеркалом и нанес на него пять точек.

— А ну-ка, — сказал он, — соедини эти точки так, чтобы вышло W, но при этом смотри только в зеркало.

Варт взял карандаш и попробовал сделать то, что ему велели.

— Ну что же, не так уж и плохо, — сказал волшебник без особой уверенности, — и, пожалуй, даже смахивает немного на М.

После чего впал в задумчивость, поглаживая бороду, вдыхая огонь и глядя на лист бумаги.

— Так что насчет завтрака?

— Ах, да. Как я узнал, что завтракать будут двое? Именно потому я и показал тебе зеркало. Дело в том, что обычные люди, родившись, двигаются во Времени вперед, если ты понимаешь, что я имею в виду, да и почти все в мире движется в ту же сторону. Оттого и жить обыкновенным людям довольно просто, как просто было бы превратить эти точки в W, если бы ты смотрел на них прямо, а не задом наперед и шиворот навыворот. Я же, к несчастью, рожден на другом конце времени и вынужден жить спереду назад, окруженный при этом людьми, живущими сзаду наперед. Кое-кто

называет это проницательностью.

Он вдруг прервал свою речь и с тревогой воззрился на Варта.

— Я тебе раньше этого не говорил?

— Нет, мы же встретились всего полчаса назад.

— Так мало времени осталось? — сказал Мерлин, и большая слеза скатилась к самому кончику его носа. Он стер ее тем же куском пижамы и встревожено прибавил: — А еще раз я тебе буду об этом рассказывать?

— Не знаю, — сказал Варт. — А вы уже все рассказали?

— Ты понимаешь, когда вот так живешь, непременно запутаешься во Времени. Первое дело, перемешиваются все глагольные времена. Если ты знаешь, что должно случиться с людьми, и не знаешь, что с ними уже случилось, трудновато бывает помешать случиться тому, что ты не хочешь, чтобы случалось, — ты понимаешь, о чем я толкую? Все равно как рисовать, глядя в зеркало.

Варт мало что понял, но все равно собрался сказать, что ему жалко Мерлина, если все это заставляет его горевать, но вдруг ощутил, что с ухом его творится что-то неладное. «Не дергайся», — сказал старик именно в то мгновение, когда Варт собрался вскочить, и Варт остался

сидеть. Архимед, все это время простоявший забытым у него на плече, нежно прижался к нему. Клюв его очутился у самой мочки уха, щекоча ее волосками, и внезапно мягкий и хриплый голос шепнул: «Как поживаете?», и показалось, что звуки эти раздались прямо у Варта в голове.

— Вот так Архимед! — закричал Варт, тут же забыв о горестях Мерлина. — Видишь, он все же решил со мною поговорить!

Варт осторожно прислонил голову к гладким перьям, и неясыть, прихватив клювом краешек его уха, быстро-быстро, мельчайшими клевками прошлась по его закруглению.

— Я буду звать его Арчи!

— Очень надеюсь, что ничего подобного ты не сделаешь, — мгновенно воскликнул Мерлин голосом сердитым и резким, а неясыть перелетела к нему на плечо, как можно дальше от Варта.

— Разве это обидно?

— Ты бы еще Филином меня назвал или Филей, — сварливо сказал Архимед. — С тебя станется. Или Фалалеем, — с горечью добавил он.

Мерлин взял Варта за руку и добрым голосом сказал:

— Ты юн и не понимаешь этих вещей. Но ты еще обнаружишь, что совы — самые вежливые,

прямодушные и преданные из живых существ. С ними нельзя быть фамильярным, грубым или вульгарным, также нельзя их высмеивать. Их прародительница — Афина, богиня мудрости, и хоть они часто с охотой разыгрывают шута, чтобы тебя позабавить, такое поведение — прерогатива истинно мудрых. Прозвище Арчи для такой птицы попросту невозможно.

— Прости меня, Архимед, — сказал Варт,

— И ты прости меня, мальчик, — откликнулся Архимед. — Я мог бы понять, что речи твои от незнания, и ныне горько раскаиваюсь в мелочности, с какой оскорбился тем, что не подразумевало никаких оскорблений.

Архимед и вправду раскаивался и выглядел столь прежалостно, что Мерлину пришлось напустить на себя вид самый беспечный и переменить разговор.

— Ну что же, — сказал он, — теперь, когда мы покончили с завтраком, я полагаю, самое время отправиться всем троим на поиски обратной дороги к сэру Эктору.

— Минутку, прошу простить, — добавил он, словно бы спохватившись, и, обернувшись к столовым приборам, ткнул в них узловатым пальцем и суровым голосом произнес: — Мыться.

По этому слову вся посуда, ножи и вилки брызнули со стола, скатерть вытряхнула крошки в окно, а салфетки сами собой сложились. Все поскакали по лестнице вниз — туда, где Мерлин оставил бадью, и понеслись оттуда такие вопли и гам, словно ораву детей отпустили из школы. Мерлин подошел к двери и крикнул: «Поосторожней, чтобы никто у меня не разбился». Но голос его совсем заглушили визгливые вопли, плеск и выкрики: «Ой-й-й, холодрыга!», «Я тут долго не выдержу», «Полегче, ты же меня разобьешь» или «Пошли, утопим заварочный чайник».

— И вы действительно проводите меня до самого дома? — спросил Варт, с трудом веривший в хорошие новости.

— Почему бы и нет? Как еще я смогу стать твоим наставником?

Тут глаза Варта принялись округляться и округлялись, пока не стали почти такими же, как у Архимеда, сидевшего у него на плече, а лицо принялось краснеть и краснеть, дыхание же остановилось и, кажется, собралось в комок ниже сердца.

— Ну! — выкрикнул он, и глаза его засияли от возбуждения, вызванного этим открытием. — Так это я, значит, на Поиски ходил!

4

Рассказывать Варт начал, еще не пройдя половины подъемного моста.

— Смотрите, кого я привел, — сказал он. — Смотрите! Я ходил на Поиски! Три стрелы в меня выпустили. Черные с желтыми полосами. Птицу зовут Архимед. Я видел Короля Пеллинора. Это мой наставник, Мерлин. Ради него я и отправился на Поиски. Он гнал Искомого Зверя. Это я про Короля Пеллинора. В лесу было жутко. А Мерлин заставил тарелки помыться. Привет, Хоб. Смотри, мы принесли Простака.

Хоб лишь посмотрел на Варта, но с такой гордостью, что Варт залился краской. Так приятно было опять вернуться домой, к друзьям, свершив все, что хотел совершить.

Хриплым голосом Хоб произнес:

— Ах, мастер, мы еще сделаем из вас соколятника. Он потянулся к Простаку, словно не в силах был долее удерживать руки, впрочем, успев погладить и Варта, приласкав их обоих, потому что не мог разобрать, кого из них ему приятнее видеть. Простака он усадил к себе на кулак с тем

же чувством, с каким калека снова прилаживает потерянную было привычную деревянную ногу.

— Это Мерлин его поймал, — сказал Варт. — Когда мы шли домой, он послал на поиски Архимеда. А Архимед вернулся и говорит, что нашел, и что он убил голубя и теперь его ест. Тут мы пошли и спугнули его. Потом Мерлин воткнул вокруг голубя шесть перьев из его собственного хвоста, а вокруг перьев сделал петлю из длинной веревки. Один конец он привязал к палке, торчавшей в земле, а с другим мы спрятались за куст. Он сказал, что не станет использовать магию. Сказал, что в Высоких Искусствах магией пользоваться нельзя, ну, как нечестно создавать великую статую с помощью волшебства. Понимаете, ее полагается резцом высекать. Потом Простак спустился, чтобы прикончить голубя, а мы потянули веревку, и петля скользнула по перьям и поймала его за лапки. Ох и разозлился же он! Но мы ему дали голубя.

Хоб почтительно поклонился Мерлину, и тот столь же вежливо ответил ему. Они с важным расположением осмотрели друг друга, признав один в другом мастера своего цеха. Когда им удастся остаться наедине, они еще смогут наговориться об искусстве соколиной охоты, хоть Хоб

от природы человек молчаливый. Пока же им должно ждать, когда наступит их время.

— О, Кэй, — крикнул Варт, как только тот появился вместе с няней и прочими, кто радостно спешил его поприветствовать. — Смотри, я привел нам наставника, это волшебник. У него есть горшочек с горчицей, который умеет ходить.

— Я рад, что ты возвратился, — сказал Кэй.

— Вот горе, да где же вы спали, мастер Арт? — воскликнула няня. — Посмотрите, ваш чистый дублет весь в грязи, весь изорван. Ну и напугали ж вы нас, я прямо не знаю. И в волосах, посмотрите, сплошные сучки. Ах вы мой озорной, беспризорный ягненочек.

Прибежал, громыхая надетыми задом наперед наголенниками, сэр Эктор и расцеловал Арта в обе щеки.

— Ну-ну-ну, — растроганно воскликнул он. — Вот мы и дома, а? Черт знает, каких мы делов понаделали, а? Весь дом кверху дном поставили.

Но втайне он испытывал гордость за то, что Варт остался с ястребом, и испытал еще большую, увидев, что ястреб пойман, ибо все это время Хоб держал птицу на воздетой руке, так, чтобы все ее видели.

— Ах, сэр, — сказал Варт, — а ведь я выходил

на поиски, о которых вы говорили, на поиски наставника, и вот я его нашел. Пожалуйста, вот он, этот джентльмен, а прозвание его — Мерлин. У него тут с собой барсуки и ежи, и мышь, и муравьи и всякие твари на том белом ослике, потому что мы не могли оставить их там голодать. Он великий волшебник и умеет доставать всякие вещи прямо из воздуха.

— Ах маг и волшебник, — сказал сэр Эктор, надевая очки и внимательно оглядывая Мерлина. — Надеюсь, магия белая?

— Несомненно, — ответил Мерлин, терпеливо стоявший в толпе, сложив на некромантической мантии руки, Архимед же, меж тем, вытянувшись и застыв, восседал на его голове.

— Вообще-то неплохо бы рекомендации посмотреть, — произнес сэр Эктор с сомнением. — Такой уж порядок.

— Рекомендации, — сказал Мерлин, простирая руку.

Мгновенно в руке его появилось несколько тяжелых таблет за подписью Аристотеля, пергамент, подписанный Гекатой, и пара машинописных страниц (вторые копии) с росчерком так и не сумевшего припомнить, откуда он знает Мерлина, ректора Тринити-колледжа. Все они

характеризовали Мерлина наилучшим образом.

— Из рукава достал, — проницательно заметил сэр Эктор. — А еще что-нибудь вы умеете?

— Дерево, — сказал Мерлин. И посреди двора тут же выросла огромная шелковица с сочными синими ягодами, готовыми со стуком осыпаться наземь. Это было тем более замечательно, что шелковицы приобрели популярность только во времена Кромвеля.

— Эти штуки проделывают при помощи зеркал, — сказал сэр Эктор.

— Снег, — откликнулся Мерлин. — И зонт, — поспешно добавил он.

И не успели они оглянуться, как медяное летнее небо побронзовело, похолодело, снизилось, и пребольшущие хлопья снега, каких сроду никто не видел, медленно поплыли над ними, опускаясь на крепостные зубцы. Никто еще и не ахнул, а снега навалило уже на вершок, и всех зазнобило на зимнем ветру. Нос сэра Эктора посинел, с кончика его свисала сосулька, и у всех, кроме Мерлина, на плечах образовались пласты снега. Мерлин стоял в середине толпы, подняв зонт повыше, чтобы прикрыть и Архимеда.

— А это все гипнотизм, — объяснил сэр Эктор, стуча зубами. — Как у тех проходимцев из Ин-

дий.

— Однако, будет, — добавил он торопливо, — этого более чем достаточно. Я уверен, что из вас выйдет отличный наставник, чтобы учить этих мальчиков.

Снег немедленно прекратился, и показалось солнце.

— Достаточно, чтобы наградить воспалением легких, — промолвила няня, — или запугать податливых слуг.

Мерлин меж тем сложил и отдал обратно в воздух зонт, и воздух зонт принял.

— Нет, вы только представьте, мальчик в одиночку управился с такими поисками, — воскликнул сэр Эктор. — Ну-ну-ну! Чудеса да и только!

— Тоже мне поиски, — сказал Кэй. — Он просто пошел за ястребом, вот и все.

— И он добыл ястреба, мастер Кэй, — неодобрительно молвил Хоб.

— Да ладно, — сказал Кэй, — готов поспорить, что это не он, а старик.

— Кэй, — молвил Мерлин, чей облик внезапно стал грозным, — во все дни свои глаголаешь ты, исполнясь гордыни купно с злоречием, а того ради и злосчастья. И все твои горести изойдут из твоих собственных уст.

При этих словах всем стало не по себе, а Кэй, вместо того чтобы по обыкновению прогневаться, свесил главу. В сущности он был человек далеко не противный, напротив — умный, живой, гордый, страстный и властолюбивый. Он был из тех людей, что не становятся ни водимыми, ни водительствующими, но остаются лишь при честолюбивом сердце, нетерпеливо бьющемся в темнице непреуспевшего тела. Мерлин тут же и устыдился сказанной резкости. Чтобы поправить впечатление, он вынул из воздуха серебряный охотничий ножичек и протянул его Кэю. Шишак на рукояти был сделан из черепа горностая, проваренного в масле и отполированного под стать слоновой кости, и Кэю ножик полюбился.

5

Дом сэра Эктора назывался Замок Дикого Леса. Он более походил на городок или деревню, чем на дом одного человека, — он и становился деревней в пору опасности, ибо эта часть нашего рассказа относится ко временам неспокойным. При всяком набеге или вторжении какого-нибудь соседствующего тирана каждый, кто жил во владении, поспешал в замок, гоня перед собою скотину и загоняя ее в межстенные замковые дворы, где она оставалась, пока не минет опасность. Глинобитные хижины при набегах почти неизменно сгорали, и приходилось потом с проклятьями их отстраивать. По этой же причине не имело смысла ставить в деревне церковь, ибо и ее пришлось бы каждый раз строить заново. Селяне посещали замковую часовню. По воскресеньям они облачались в лучшие одежды и шествовали по улице самой респектабельной поступью, озираясь по сторонам с видом неуверенно-важным, словно бы не желая, чтобы сразу было понятно, куда это они направляются; в будние же дни они приходили к мессе и к вечерням в обычной

одежде да и вышагивали веселее. В те времена все посещали церковь и всем это нравилось.

Замок Дикого Леса стоит и поныне, еще видны развалины его ладных стен, заросших плющом, обтесанных солнцем и ветром. Теперь здесь живут ящерки, в плюще согреваются зимними ночами оголодавшие воробьи, и сова-сипуха раз за разом прилетает гнать их оттуда, зависая снаружи над перепуганным сообществом и колотя крыльями по плющу, чтобы их выкурить. Большая часть внешней стены обрушилась, хотя можно еще различить основания двенадцати опорных башен, охранявших ее. Они были круглые и выступали из стены в ров, так что лучники имели возможность стрелять во всех направлениях и прикрывать любой участок стены. Внутри башен шли винтовые лестницы. Лестницы завивались вокруг центральных колонн, а в колоннах имелись прорези, через которые тоже стреляли из луков. Даже если враг пробивался за внешнюю стену и врывался в башню, защитники замка могли отступать по ступеням наверх и сквозь эти щели обстреливать тех, кто преследовал их.

Каменная часть подъемного моста с барбаканом и стрельницами наворотного покоя еще в хорошем состоянии. Здесь много хитроумных

приспособлений. Если врагам и удавалось преодолеть деревянный мост, а его поднимали, что не облегчало задачу, их поджидала утяжеленная громадным бревном опускная решетка, способная раздавить кого угодно в лепешку да еще и проткнуть насквозь. Пол барбакана прикрывал большую ловушку, через которую враги опять-таки попадали в ров. А на другом конце барбакана их поджидала еще одна опускная решетка, так что нападающих можно было запереть между решетками и уничтожить сверху, поскольку в полу стрельниц, или навесных башенок, имелись отверстия, через которые защитники замка могли сбрасывать им на голову все, что было под руками. И наконец, выпуклый резной орнамент в середине сводчатого потолка крепостных ворот скрывал небольшое аккуратное отверстие, ведшее в верхний покой, где стоял большой котел, в котором плавился свинец или кипело масло.

Это что касается наружных укреплений. Проникнув же за внешнюю стену, ты попадал в своего рода широкий коридор, возможно, забитый ошалелыми овцами, и обнаруживал перед собой еще одну, вполне самостоятельную крепость. То была внутренняя цитадель с восемью огромными опорными башнями, стоящими и поныне. Какое

удовольствие — забраться на самую высокую из них и лежать там, озирая порубежье Уэльса, из-за которого приходили иные из этих старинных напастей, и не иметь над головой ничего, кроме солнца, и посматривать на семенящих внизу маленьких туристов, ничего не ведающих о стрелах и кипящем масле. Подумай, сколько столетий выстояла эта несокрушимая башня. Ей случалось переходить из рук в руки — один раз после осады, дважды по причине предательства, но штурмом ее не взяли ни разу. На этой башне нес свою службу дозорный. Здесь он стоял на страже над синими лесами, что уходят к Уэльсу. Ныне его белые старые кости лежат под полом часовни, так что стоять на страже придется тебе.

Если ты глянешь вниз и не испугаешься высоты (Общество Охраны Того и Сего установило превосходное ограждение, дабы охранить тебя от падения вниз), ты сможешь увидеть всю анатомию внутреннего двора, лежащего под тобою, как карта. Ты сможешь увидеть часовню, ныне вполне открытую своему богу, и окна обширного зала с верхним покоем над ним. Ты сможешь увидеть дымоходы огромных каминов и то, как хитроумно придумано соединение с ними боковых вытяжных труб, и маленькие личные покои,

ныне доступные публике, и исполинскую кухню. Если ты человек с понятием, ты проведешь здесь дни, а то и недели, строя догадки и понемногу проясняя для себя, где помещались конюшни, где кречатня, где находился коровник, оружейная, сеновалы, колодец, кузня, псарня, где квартировали солдаты, где проживал священник, где находились покои моего господина и госпожи. И тогда все это снова вырастет, обступая тебя. В солнечном свете засуетятся вокруг низкорослые люди, — они были меньше, чем мы, и нам было бы трудновато втиснуться в немногие уцелевшие части доспехов или в их старые перчатки, — заблеют овцы на свой вечный манер, и, может быть, зашелестит прилетевшая из Уэльса трехперая стрела и замрет с таким видом, словно ей ни разу и не довелось шелохнуться.

Конечно, для мальчика это был рай. Варт сновал по замку, как кролик снует по путанному своему лабиринту. Он знал все и вся — все особые запахи, все места, где легко взобраться на стену, уютные норы, потайные укрытия, соскоки, скаты, закоулки, кладовки и прочие благодатные уголки. На каждое время года у него, как у кошки, имелось излюбленное местечко, и он непрестанно вопил, скакал, дрался и выводил людей из терпения, и

лодырничал, и мечтал, и воображал себя рыцарем. В эту минуту он находился на псарне.

В те дни у людей были свои представления о выучке собак, не те, что бытуют ныне. Они полагались более на любовь, чем на строгость. Вообразите теперешнего владельца псовой охоты, как он укладывается в постель со своими гончими, а между тем Флавий Арриан говорит, что «самое лучшее, если они смогут спать с кем-то из людей, потому что это делает их человечнее, и потому что души их исполняются радости в обществе человеческих существ; также, если ночью они были неспокойны или страдали внутренней немощью, вы будете знать об этом и не станете использовать их для охоты на следующий день». На псарном дворе сэра Эктора имелся особый мальчишка по прозванию Собачий Мальчик, живший вместе с гончими днем и ночью. Он был чем-то вроде вожака собачьей стаи, и ему вменялось в обязанность каждодневно выводить их на прогулку, выдергивать колючки из лап, следить, чтобы не завелись у них на ушах язвочки, накладывать при мелких вывихах повязки, давать им снадобье от глистов, отделять и выхаживать заболевших чумкой, быть судьею в их ссорах, а по ночам спать меж ними, свернувшись калачиком.

И если мне простят еще одну ученую цитату, то вот как описывал позже такого мальчика убитый при Азенкуре герцог Йорк в своей книге «Королевская Охота»: «Также я обучу это дитя выводить собак дважды на дню — утром и вечером, но так, чтобы солнце непременно еще стояло в небе, особливо зимой. И пусть он позволит им долго бегать и резвиться на солнечном лугу, и затем пусть вычешет каждую гончую одну за одной и протрет ее насухо большим пуком соломы, и пусть поступает так во всякое утро. И затем пусть он отводит их в некое красивое место, где растут мягкие травы и злаки, и иные растения, каковых они смогут поесть, ибо это лекарство для них». И тогда, «как сердце мальчика и все дела его» будут с гончими, сами гончие станут «добры и ласковы, и чисты, довольны и веселы, и игривы, и приязненны для всякого рода существ, не считая дикого зверя, к коему им надлежит проявлять свирепство, ревность и злобу».

Собачьим мальчишкой сэра Эктора был никто иной как тот, которому откусил нос страшный Вот. Порядочного человеческого носа у него не было, да сверх того прочие деревенские дети осыпали его камнями, — вот он и нашел утешение в обществе животных. Мальчик разговаривал

с собаками — не как нянька с младенцем, но на их собственном языке, рыча и лая. Все они любили его и уважали за то, что он выдергивает им колючки из лап, и со всеми своими неприятностями бежали прямо к нему. А он всегда сразу же понимал, какая приключилась беда, и, как правило, находил способ ее поправить. Для собак было счастьем иметь при себе свое божество, да к тому же и в зримом образе.

Варт был привязан к Собачьему Мальчику и считал его очень умным, поскольку тому удавалось так управляться с собаками, — ибо он мог одним лишь движеньем руки добиться от них едва ли не всего, — а Собачий Мальчик любил Варта примерно так же, как собаки любили его самого, и вообще считал Варта почти что святым, потому что Варт умел читать и писать. Они проводили вместе немало времени, возясь на псарне с собаками.

Псарня располагалась невдалеке от кречатни, прямо под сеновалом, так что летом в ней было прохладно, а зимою тепло. Население ее составляли аланы, борзые, гончие и ищейки. Звали их Увалень, Упорный, Феба, Клей, Венок, Тальбот, Люс, Люффра, Аполлон, Хвала, Бран, Гелерт, Отскок, Мальчик, Лев, Громыхало, Тоби и Алмаз.

Варт особенно любил пса по имени Каваль, и как раз вылизывал ему нос — не наоборот, — когда его обнаружил Мерлин.

— Со временем это сочтут нечистоплотной привычкой, — сказал Мерлин, — хоть сам я ничего нечистоплотного в ней не вижу. В конце концов, нос этой твари, как равно и твой язык, — творенье Господних рук.

— И еще неизвестно, какое лучше, — задумчиво добавил философ.

Варт не всегда понимал, о чем Мерлин толкует, но слушать его речи любил. Ему не нравились взрослые, разговаривавшие с ним, как с маленьким, он предпочитал тех, что говорили, как привыкли, предоставляя ему мчаться вслед за их мыслью, ухватывать на лету значение слов, цепляясь за знакомые, строить догадки и усмехаться их сложным шуткам, внезапно обретавшим смысл. Он испытывал в этих случаях блаженство дельфина, играющего в неведомом море.

— Ну что же, пойдем? — спросил Мерлин. — По-моему, самое время начать наши уроки.

При этих словах сердце у Варта упало. Наставник провел здесь месяц, стоял уже август, но никаких уроков пока что не было. Теперь он вдруг вспомнил, что ради них Мерлин сюда и явился,

и со страхом подумал об Основаниях Логики и замызганной астролябии. Он, впрочем, понимал, что придется все это вытерпеть, и послушно встал, напоследок с сожалением потрепав Кавалля. Он подумал, что с Мерлином, способным и «Органон» сделать интересным, особенно если он прибегнет к какому-нибудь волшебству, все может оказаться не таким уж и скучным..

Они вышли в замковый двор, под солнце, настолько жгучее, что в сравнении с ним жара сенокоса казалась совершеннейшим пустяком. Пекло, как в печке. Грозовые тучи, обычные при жаркой погоде, были тут как тут, — громады кучевых облаков с пылающими краями, — однако никакой грозы не предвиделось. Даже для нее было слишком жарко. «Вот бы сейчас, — думал Варт, — чем тащиться в душный класс, снять бы одежду да поплавать во рву».

Они пересекли двор, набрав побольше воздуху в грудь, как если бы им пришлось проскакивать сквозь раскаленную печь. В тени от наворотного покоя потянуло прохладой, но барбакан с его тесными стенами был истинным пеклом. Миновав его последним броском, они добрались до подъемного моста, — уж не догадался ли Мерлин, о чем он подумал? — и остановились, глядя на ров.

Была пора цветенья кувшинок. Они бы покрыли всю воду, если б сэр Эктор не приказывал каждый год расчищать часть рва мальчикам под купальню. Благодаря этому примерно двадцать ярдов по обе стороны от моста оставались свободны, так что можно было прямо с моста и нырять. Ров был глубокий. Его использовали под рыбный садок, чтобы обитатели замка могли получать рыбу по пятницам, и по этой причине архитекторы приняли особые меры, дабы сюда не попадали помои и сточные воды. Рыбы во рву каждый год плодилось изрядно.

— Эх, быть бы мне рыбой, — сказал Варт.

— Какою же именно?

Было, пожалуй, слишком жарко для размышлений на эту тему, но Варт в тот миг смотрел в прохладную воду, где бесцельно болтался целый школьный класс окуньков.

— Пожалуй, — сказал он, — мне бы понравилось быть окунем. Они храбрее глупой плотвы и не так кровожадны, как щуки.

Мерлин снял шляпу, учтиво поднял в воздух свою палочку из дерева жизни и медленно произнес:

— Нилрем теувтстевирп анутпен и ен тедуб ил но кат рбод отч темирп оготэ акорто в ыбыр?

Немедленно послышался зычный рев витых морских раковин, и над зубцами стены объявился плотный, веселого вида господин, сидящий на растрепанном облаке. На животе у него виднелся вытатуированный якорь, а на груди — ладная русалка, под которой было написано «Мэйбл». Выплюнув табачную жвачку, он покивал приятельски Мерлину и нацелился трезубцем на Варта. Тут Варт обнаружил, что лишился одежды. Еще он обнаружил, что свалился с подъемного моста и боком звучно плюхнулся в воду. Еще обнаружил он, что ров и мост в размерах выросли в сотни раз. И понял он, что обратился в рыбу.

— О Мерлин, — закричал он, — пожалуйста, не оставляй меня!

— На этот раз не оставлю, — сказал ему на ухо крупный и важный линь. — Но впредь управляйся сам. Образование приобретается опытом, а сущность опыта в том, чтобы полагаться лишь на себя самого.

Оказалось, что быть существом иного рода дело нелегкое. Пытаться плыть на человечий манер было бессмысленно, ибо от этого его только скручивало наподобие пробочника да и плыл он слишком медленно. А плавать по-рыбьему он не умел.

— Не так, — веско вымолвил линь. — Положи подбородок на левое плечо и попробуй складываться, будто карманный нож. Начинающему не следует думать о плавниках.

Ноги у Варта слиплись, образовав спинную кость, а ступни и пальцы на них стали хвостовым плавником. Руки тоже обратились в два плавника — нежно-розовых — и еще один вырос где-то на животе. Голова был свернута, и лицо смотрело через плечо так, что когда он изгибался посередине, ступни устремлялись скорее к уху, чем ко лбу. Тело приобрело красивый оливково-зеленый оттенок, его покрывала не особенно искусно сработанная пластинчатая кольчуга с темными полосками на боках. Не очень он был уверен, где у него бока, где спина, а где грудь, но то, что ныне стало его животом имело приятный беловатый окрас, а спину венчал отличный большой плавник, который можно было поднимать, изготовляясь к сражению, — в нем имелись шипы. По совету линя он сложился, как ножик, и обнаружил, что плывет прямо вниз, в донную тину.

— Пользуйся ногами, чтобы поворачивать вправо и влево, — сказал линь, — и расправь плавник на животе, тогда ты сможешь держаться на одной высоте. Ты теперь живешь в двух плос-

костях, не в одной.

Варт обнаружил, что может держаться более или менее на одном уровне, меняя наклон боковых плавников и того, что на брюхе. Он неуверенно отплыл в сторону, испытывая чрезвычайное наслаждение.

— Вернись, — сказал линь. — Научись сначала плавать, а потом уж будешь метаться.

Чередою зигзагов Варт вернулся к наставнику и заметил:

— Похоже, что прямо я плыть не могу.

— Беда твоя в том, что плывешь ты не от плеча. Ты плаваешь, как плавал, когда был мальчиком, сгибаясь в бедрах. Попробуй складываться, начиная прямо от шеи и дальше к хвосту, и изгибай свое тело вправо ровно настолько, насколько ты хочешь, чтобы оно сдвинулось влево. Работай спиной.

Варт пару раз страшно дернулся и исчез в зарослях хвостника, росшего в нескольких ярдах от них.

— Так уже лучше, — сказал линь, скрытый из виду оливковой мглистой водой, и Варт с бесконечными затруднениями стал спиной выбираться из зарослей, выворачивая боковые плавники. Под конец, желая блеснуть, он одним

мощным толчком метнулся туда, откуда слышался голос.

— Хорошо, — сказал линь, когда они столкнулись хвостами. — Однако главное достоинство храбрости — ее осмысленность. Попробуй-ка, сможешь сделать вот так? — прибавил он.

И без какого бы то ни было видимого усилия он спиною заплыл под кувшинку. Без видимого усилия, — но Варт, старательный ученик, внимательно следил за малейшими движениями его плавников. Он крутнул собственными плавниками против часовой стрелки, ловко прищелкнул кончиком хвоста и оказался бок о бок с линем.

— Великолепно, — сказал Мерлин. — Давай-ка немного поплаваем.

Теперь Варт держался ровно и двигался довольно уверенно. У него появилось время оглядеться в необычайном мире, куда окунул его трезубец татуированного господина. Мир этот отличался от того, к которому он привык. Прежде всего, небо над ним выглядело теперь идеально правильным кругом. Этот круг замкнулся горизонтом. Чтобы представить себя на месте Варта, тебе придется вообразить круговой горизонт, расположенный в нескольких вершках над твоей головой, — вместо плоского, который ты видишь обычно. Под этим

горизонтом, воздушным, вообрази еще один — водный, сферический и чуть ли не перевернутый вверх ногами, — ибо поверхность воды отчасти служит зеркалом для всего, что находится под нею. Это вообразить трудновато. И тем труднее это вообразить, что любая вещь, которую человек счел бы находящейся над водной поверхностью, теперь окаймлялась всеми цветами спектра. Например, если бы ты сидел у воды, пытаясь выудить Варта, он бы увидел тебя — на краешке чайного блюдца, каким для него был наружный воздух, — не как одного человека, поводящего удилищем, но как семерых с очертаньями красным, оранжевым, желтым, зеленым, голубым, синим и фиолетовым, и все они махали бы одной и той же удочкой, чьи цвета менялись бы точно так же. В сущности, ты был бы для него человеком с радуги, сигнальным огнем, вспыхивающим разнообразными красками, кои, лучась, перетекают друг в дружку. Ты блистал бы на водах, как Клеопатра в стихах.

Не считая этого, самым чудесным было отсутствие веса. Он больше не чувствовал себя привязанным к земле, вынужденным ковылять по ее плоской поверхности, придавленным силой тяготения и тяжестью атмосферы. Он мог делать

то, о чем издавна мечтали люди, — летать. В сущности, нет никакого различия между полетом в воде и полетом по воздуху. Самое же лучшее заключалось в том, что ему не приходилось лететь в машине, дергая за рычаги и неподвижно сидя на месте, — он летал благодаря усилиям собственного тела. Это походило на знакомый каждому сон.

Едва наставник с учеником вознамерились отправиться в ознакомительное плавание, как между двух колеблющихся, похожих на бутылки кустов хвостника показался бледный от волнения застенчивый юный окунь. Он смотрел на них большими опасливыми глазами и явно хотел о чем-то спросить, но никак не решался.

— Приблизься, — важно сказал Мерлин.

При этом слове окунь прыснул к ним, словно курица, залился слезами и, заикаясь, начал рассказывать.

— Б-б-б-б-будьте так добреньки, доктор, — пролепетал несчастный столь невнятно, что они с трудом различили слова, — у н-н-нас в с-с-с-семье та-болезнь, что м-м-м-мы подумали, может б-б-б-быть, вы уделите нам в-в-в-время? Это наша д-д-дорогая Мамочка, она все время плавает кверху ж-ж-ж-ж-животом и т-т-т-так ужасно

в-в-выглядит и г-г-г-говорит такие странные вещи, что мы п-п-п-правда думаем, что ей нужен д-д-д-д-доктор, если это в-в-в-вам не покажется дерзостью. К-к-к-клара и говорит иди, скажи ему, в-в-в-вы меня понимаете, д-д-д-доктор?

Тут изо рта бедного окуня столь обильно пошли пузыри, что его бормотание, и без того отягченное заиканием и общей слезливостью, стало совсем неразборчивым, и ему только и осталось вперяться в Мерлина скорбными очами.

— Не надо так волноваться, малыш, — сказал Мерлин. — А ну-ка, отведи меня к своей Мамочке, и мы посмотрим, что можно сделать.

И все трое отплыли во мглу, клубившуюся под подъемным мостом, на подвиг милосердия.

— Окуни в большинстве своем неврастеники, — шептал Мерлин, прикрываясь плавником. — Вернее всего, тут случай нервической истерии, им нужен скорее психолог, чем врач.

Мамочка окуня, как тот и описывал, лежала на спине. Глаза у нее съехались к носу, она сложила плавники на груди и время от времени выпускала маленький пузырек. Дети кружком обступали ее и при появлении каждого пузырька пихали друг дружку в бок и разевали в изумлении рты. На лице у Мамочки изображалась ангельская

улыбка.

— Так-так-так, — сказал Мерлин, замечательно подражая повадкам доктора у постели больного, — и как себя нынче чувствует миссис Окунь?

Он погладил окунят по головкам и величаво приблизился к пациентке. Следует, быть может, отметить, что Мерлин был грузной, полнотелой рыбой весом почти в пять фунтов, золотистых тонов, с мелкой чешуей, полными плавниками, слизистыми боками и оранжевыми глазами — весьма внушительная фигура.

Миссис Окунь томно протянула ему плавник, выразительно вздохнула и сказала:

— Ах, доктор, так вы все же пришли?

— Хм, — произнес доктор таким низким голосом, на какой только был способен.

Затем он велел всем закрыть глаза, — Варт подглядывал, — и поплыл вокруг больной в величавом и медленном танце. Плавая, он пел. И вот что это была за песня:

Терапевтический,
Элефантический,
Диагностический,
Вздрог!
Панкреатический,

Микростатический,
Антитоксический, Рок!
При дурном катаболизме,
Заикизме, бормотизме,
Производим снип, снап, снорум,
Отсекаем отсекорум.
Диспепсия,
Анемия,
Токсимия,
Эктазия,
Раз и два, и три: эгей!
Хворь выходит из костей,
Напевая трали-вали, и
Всего За Пять Гиней!

К концу этой песни он уже кружил так близко к пациентке, что касался ее и терся своими коричневатыми, гладко-чешуйчатыми боками об ее, иссохшие и бледные. Возможно, он излечил ее своей слизью, — говорят ведь, что все рыбы обращаются к линю за лекарством, — а может быть, дело было в прикосновениях, в массаже или в гипнозе. Во всяком случае, миссис Окунь вдруг перестала косить, перевернулась брюшком

вниз и сказала:

— Ах, доктор, милый доктор, мне кажется, я могла бы сейчас съесть маленького пескожила.

— Никаких пескожилов, — сказал Мерлин, — во всяком случае, в ближайшие два дня. Я вам прописываю крепкий бульон из водорослей, принимать каждые два часа. Видите ли, нам следует восстановить ваши силы. В конце концов, и Рим ведь не сразу строился.

Вслед за этим он еще раз погладил всех окуньков по головкам, пожелал им вырасти и стать храбрыми рыбками и с важным видом отплыл во мрак. Плывя, он надувал и втягивал щеки.

— Что ты имел в виду, когда сказал насчет Рима? — спросил Варт, едва они отплыли достаточно далеко, чтобы их не услышали.

— А Бог его знает.

Они поплыли бок о бок (время от времени Мерлин напоминал забывчивому Варту о необходимости работать спиной), и странный подводный мир, сладко прохладный после наружного жара, стал разворачиваться вокруг них. В обширных лесах подводной травы были проложены аккуратные тропки, над ними целыми школами неподвижно висели колюшки, обучавшиеся слаженно выполнять физические упражнения. По

команде «Раз» они замирали, по команде «Два» выполняли поворот кругом, а по команде «Три» мгновенно выстраивались в пирамиду, в вершине которой находилось что-нибудь вкусное. По стеблям кувшинок или исподам их листьев неторопливо семенили улитки, а перловицы полеживали себе на дне, ничем особым не занимаясь. Их розовые тела походили оттенком на лучшего сорта клубничное мороженое. Небольшие стайки окуней, — странное дело, вся рыба, что покрупнее, похоже, куда-то попряталась, — демонстрировали свое нежное кровообращение, так что вся компания вдруг заливалась краской или покрывалась бледностью с такой же легкостью, с какой это проделывают дамы в викторианских романах. Только краска у них была темно-оливковая, и была она краской гнева. Всякий раз, что Мерлин со своим спутником проплывали мимо них, они угрожающе задирали шипастые спинные плавники и опускали их, лишь завидев, что Мерлин — линь. Из-за темных полосок на их боках казалось, что они уже побывали на решетке жаровни, но эти полоски становились то светлей, то темней. Однажды нашим странникам случилось проплывать под лебедем. Белое создание колыхалось над ними,

как цеппелин, видна была только его подводная часть. Зато уж ее было видно очень хорошо, и оказалось, что лебедь плавает несколько боком, поджав одну ногу.

— Смотри, — сказал Варт, — у бедняги нога покалечена. Он может грести только одной, а другую всю скрючило.

— Вздор, — резко выпалил лебедь, сунув голову в воду и неодобрительно сморщив черные ноздри. — Лебеди так отдыхают, а ты можешь держать свое рыбье сочувствие при себе, вот так.

И пока они не скрылись из виду, он провожал их гневно пылающим взором, будто белый змей, вдруг пробивший потолок.

— Плыви рядом со мной, — сказал линь, — плыви так, словно на свете никогда и не было ничего такого, чего стоило бы бояться. Ты разве не видишь, что эти места совершенно как лес, которым тебе пришлось пройти, чтобы встретить меня?

— Разве?

— А взгляни вон туда.

Варт взглянул и поначалу ничего не увидел, но вскоре различил сквозистую фигурку, неподвижно висевшую почти у поверхности. Она расположилась на самом краешке тени от кувшинки и явно наслаждалась солнечным светом.

То был щуренок, совершенно неподвижный и, может быть, спящий; он походил на трубчатый стебелек или на распластанного морского конька. Вырастет — тот еще будет бандюга.

— Вот с одним из таких я и собираюсь тебя познакомить — с Императором этих трущоб. Я-то, в качестве доктора, пользуюсь правом неприкосновенности, и, смею надеяться, тебя он тоже уважит, как моего компаньона, — но ты все же держи хвост подогнутым: вдруг на него накатят тиранические настроения.

— Так он, значит, Владыка Рва?

— Именно-именно. Здесь его называют Старый Джек, иногда — Черный Питер, но по большей части стараются имени не поминать. Просто говорят — господин Ща. Вот посмотришь, что значит быть королем.

Варт начал малость приотставать от своего проводника и, вероятно, правильно поступил, ибо они подплыли совсем близко к старому деспоту, прежде чем Варт, наконец, заметил его, а заметив, в страхе отпрянул, ибо господин Ща имел четыре фута в длину, а вес его трудновато было даже прикинуть. Огромное тело, теневидное, почти неразличимое между стеблей, завершалось ликом, изрытым всеми скорбями, терзающими

абсолютных монархов, — жестокостью, раскаянием, старением, гордыней, себялюбием, одиночеством и мыслями, непосильными для рассудка отдельной личности. Господин Ща висел или парил перед ними, углы его обширной иронической пасти были навек оттянуты вниз, как бы от некой печали, длинные гладкие челюсти сообщали его выражению нечто американское, сходство с Дядюшкой Сэмом. Он был беспощаден, лишен иллюзий, наделен логическим складом ума, — хищный, свирепый, безжалостный, — но глаза его, огромные, переливчатые, как драгоценные камни, казались глазами раненого оленя — большие, испуганные, нежные и полные скорби. Он не шелохнулся, но окинул их горестным взглядом.

Про себя Варт решил, что господин Ща ему вовсе не нравится.

— Властитель, — сказал Мерлин, не обращая внимания на трепет, пронизавший Варта, — я привел к вам молодого адепта, желающего принять вашу веру.

— Веру во что? — медленно вопросил Владыка Рва, почти не раскрывая рта и говоря в нос.

— В силу, — ответил линь.

— Пусть скажет сам за себя.

— С вашего дозволения, — сказал Варт, — я не знаю, о чем мне должно спросить.

— На свете нет ничего, — сказал монарх, — за вычетом силы, коей ты притворно взыскуешь: силы перемалывать и силы переваривать, силы искать и силы отыскивать, силы ждать и силы предъявлять права, все это сила и все — беспощадность, и зарождаются они в тебе, немного ниже затылка.

— Спасибо.

— Любовь — всего лишь обман, навязанный нам силами эволюции. Наслаждение — приманка, подброшенная ими же. Существует лишь сила. Сила принадлежит индивидуальному разуму, но силы разума недостаточно. В конце концов, все решает телесная мощь и Один Только Сильный Прав.

— Теперь же, как я полагаю, тебе самое время уйти, молодой господин, ибо я нахожу эту беседу скучной и утомительной. И я считаю, что тебе лучше исчезнуть почти мгновенно, иначе моя не питающая иллюзий пасть может внезапно решиться представить тебя всем моим зубам. Да, я решительно полагаю, что самое умное для тебя — убраться сию же минуту. Итак, попрощайся с моим величеством — и надолго.

Тут обнаружилось, что хвастливые щучьи речи едва не заворожили Варта, — он и не заметил, что плотно сжатая пасть все приближалась и приближалась к нему. Она подвигалась неощутимо, пока наставления отвлекали его, и вдруг разрослась, оказавшись в вершке от его носа. С последней фразой она распахнулась, жуткая, просторная, кожа натянулась, обнажив алчные зубы. Казалось, внутри нее нет ничего — одни только зубы, — острые, словно тернии, зубы рядами и грядами, всюду, их было там как гвоздей в сапогах поденщика, и лишь в последнюю секунду Варт, напрягая волю, смог сжаться в комок, припомнить все, чему его научили, и ускользнуть. Зубы, все сразу, клацнули сзади, у самого кончика хвоста, покамест он складывался, как самый лучший карманный ножик, какой ему когда-либо дарили.

Мгновенье спустя он вновь стоял на сухой земле, стоял рядом с Мерлином на раскаленном мосту, задыхаясь в душной одежде.

6

По четвергам мальчики после обеда занимались стрельбой из лука. Две соломенные мишени отстояли на пятьдесят ярдов одна от другой, и когда они выпускали все стрелы в одну, им оставалось лишь дойти до нее, подобрать стрелы и, повернувшись кругом, стрелять в другую. Погода еще была прелестная, летняя, за обедом подавали цыплят, так что Мерлин дошел с ними до края стрельбища и расположился под деревом. Тепло, цыплята и сливки, которыми он обильно полил свой пудинг, и чоканье стрел по мишеням, — звук, навевавший дремоту, подобно шелесту кос или перекличке деревенских сверчков, — и танец овальных солнечных пятен в древесной листве, — все это скоро и крепко усыпило старика.

Стрельба из лука была в те дни делом серьезным. Ее еще не отдали в забаву индейцам и маленьким мальчикам. Тот, у кого стрельба не задавалась, выходил из себя, совершенно как нынешние состоятельные стрелки по фазанам. Кэй стрелял плоховато. Он слишком усердствовал и дергал стрелу, отпуская, вместо того чтобы

предоставить луку направить ее.

— Ладно, пошли, — сказал он. — Меня тошнит от этих дурацких мишеней. Давай постреляем в чучело.

Они оставили мишени в покое и постреляли немного в чучело — большого, ярко раскрашенного самодельного попугая, сидевшего на подпорке, — и по нему Кэй промахнулся тоже. Поначалу он думал: «Ну я эту дрянь достану, даже если придется остаться без чая». А потом ему все просто прискучило.

Варт сказал:

— Может, тогда поиграем в разбойников. А через полчаса вернемся и разбудим Мерлина.

Игра в разбойников состояла в том, что они разгуливали с луками, выпуская по одной стреле в каждую подходящую цель, какая ни встретится. Иногда ею становилась кротовая кочка, иногда — кустик ситника, иногда — большой куст чертополоха почти у самых ног. Расстояние до цели всякий раз выбиралось иное, порой до нее было ярдов сто двадцать, — дальше их мальчишечьи луки послать стрелу не могли, — а порой они выбирали ближайший куст чертополоха, и тогда приходилось метить пониже, потому что стрела, покидая лук, всегда подлетает вверх на фут-дру-

гой. Попадание считалось за пять очков, а если от цели до стрелы можно было достать луком, — это давало очко. В конце игры очки складывались.

В этот четверг они выбирали цели с умом. К тому же траву на широком поле недавно скосили, и им не приходилось подолгу отыскивать стрелы, что при стрельбе из лука случается так же часто, как при игре в гольф поиск мяча после опрометчивого удара близ изгороди или в каком-то неровном месте. В итоге они забрели дальше обычного и оказались у опушки дикого леса, в котором потерялся Простак.

— Давай дойдем до ловчего поля, — сказал Кэй, — и попробуем подстрелить кролика. Все веселей, чем стрелять по кочкам.

Так они и сделали. Выбрали два дерева, отстоявших ярдов на сто, и каждый встал под своим, ожидая, когда появятся кролики. Они стояли не двигаясь, подняв луки и наложив на них стрелы, чтобы производить как можно меньше движений и не вспугнуть кроликов, когда те полезут из нор. Стоять так им было нетрудно, ибо первый экзамен, который они сдавали, обучаясь искусству лучника, как раз и сводился к тому, чтобы простоять полчаса с луком в вытянутой руке. У каждого было шесть стрел и каждый мог

выпустить их, прицелясь, прежде чем придется распугивать кроликов, подбирая стрелы. Сама стрела не производит шума достаточного, чтобы встревожить более одного кролика — того, в которого она летит.

На пятой стреле Кэю улыбнулась удача. Он точно примерился к ветру и расстоянию, и стрела попала молодому кролику прямо в голову. Беднята стоял торчком, пытаясь разглядеть Кэя и гадая, кто он такой.

— Эх, хорош выстрел! — крикнул Варт, когда они подбежали к кролику. Им впервые так повезло — попасть в кролика да еще и убить его на месте.

Тщательно выпотрошив его подаренным Мерлином охотничьим ножом — для сохранения свежести — и пропустив одну его заднюю ногу под сухожильем другой, чтобы его удобнее было нести, мальчики собрались со своей добычей домой. Но перед тем как снимать тетиву с лука, они обычно выполняли особый обряд. Каждый четверг, под вечер, по завершении занятий им разрешалось наложить на лук еще по одной стреле и выстрелить прямо в небо. То был жест отчасти прощания, отчасти триумфа, и жест этот был прекрасен. Сегодня он стал салютом в честь

их первой добычи.

Варт следил за своей стрелой, уходящей вверх. Солнце уже клонилось на запад, к вечеру, и деревья, среди которых они стояли, погрузили их в негустую тень, а потому стрела, взлетев над деревьями и вырвавшись на солнечный свет, загорелась на вечереющем небе так, словно сама была солнцем. Она уходила все выше и выше, не раскачиваясь, что бывает, когда стрела зацепится за тетиву, взмывая, всплывая, возносясь в небеса, неуклонная, золотая, чудесная. И в тот самый миг, когда она утратила силу, в миг, когда судьба приглушила ее честолюбивый порыв, и она изготовилась, перевернувшись, пасть в материнское лоно земли, случилось недоброе чудо. Утомленно хлопая крыльями, появилась, предвестницей приближения ночи, черная ворона. Она появилась, она устремилась к стреле, она схватила ее. И, тяжело набрав высоту, исчезла, унося стрелу в клюве.

Кэй испугался, а Варт рассердился ужасно. Он полюбил полет этой стрелы, ее гордую стремительность, горящую в солнечном свете, и к тому же то была лучшая из его стрел. Единственная, в совершенстве уравновешенная, острая, с тугим опереньем, с чистой ложбинкой для тетивы, без

кривизны и царапин.

— Это была ведьма, — сказал Кэй.

7

Турнирное дело и выездка занимали два дня в неделю, потому что их почитали в те дни наиважнейшими в образовании всякого джентльмена. Мерлин недовольно ворчал по поводу увлечения спортом, говоря, что, видимо, теперь человек числится образованным, если он способен сшибить другого с коня, и что помешательство на атлетических играх губительно для учености, — никто к ней не относится так, как то бывало в его молодые годы, и всем государственным школам пришлось волей-неволей поступиться своими высокими принципами, — но сэр Эктор, сам некогда входивший в турнирную сборную своего колледжа, сказал, что битва при Креси была выиграна на спортивных площадках Камелота. От этого заявления Мерлин впал в такое неистовство, что наслал на сэра Эктора ревматизм, коим тот и маялся целых две ночи кряду, покамест Мерлин над ним не сжалился.

В ту пору турнирное дело было великим искусством и требовало постоянной практики. Когда два рыцаря бились на поединке, каждый держал

копье в правой руке, но коня своего направлял так, чтобы противник оказывался от него слева. Стало быть, упор копья находился со стороны тела, противоположной той, на которую обрушивался противник. Человеку, привыкшему, скажем, открывать калитку арапником, это может показаться противным природе, но на то имелись свои причины. Первое дело, это означало, что щит помещался в левой руке, так что противники встречались щитом к щиту, оставаясь полностью прикрытыми. А кроме того, это означало, что человека можно было сбросить с коня, нанеся ему после широкого пологого замаха удар наконечником или ратовищем, — если вы не чувствовали себя достаточно уверенным для того, чтобы прямо бить острием. Пологий удар был наипростейшим или же требующим наименьшего искусства турнирным ударом.

Добрые бойцы, вроде Ланселота или Тристрама, всегда предпочитали удар острием, потому что возможность нанести его возникала прежде всякой иной, хотя для неумелой руки и возможность промахнуться была немалой. Если один из рыцарей нападал, отведя копье, чтобы выбить противника из седла, другой, с копьем, нацеленным прямо, мог свалить его, сблизясь на длину

копья, и еще до того, как противник толком замахнется.

Теперь о том, как должно держать копье для прямого удара. Никакого нет достоинства в том, чтобы, скорчась в седле и крепко вцепившись в копье, напрягаться в ожидании жесткого столкновения, ибо если вы так его держите, острие болтается вверх-вниз при каждом движении вашего громыхающего коня, и вы почти наверняка промахнетесь. Напротив, сидеть в седле надлежит свободно, копье же держать легко, балансируя его согласно движеньям коня. И лишь перед самым ударом должно сжать коленями конские бока, весь свой вес бросить вперед и копье ухватить покрепче, не двумя пальцами (указательным и большим), а всей ладонью, и прижать правый локоть к боку, поддерживая древко копья.

Теперь о длине копья. Ясно, что человек с копьем длиною в сто ярдов сшибет противника с копьем длиною в десять или двенадцать футов еще до того, как последний к нему приблизится. Однако изготовить копье длиной в сто ярдов невозможно, а коли и изготовишь, так не утащишь. Турнирному бойцу следует установить для себя наибольшую длину копья, с которой он

способен управиться на самой большой скорости, а там уж этой длины и держаться. У сэра Ланселота, который объявится вскоре после того, как мы завершим эту часть нашего повествования, имелись копья разных размеров, и он всегда требовал, чтобы ему подали Большое Копье или То, Что Поменьше, — по обстоятельствам.

Теперь о том, в какое место должно разить врага. В оружейной Замка Дикого Леса висело большое изображение рыцаря в доспехах, на коем кружками обозначены были уязвимые точки. Точки эти менялись в зависимости от вида доспехов, так что прежде чем наскакивать на противника, надлежало его изучить и избрать одну из них. Хорошие оружейники, — лучшие жили в Уоррингтоне, да и посейчас живут близ него, — особливо старались, чтобы перед и места соединения изготавливаемых ими доспехов были покатыми, тогда острие копья с них соскальзывало. Любопытно, что щиты готических доспехов тяготели скорее к вогнутости. Предпочтительнее было, чтобы острие копья не покидало щита, потому что иначе оно могло, соскользнув вверх или вниз, попасть в какое-либо уязвимое место на латах. Вообще же наилучшим для удара местом считался самый гребень турнирного шлема, —

то есть, если его обладатель был достаточно тщеславен, чтобы увенчать себя большим металлическим гребнем, в чьих складках и украшениях острие копья находило себе готовое пристанище. Тщеславных обладателей таких гребней, украшенных медведями, драконами, а то еще кораблями да замками, имелось предостаточно, но сэр Ланселот всегда ограничивался гладким шлемом, — разве что прицеплял к нему пучок перьев, не способный задержать копье, или (был один такой случай) тонкий дамский рукав.

Слишком долго было бы входить во все интересные подробности истинного турнирного искусства, которые полагалось заучивать мальчикам, ибо в те дни имело смысл быть основательным и всесторонним знатоком своего ремесла. Надлежало знать, какая древесина лучше пригодна для изготовления копий и почему, надлежало знать даже, как ее обрабатывать, чтобы копья не трескались и не коробились. Существовала тьма спорных вопросов по части вооружения и доспехов и следовало разбираться во всех.

У самых стен замка сэра Эктора лежало поле для конных турниров, хотя турниров здесь не проводили с тех самых пор, как родился Кэй. То был зеленый луг с коротко подстриженной травой,

окруженный широкими муравчатыми валами, удобными для разбивки шатров. Вдоль одной его стороны стояла на сваях старая деревянная трибуна, предназначенная для дам. Ныне поле использовалось лишь для занятий по турнирному делу, поэтому на одном его конце установили мишень для упражнений с копьем, а на другом — кольцо. Деревянная мишень изображала сарацина на колу. Сарацин имел ярко-синюю физиономию, красную бороду и злющие зенки. В левой руке он держал щит, а в правой плоский деревянный меч. Если ты попадал ему копьем в середину лба, все было отлично, но если копье ударяло в щит или еще куда-либо справа или слева от средней линии, он очень шустро проворачивался и, как правило, успевал огреть тебя мечом, пока ты, пригнувшись, проскакивал мимо. Кое-где краска на нем облупилась, а над правым глазом торчали размозженные щепки. Кольцо же представляло собой обычное железное кольцо, свисавшее на веревке с некоего подобия виселицы. Если тебе удавалось поддеть его острием, веревка рвалась, и ты мог гордо проехаться с кольцом на копье.

В тот день немного похолодало, ибо почти уже завиделась осень. Мальчики вышли на турнир-

ное поле вместе с каптенармусом и Мерлином. Каптенармус, или сержант-оружейник, был негнущимся, бледным, поскакивающим на ходу господином с навощенными усами. Он всегда расхаживал, выпятив грудь, словно зобастый голубь, и при всякой возможности выкрикивал: «По счету „Раз»...». Живот он старательно втягивал, ценою немалых усилий, и часто спотыкался, поскольку грудь не позволяла ему увидеть, что там у него под ногами. Еще он постоянно поигрывал мышцами, к немалому раздражению Мерлина.

Варт лежал рядом с Мерлином в тени трибуны и скреб кожу, раздраженную краснотелками, которых всегда так много в пору жатвы. Зазубренные серпы лишь недавно завершили свои труды, и пшеница стояла в копнах о восьми снопах каждая посреди высокой тогдашней стерни. Кожа у Варта все еще зудела. К тому же у него были ободраны плечи и горело ухо — следствие неудачных выпадов по мишени, ибо учебные упражнения выполнялись, разумеется, без доспехов. Варт радовался тому, что теперь настала очередь Кэю все это сносить, и, полусонный, лежал в тени, подремывая, почесываясь, подрагивая, как собака, и лишь отчасти забавляясь происходящим на поле.

Мерлин сидел, поворотясь спиной ко всем атлетическим игрищам, и упражнялся в заклинании, которое он призабыл. Заклинание предназначалось для того, чтобы заставить сержантовы усы распрямиться, но почему-то распрямляло только один ус, да и того сержант не замечал. Всякий раз, как Мерлин произносил заклинание, сержант машинально вновь подкручивал ус, а Мерлин говорил: «Вот черт!» и начинал сначала. Один раз он ошибся, и у сержанта вдруг захлопали уши, отчего тот испуганно посмотрел на небо.

С дальнего края турнирного поля плыл по тихому воздуху голос сержанта.

— Не то, не то, мастер Кэй, совсем не то. Не пойдет. Не пойдет. Копье надо держать между большим и указательным пальцами правой руки, а щит — в линию со швом на штанах…

Варт потер ободранное ухо и вздохнул.

— О чем это ты горюешь?

— Я не горюю, я думаю.

— О чем же ты думаешь?

— Да так, ни о чем в особенности. Я думал, что вот Кэй учится на рыцаря.

— Есть о чем горевать, — с жаром воскликнул Мерлин. — Куча безмозглых единорогов чванятся своей образованностью лишь потому, что

умеют спихнуть один другого палкой с коня! Ну, просто сил никаких нет! Да тот же сэр Эктор, я уверен, с куда большей радостью взял бы вам в наставники какого-нибудь дурацкого турнирного тренера, только и умеющего, что болтать кулачищами на манер человекообразной обезьяны, чем прославленного своей неподкупностью мага с международной репутацией и первоклассными почетными степенями всех европейских университетов. Вся беда норманнской аристократии в том, что она попросту помешалась на играх, вот именно, попросту помешалась.

Он гневно умолк и нарочно заставил сержантовы уши хлопнуть дважды, в унисон.

— Да я, в общем, думал-то не об этом, — сказал Варт. — Я думал о том, как здорово было бы стать рыцарем, вроде Кэя.

— Ну, так ты им скоро и станешь, разве нет? — раздраженно спросил старик.

Варт не ответил.

— Разве нет?

Мерлин обернулся и сквозь очки вгляделся в мальчика.

— Ну, а теперь в чем дело? — ядовито осведомился он. Осмотр показал, что его ученик старается не расплакаться, и если обратиться к

нему участливым тоном, мальчик не выдержит и разревется.

— Не буду я рыцарем, — холодно ответил Варт. Мерлинов трюк сработал, и плакать Варту уже не хотелось: ему хотелось чем-нибудь тюкнуть Мерлина. — Не буду я рыцарем, потому что я не настоящий сын сэра Эктора. Это Кэя посвятят в рыцари, а я буду его оруженосцем.

Мерлин вновь повернулся к нему спиной, но глаза его за очками сверкали.

— Вот горе-то, — сказал он без сострадания. Варта прорвало, он высказывал вслух все свои потаенные мысли.

— Да, — закричал он, — а если бы у меня были настоящие отец и мать, я бы тогда мог стать странствующим рыцарем.

— И что бы ты тогда делал?

— Я бы тогда завел великолепные доспехи и несколько дюжин копий, и вороного коня высотой в восемнадцать ладоней, и назвался бы Черным Рыцарем. И я бы встал у источника или у брода, или еще где-нибудь и заставлял бы всех честных рыцарей, подъезжающих туда, сражаться со мной во славу наших дам, и всех бы их сбрасывал с коней, так что они падали бы на землю страшным падением, а я бы их потом от-

пускал. И я бы весь год жил под открытым небом, в шатре, и никогда б ничего не делал, а только сражался на копьях и странствовал в поисках подвигов, и получал бы призы на турнирах, и даже не сказал бы никому моего имени.

— Твоей жене такая жизнь вряд ли понравилась бы.

— Да ну, я и не собираюсь жениться. По-моему, они дуры.

— Хотя возлюбленной дамой пришлось бы обзавестись, — неуверенно добавил будущий рыцарь, — чтобы я мог носить на шлеме знак ее благосклонности и совершать в ее честь подвиги.

Шмель, жужжа, пролетел между ними, под трибуну и снова на солнце.

— А ты хотел бы увидеть каких-нибудь настоящих странствующих рыцарей? — медленно спросил чародей. — Прямо сейчас, в образовательных целях?

— Еще бы! С тех пор как я себя помню, тут не было даже ни одного турнира.

— Я полагаю, это можно устроить.

— Ой, пожалуйста, устрой. Ты мог бы взять меня на турнир, как брал к рыбам.

— Я полагаю, это будет полезно для образова-

ния, — в определенном смысле.

— Еще как, — сказал Варт. — Я и придумать не могу ничего полезнее для образования, чем сражение каких-нибудь настоящих рыцарей. Ой, ну, пожалуйста, сделай это.

— Ты предпочел бы какого-нибудь определенного рыцаря?

— Короля Пеллинора, — сразу ответил Варт. Со времени их странной встречи в лесу он питал слабость к этому джентльмену.

Мерлин сказал:

— Ну что же, он вполне подойдет. Вытяни руки вдоль тела и расслабь мышцы. Cabricias arci thuram, catalamus, singulariter, nominativa, haec musa. Закрой глаза и не открывай. Bonus, Bona, Bonum. Поехали. Deus Sanctus, est-ne oratio Latinas? Etiam, oui, quare? Pourquoi? Quai substantivo et adjectivum concordat in generi, numerum et casus. Приехали.

Пока продолжались заклинания, Варт испытывал довольно странные ощущения. Поначалу он слышал, как сержант кричит Кэю: «Не так, не так, ноги держи книзу и раскачивай тело от бедер». Затем эти слова стали все удаляться и удаляться, как если бы он смотрел себе на ноги с другого конца подзорной трубы, и принялись

завиваться в конус, словно бы оказавшись на узком донышке смерча, который засасывал его самого, поднимая на воздух. Затем остался лишь громкий кружащийся шум — рев и шипение, — разросшиеся в истинный ураган, и ему начало казаться, что он этого больше не вынесет. Наконец наступила полная тишь, и Мерлин сказал: «Приехали». Заняло все это примерно столько же времени, сколько нужно шутихе ценою в шесть пенсов, чтобы взвиться с неистовым свистом и, достигнув положенной ей высоты, поворотить назад и рассыпаться дробным громом и цветастыми звездами. Глаза он открыл в ту минуту, когда можно было б услышать, как незримый патрончик ударяется оземь.

Они лежали под буком в Диком Лесу.

— Приехали, — повторил Мерлин. — Вставай, отряхнись.

— А вон там, насколько я понимаю, — продолжал волшебник довольным тоном (ибо на сей раз заклинание сработало без сучка и задоринки), — твой друг, Король Пеллинор скачет к нам через поле брани.

— Здравствуйте, здравствуйте, — кричал Король Пеллинор, и забрало его то взлетало, то падало. — Да никак это, я говорю, молодой чело-

век с периной из перьев, не так ли, что?

— Я самый, — сказал Варт. — И я очень рад вас видеть. Удалось вам настигнуть зверя?

— Нет, — сказал Король Пеллинор. — Зверя не удалось. Ох, да ко мне же, ко мне, ищейка, и оставь этот куст в покое. Куш! Куш! Противная, противная! Видишь, она опять сбилась со следа, что? Страшно интересуется кроликами. Говорю тебе, нету там никого, дурацкая ты собака. Куш! Куш! Брось его, брось! Ну же, к ноге, к ноге, тебе говорят! Нипочем не идет к ноге, — прибавил он.

В это мгновение псина выгнала из куста фазана, и тот с оглушительным стрекотом взвился, а собака до того взволновалась, что раза три или четыре обежала вместе с веревкой вокруг хозяина, задыхаясь при этом, как в приступе астмы. Конь Короля Пеллинора терпеливо стоял, пока веревка опутывала его ноги, и Мерлину с Вартом пришлось изловить ищейку и отмотать ее вспять, прежде чем они смогли продолжить беседу.

— Да, ну вот, — промолвил Король Пеллинор, — премного обязан, большое спасибо. А ты не познакомишь меня со своим другом, что?

— Это мой наставник, Мерлин, великий волшебник.

— Как поживаете? — сказал Король. — Всегда

рад встрече с волшебником. Собственно, рад всякой встрече. Позволяет, знаете, скоротать время, что? когда выезжаешь на поиски.

— Рад, — сказал Мерлин самым своим таинственным тоном.

— Рад, — ответил Король, торопясь произвести хорошее впечатление.

Они обменялись рукопожатием.

— Вы сказали «рад» или «град»? — занервничал вдруг Король и стал озираться. — Я-то сам думал, погода останется ясная.

— Это он просто так, поздоровался, — пояснил Варт.

— А, да, здравствуйте.

Они еще раз пожали друг другу руки.

— Хороший денек, — сказал Король Пеллинор. — А как, на ваш взгляд, погода сегодня?

— По-моему, смахивает на антициклон.

— А, да, — сказал Король. — Антициклон. Ну, я, пожалуй, поеду.

Короля колотила крупная дрожь, он несколько раз поднял и опустил забрало, откашлялся, завязал поводья узлом, воскликнул «Если позволите?», — вообще ясно было, что его подмывает поскорее убраться отсюда.

— Он занимается белой магией, — сказал

Варт. — Не надо его бояться. Он, ваше величество, мой лучший друг и к тому же он вечно путается в своих заклинаниях.

— А, да, — сказал Король Пеллинор. — Белая магия, что? Тесен мир, не так ли? Как поживаете?

— Рад, — сказал Мерлин.

— Рад, — сказал Король Пеллинор.

И они в третий раз пожали друг другу руки.

— На вашем месте я бы не спешил уезжать, — сказал чародей. — Сюда скачет сэр Груммор Груммурсум, намереваясь вызвать вас на поединок.

— Нет, правда? Сэр Как-вы-сказали спешит сюда, чтобы вызвать меня?

— Несомненно.

— И хороший наездник?

— Я думаю, вы составите равную пару.

— Да, должен сказать, — воскликнул Король Пеллинор. — Уж быть граду, так семь ден кряду.

— Рад, — сказал Мерлин.

— Рад, — сказал Король Пеллинор.

— Рад, — сказал Варт.

— По правде сказать, я что-то устал от рукопожатий, — объявил монарх. — Давайте считать, что мы уже познакомились.

— А что, — спросил Варт, спеша переменить

тему, — сэр Груммор Груммурсум и вправду скачет сюда, чтобы вызвать Короля Пеллинора на битву?

— А взгляните-ка вон туда, — ответил Мерлин, и оба посмотрели в ту сторону, куда указал его палец.

По поляне в полных боевых доспехах галопом скакал сэр Груммор Груммурсум. Вместо обычного шлема с забралом он облачился в настоящий турнирный шлем, похожий на ведерко для угля, шлем подпрыгивал вверх-вниз и громко лязгал. Он распевал свою старую школьную песню:

С тобою закуемся В доспехи до макушки — В крови у нас охота Противустать друг дружке! Навстречу! Навстречу! Навстречу! Сшибемся — и «дзынь!» щиты! Навстречу! Навстречу! Навстречу! И помыслы чисты![2]

— О, Господи, — воскликнул Король Пелли-нор. — Я уж два месяца толком не бился, а прошлой зимой на турнире получил восемнадцать предупреждений. Они как раз ввели новые правила.

Пока он это рассказывал, подъехал сэр Груммор. Он сразу узнал Варта.

---

[2] Примечания: Note2
Перевод С. Степанова.

— Приветик, — сказал сэр Груммор. — Ты ведь мальчишка сэра Эктора, так? А этот, в смешной шляпе, кто таков?

— Это мой наставник, — поспешно сказал Варт. — Мерлин, волшебник.

Сэр Груммор взглянул на Мерлина, — в те дни волшебники почитались истинным рыцарством за людей второго разбора, — и холодно сказал:

— Ах, волшебник. Как поживаете?

— А это Король Пеллинор, — сказал Варт. — Сэр Груммор Груммурсум — Король Пеллинор.

— Как поживаете? — осведомился сэр Груммор.

— Град, — сказал Король Пеллинор. — Нет, то есть я хотел сказать, града не будет, верно?

— Хороший денек, — сказал сэр Груммор.

— Да, денек неплохой, не правда ли, что?

— Охотились сегодня?

— О, да, спасибо. Знаете, все время охочусь. На Искомого Зверя.

— Интересная работа, очень.

— Да, интересная. Не хотите взглянуть на катыши?

— Клянусь Юпитером, конечно! Люблю разглядывать катыши.

— Самые лучшие у меня дома, но и эти непло-

хи, право.

— Да благословит Господь мою душу. Так это и есть его катыши?

— Ну да, его.

— Интересные катыши.

— Да, очень интересные, правда? Только немного надоедают, — добавил Король Пеллинор.

— Так-так. А денек-то хороший, верно?

— Да, денек в общем хороший.

— Так, может, нам тогда сразиться, а, как?

— Да, по-моему, неплохо бы сразиться, — сказал Король Пеллинор, — нет, право.

— А из-за чего будем драться?

— Ну, как обычно, я думаю. Кто-нибудь, окажите любезность, помогите мне с этим шлемом.

В общем-то помогать пришлось всем троим, ибо при том количестве винтов, которые следовало вывинтить, гаек, которые надлежало ослабить, и болтов, которые Король, одеваясь поутру, впопыхах засадил не в ту резьбу, задача извлечения его из дорожного шлема и облачения в боевой превратилась в праздник технической мысли. Шлем был огромный, вроде газгольдера, выложенный изнутри двумя слоями кожи и трехдюймовым слоем соломы.

Приведя себя в состояние готовности, рыцари

разъехались по разным краям поляны и затем съехались в середине ее.

— Честный рыцарь, — сказал Король Пеллинор, — прошу тебя, назови мне твое имя.

— Оно касается только меня, — ответил сэр Груммор положенной формулой.

— Сие неучтиво сказано, — сказал Король Пеллинор, — что? Ибо ни единый рыцарь не страшится открыто назвать свое имя, когда не имеет причины стыдиться его.

— Что до этого, то я считаю за лучшее, чтобы ты покуда не знал моего имени, так что не спрашивай.

— Тогда ты должен встать, чтобы сразиться со мной, неверный рыцарь.

— А вы не ошиблись, Пеллинор? — осведомился сэр Груммор. — По-моему, тут должно быть «тогда становись».

— О, виноват, сэр Груммор. Да, конечно, именно так. Тогда становись, чтобы сразиться со мной, неверный рыцарь.

И не тратя дальнейших слов, два джентльмена вернулись на противоположные концы поляны, уперли копья в седельные упоры и изготовились к предварительной сшибке.

— Пожалуй, нам лучше залезть на дерево, —

сказал Мерлин. — Никогда не знаешь, что может случиться в таком поединке.

Они вскарабкались на большой бук с удобными, торчавшими во все стороны ветвями, и Варт обосновался на высоте футов в пятнадцать, поближе к концу гладкого сука, откуда он мог хорошо все видеть. Нигде не сидится так уютно, как на буке.

Чтобы как следует представить себе разыгравшуюся там ужасную битву, необходимо знать одну вещь. В ту пору (или, во всяком случае, в пору самых тяжелых доспехов) полностью вооруженный рыцарь нес на себе столько железа, сколько весил сам, — а то и поболе. Совокупный его вес составлял обычно не меньше, чем двадцать два стоуна, иногда и до двадцати пяти. Это означало, что восседать ему приходилось на тихоходном, огромном тяжеловозе вроде нынешних фермерских, а собственные его движения настолько затруднялись грузом железа и разного рода набивочным материалом, что становились замедленными, словно в кино.

— Тронулись! — крикнул Варт и затаил дыхание.

Грузные кони пошли громыхающим шагом, медленно и величаво. Копья, до поры смотревшие

в небо, склонились теперь к земле и нацелились друг на друга. Видно было, как Король Пеллинор и сэр Груммор изо всей мочи бухают пятками в бока своих коней, и через несколько минут великолепные животные уже переваливались, изображая рысь, от которой сотрясалась земля. Блям, драм, бум, бум — скакали кони, а оба рыцаря в унисон плюхали ногами и локтями, и немалая толика дневного света пробивалась между ними и их седлами. Затем темп переменился, конь сэра Груммора явно перешел на галоп. В следующую минуту то же самое проделал и конь Короля Пеллинора. Зрелище было страшное.

— О, Господи! — воскликнул Варт, устыдясь своей кровожадности, из-за которой сражаются здесь эти рыцари. — Как ты думаешь, они не поубивают друг друга?

— Опасный вид спорта, — сказал Мерлин, покачивая головой.

— Сейчас! — крикнул Варт.

С могучим лязгом железных копыт, от которого кровь стыла в жилах, всадники встретились. Копья их качнулись в нескольких дюймах от шлемов, — каждый выбрал сложный удар острием, — и их уже относило галопом в противоположные стороны. Сэр Груммор глубоко вогнал

копье в ствол бука, на котором сидели зрители, и встал. Позади него Короля Пеллинора вместе с копьем совсем унесло из виду.

— Можно смотреть? — спросил Варт, в самый опасный момент закрывший глаза.

— Вполне, — сказал Мерлин. — Им потребуется кое-какое время, чтобы опять встать в позицию.

— Тпру, тпру, говорю! — далеко и глухо прокричал Король Пеллинор за можжевеловыми кустами.

— Эй, эй, Пеллинор! — прокричал сэр Груммор. — Вернись, дорогуша, я здесь.

Последовала долгая пауза, во время которой две сложных боевых установки приводили себя в порядок, и наконец Король Пеллинор занял место на конце поляны, противоположном тому, с какого он начал, а сэр Груммор оказался на его начальной позиции.

— Рыцарь-предатель! — крикнул сэр Груммор.

— Сдавайся, изменник, что? — крикнул Король Пеллинор.

Они снова наставили копья и с громом устремились в атаку.

— Ох, — сказал Варт, — хоть бы они не поранили друг друга.

Но тяжеловозы уже трудолюбиво трюхали

один другому навстречу, и оба рыцаря одновременно решили нанести боковой удар. Каждый развернул копье справа налево, и прежде чем Варт успел сказать что-либо еще, послышался ужасный мелодический гром. Дзынь! — запели доспехи, словно моторный омнибус врезался в кузню, — и бойцы уже сидели бок о бок на зеленой траве, а кони их уносились галопом в противоположные стороны.

— Отличное падение, — сказал Мерлин.

Кони замедлили бег, — долг их был выполнен, и они принялись смирно щипать траву. Король Пеллинор и сэр Груммор сидели, глядя перед собой; под мышкой у каждого было на всякий случай зажато копье противника.

— Ну! — сказал Варт. — Вот так удар! Пока, по-моему, оба целы.

Сэр Груммор и Король Пеллинор с затруднением встали.

— Защищайся! — крикнул Король Пеллинор.

— Да спасет тебя Бог! — крикнул сэр Груммор. При этом они извлекли мечи и столь свирепо

рванулись вперед, что каждый, нанеся другому по шлему оставивший вмятину удар, плюхнулся наземь.

— Бах! — крикнул Король Пеллинор.

— Бух! — крикнул сэр Груммор.

— Милость Господня! — воскликнул Варт — Какое сражение!

Теперь рыцари осерчали, и битва возобновилась всерьез. Впрочем, это было не так уж и важно, ибо они, столь закованные в металл, не могли причинить друг другу большого вреда. Им требовалось столько времени, чтобы подняться, а нанесение удара, когда ты весишь восьмую часть тонны, дело настолько обременительное, что каждую стадию состязания легко было выделить и оценить.

На первой стадии Король Пеллинор и сэр Груммор примерно полчаса стояли один против другого и молотили друг друга по шлемам. Возможность имелась лишь для одного удара за раз, поэтому они использовали ее более или менее по очереди, — Король Пеллинор наносил удар, пока сэр Груммор замахивался, и наоборот. Поначалу, если один ронял меч или втыкал его в землю, другой обрушивал на него два или три дополнительных удара, пока его противник терпеливо нашаривал меч или пытался его вытянуть. Спустя какое-то время они освоились с ритмом и стали походить на механических игрушечных мужичков-дровосеков. Постепенно монотонность этого

упражнения умиротворила их, потом они и вовсе заскучали.

Вторая стадия началась с перемены в порядке сражения, произведенной по обоюдному соглашению. Сэр Груммор потопал на один конец поляны, а Король Пеллинор грузно прошагал к другому. Там они развернулись и раз-другой покачались взад-вперед, чтобы как следует уравновеситься. Когда они наклонялись вперед, им приходилось совершать небольшую пробежку, чтобы справиться с весом, а чересчур наклоняясь назад, они падали навзничь. Таким образом, даже простая ходьба представляла собой задачу не из легких. Должным образом распределив свой вес, каждый немного сместил вперед центр тяжести, слегка нарушил равновесие и, чтобы не упасть, перешел на трусцу. Они сближались, словно два вепря.

Встретились они в середине поляны, грудь в грудь, с грохотом, какой бывает при крушении корабля, отскочили один от другого с густым колокольным звоном и рухнули, задыхаясь. Пыхтя, они пролежали несколько минут. Затем стали медленно подниматься на ноги, и было заметно, что оба опять осерчали.

Видимо, Король Пеллинор не только вышел из

себя, но и несколько ошалел от удара. Он поднялся, поворотясь лицом не в ту сторону, и никак не мог отыскать сэра Груммора. Дело вполне извинительное, поскольку высматривать противника ему приходилось сквозь узкую щель, да и та располагалась в трех дюймах от его глаз — из-за набитой под шлем соломы. Но и при всем том вид у него был помраченный. Возможно, у него разбились очки. Сэр Грум-мор поспешил воспользоваться своим преимуществом.

— Получай! — крикнул сэр Груммор, обрушивая двумя руками удар на маковку неудачливого монарха, покамест тот ворочал головой, глядя в противоположную сторону.

Король Пеллинор мрачно поворотился, но противник оказался слишком быстр для него. Сэр Груммор, семеня, обежал Короля, по-прежнему оставаясь у него за спиной, и нанес ему еще один страшный удар по тому же самому месту.

— Где ты? — спросил Король Пеллинор.

— Здесь! — крикнул сэр Груммор и снова ударил его.

Бедный Король обернулся так быстро, как только мог, но сэр Груммор опять от него ускользнул.

— Ату его сзади! — крикнул сэр Груммор и долбанул еще раз.

— По-моему, ты невежа, — сказал Король Пеллинор.

— Хрясь! — ответил сэр Груммор и действительно хряснул.

Вследствие начального столкновения, все повторявшихся ударов по затылку и загадочного поведения противника Король Пеллинор на глазах терял разумение. Он покачивался взад-вперед под градом сыпавшихся на него ударов и слабо отмахивался руками.

— Бедный Король, — сказал Варт. — Не стоило бы его так молотить.

Как бы в ответ на его пожелание сэр Груммор прервал свои труды.

— Мира хочешь? — спросил он.

Король Пеллинор не ответил. Сэр Груммор отвесил ему еще одну плюху и сказал:

— Не скажешь «Мир», отрублю тебе голову.

— Не скажу, — промолвил Король. Дзынь! — лязгнул меч по его голове. Дзынь! — повторил он.

Дзынь! — в третий раз.

— Мир, — сказал, а вернее промямлил Король Пеллинор.

И затем, едва лишь сэр Груммор расслабился, упиваясь победой, Король развернулся, возопил

во весь голос «Не мир!» и со всей силой толкнул его прямо в грудь.

Сэр Груммор повалился на спину.

— Ну! — воскликнул Варт. — Как он его надул! Я бы до этого не додумался!

Король Пеллинор поспешил усесться своей жертве на грудь, увеличив тем ее вес до четверти тонны и лишив всякой возможности двигаться, и начал отвязывать шлем сэра Груммора.

— Ты сказал «Мир»!

— А шепотом сказал «Не мир».

— Ты сжулил.

— А вот и нет.

— Невежа ты, вот ты кто.

— А вот и нет.

— А вот и да.

— А вот и нет.

— А вот и да.

— Я сказал «Не мир».

— Ты сказал «Мир».

— А вот и нет.

— А вот и да.

— А вот и нет.

— А вот и да.

К этому времени шлем сэра Груммора был уже снят, и показалась его голова, гневно взиравшая

на Короля Пеллинора. Лицо у него было совершенно багровое.

— Сдавайся, ты, изменник, — сказал Король.

— Не сдамся, — сказал сэр Груммор.

— Ты должен сдаться, не то я отрублю тебе голову.

— Ну и руби.

— Да ладно тебе, — сказал Король. — Ты же знаешь, что должен сдаваться, когда с тебя сняли шлем.

— Это не считается.

— Ну, так я отрублю тебе голову.

— Ну и руби, мне все равно.

Король угрожающе помахал занесенным мечом.

— Давай, продолжай, — сказал сэр Груммор, — а я посмотрю.

Король опустил меч и сказал:

— Ох, говорю же, сдавайся, пожалуйста.

— Сам сдавайся, — сказал сэр Груммор.

— Как же я сдамся? Ведь это все-таки я на тебе сижу, ведь верно, что?

— Ну и что, я нарочно поддался.

— Ох, ну брось, Груммор. По-моему, ты невежа, что не сдаешься. Ты же отлично знаешь, что я не могу отрубить тебе голову.

— Не стану я сдаваться мошеннику, который сказал «мир», а после дерется.

— Я не мошенник.

— Мошенник и есть.

— Нет, я не мошенник.

— Вот именно, что мошенник.

— А вот и нет.

— А вот и да.

— Ну, хорошо, — сказал Король Пеллинор. — Тогда вставай, надевай свой шлем и будем драться. Я никому не позволю обзываться мошенником.

— Мошенник! — сказал сэр Груммор.

Оба поднялись и стали возиться с шлемом, шипя «А вот и нет» — «А вот и да», пока не приладили его как положено. Затем они разошлись по краям поляны, качнулись вперед, перенося вес на пальцы ног, и понеслись один на другого, гремя и лязгая, словно два сбежавших трамвая.

К несчастью, оба уже озлились настолько, что утратили всякую бдительность и в своем неистовстве проскочили один мимо другого. Инерция, накопленная их доспехами, была чересчур велика, чтобы они сумели остановиться еще до того, как изящно разминулись, поэтому они принялись маневрировать и в результате совсем потеряли друг друга из виду. Смотреть на них

было забавно, потому что Король Пеллинор, уже однажды пойманный сзади, все время вертелся, заглядывая себе за спину, и сэр Груммор, поскольку он сам использовал эту военную хитрость, проделывал то же самое. Так они проблуждали минут примерно с пяток, замирая, прислушиваясь, лязгая, пригибаясь, крадясь, вглядываясь, ступая на цыпочках, и время от времени наугад отмахиваясь от якобы подобравшегося сзади врага. Один раз они сблизились на несколько футов, постояли спиной к спине и, крадучись, с бесконечными предосторожностями разошлись в свою сторону каждый, а еще один раз Король Пеллинор зацепил сэра Груммора, отмахнувшись мечом назад, и оба мгновенно оборотились, но до того уже навертелись, что у них закружились головы, и они опять потеряли друг друга.

Через пять минут сэр Груммор сказал:

— Ладно, Пеллинор. Кончай прятаться. Я все равно тебя вижу.

— Я вовсе не прячусь, — возмущенно воскликнул Король Пеллинор. — Ну, где я?

Так они и отыскали друг друга и сошлись поближе, лицом к лицу.

— Невежа, — сказал сэр Груммор.

— Как же, — сказал Король Пеллинор.

Они развернулись и пошли по своим углам, полные негодования.

— Мошенник, — проорал сэр Груммор.

— Бандит, — проорал Король Пеллинор.

И с этими словами они собрали все силы для решающей встречи, наклонились, опустили головы, словно два бодливых козла, и буквально рванулись вперед, к последнему столкновению. Увы, прицел их оказался неверен. Они разминулись почти на пять ярдов, пронеслись на всех парах, делая по меньшей мере восемь узлов, как корабли, что безмолвно минуют друг друга в ночи, и покатили дальше навстречу своей судьбе. В тщетных усилиях затормозить оба рыцаря замахали руками вперед, как ветряные мельницы. Оба продолжали бежать с неубывающей скоростью. Затем сэр Груммор головой протаранил бук, на котором сидел Варт, а Король Пеллинор столкнулся с каштаном, что рос на другом краю поляны. Деревья дрогнули, лес зазвенел. Черные дрозды и белки подняли крик, и на полмили вокруг лесные голуби сорвались с гнезд. Ненадолго (можно было бы досчитать до трех) рыцари застыли по стойке смирно. Потом, с последним единогласным мелодическим звоном, оба навзничь пали на роковую траву.

— Оглушены, — сказал Мерлин. — Насколько могу судить.

— Вот несчастье, — сказал Варт. — Может, мы слезем, поможем им.

— Мы могли бы облить им головы водой, — рассудительно произнес Мерлин, — если бы тут имелась вода. Не думаю, впрочем, что они нам скажут спасибо, когда у них заржавеют доспехи. С ними все будет в порядке. К тому же нам пора возвращаться домой.

— Но они, может быть, умерли!

— Они не умерли, я знаю. Через минуту-другую они очнутся и поедут домой обедать.

— У бедного Короля Пеллинора нет дома.

— Ну, значит, сэр Груммор пригласит его к себе ночевать. Когда они придут в себя, они уже будут лучшими друзьями. Да и всегда ими были.

— Ты думаешь?

— Мой милый мальчик, я знаю. Закрой глаза, мы отправляемся.

Варт подчинился высшей мудрости Мерлина.

— А как ты думаешь, — спросил он с закрытыми глазами, — у этого сэра Груммора есть перина?

— Наверное, есть.

— Ну, ладно, — сказал Варт. — Это будет хорошо для Короля Пеллинора, пусть даже его

оглушили.

Прозвучали латинские слова, и свершились тайные пассы. Воронка свистящего шума и пространства приняла их в себя. Через две секунды они лежали под трибуной, и голос сержанта звал с другого конца турнирного поля: «А ну-ка, мастер Арт, а ну-ка. Хватит вам уже лодырничать. Выходите-ка с мастером Кэем на солнышко, раз-два, раз-два, да посмотрите, что такое настоящий турнир».

8

Вечер был сырой и холодный, какие уже выпадают под самый конец августа, и Варт слонялся по замку, не зная, чем бы заняться. Некоторое время он проторчал на псарне, разговаривая с Кавалем, затем поплелся на кухню, чтобы помочь поворачивать вертел. Но на кухне оказалось слишком жарко. Его не то чтобы не выпускали из-за дождя на волю мамки да няньки, как это частенько бывает с несчастными детьми нашего поколения, а просто не влекли к себе царившие там слякоть и скука. Окружающие были ему противны.

— Вот чертов мальчишка! — сказал сэр Эктор. — Господа Бога ради, отлепись ты, наконец, от этого окна и найди своего учителя. Когда я был мальчиком, мы всегда занимались в дождливые дни, вот именно, развивали свой ум.

— Варт дурак, — сказал Кэй.

— Ой, беги, утеночек, беги, — сказала старая няня. — Некогда мне нынче слушать твое нытье, видишь, сколько у меня стирки.

— А ну, молодой хозяин, — сказал Хоб, — бегика к себе, нечего птиц тревожить.

— Не-не-не-не, — сказал сержант. — Шагом марш отсюда. У меня и так дела по горло, мне еще драить все эти чертовы доспехи.

Даже Собачий Мальчишка облаял его, когда он вернулся на псарню.

Варт потащился в башню, в верхний покой, где Мерлин старательно вязал себе на зиму ночной колпак.

— Через каждый ряд убираю по две петли, — сказал волшебник, — и все равно верхушка почему-то получается слишком острой. Совершенная луковица. Видать, слишком много убавляю.

— Я думал, может, ты поучишь меня чему-нибудь, — сказал Варт. — Все равно больше делать нечего.

— Ты, стало быть, полагаешь, что наукой занимаются от нечего делать? — ядовито осведомился Мерлин. Ибо и у него настроение было дурное.

— Ну, — сказал Варт, — смотря какой.

— Но уж моей-то во всяком случае? — спросил волшебник, сверкая глазами.

— Ох, Мерлин, — воскликнул Варт, не отвечая на вопрос, — прошу тебя, найди мне какое-нибудь дело, а то на душе так погано! Никому я ни на что сегодня не нужен и совершенно никакого разумного занятия не вижу. И все этот дождь.

— А ты бы вязать научился.

— Может, мне в кого-нибудь превратиться, в рыбу там или еще во что?

— Рыбой ты уже был, — сказал Мерлин. — Человеку мало-мальски прилежному нет нужды дважды давать один и тот же урок.

— Ну, тогда, может, птицей?

— Если бы ты хоть что-то знал, — сказал Мерлин, — а это, увы, не так, ты знал бы и то, что птицы терпеть не могут летать под дождем, потому что у них намокают и слипаются перья, и вообще вид становится замызганный.

— Я мог бы побыть соколом у Хоба в кречатне, — упорствовал Варт. — Тогда я сидел бы под крышей и не намок.

— Эк куда тебя метнуло, — сказал старик, — в соколы.

— Ты же знаешь, что можешь обратить меня в сокола, если захочешь, — закричал Варт, — и только нарочно дразнишь разговорами о дожде. Я так не согласен!

— Фу-ты, ну-ты!

— Мерлин, милый, — взмолился Варт, — пожалуйста, преврати меня в сокола. Если ты не сделаешь этого, я сам что-нибудь сотворю. Прямо не знаю что.

Мерлин отложил вязание и поверх очков осмотрел своего ученика.

— Мальчик мой, — сказал он, — пока я еще не расстался с тобой, ты можешь стать кем угодно, — овощем, животным, минералом, микробом или вирусом, на здоровье, но тебе придется поверить в превосходство моей прозорливости. Еще не время обращать тебя в сокола, — и прежде всего потому, что Хоб по-прежнему в кречатне, кормит птиц, — так что можешь пока посидеть и поучиться на человека.

— Ладно, — сказал Варт, — раз такое дело. И сел.

Через несколько минут он спросил:

— Дозволено ли мне говорить на манер человеческого существа, или тому, кто вскорости будет лишь виден, но не слышен, надлежит просить особого позволения?

— Говорить дозволено всякому.

— Это прекрасно, потому что я хотел обратить твое внимание на то, что ты уже на три ряда ввязал в ночной колпак свою бороду.

— Ах, чтоб меня!

— По-моему, самое лучшее отрезать у твоей бороды кончик. Принести тебе ножницы?

— Почему ты раньше мне не сказал?

— Хотел посмотреть, что получится.

— Мой мальчик, ты подверг себя серьезной опасности, — сказал волшебник, — ибо мог превратиться в хлебный ломоть и поджариться.

И, бормоча себе что-то под нос, он принялся медленно и с величайшими предосторожностями, дабы не спустить петли, выпутывать бороду.

— Интересно, — спросил Варт, когда решил, что наставник его уже успокоился, — летать будет так же трудно, как плавать?

— Летать тебе не придется. Я не собираюсь превращать тебя в вольного сокола, — просто подсажу тебя на ночь в кречатню, чтобы ты мог с ними поговорить. Это и есть лучший вид обучения — беседа со специалистами.

— А они станут говорить?

— Они каждую ночь говорят, как только наступает полная тьма. Рассказывают, как их поймали, и о том, что помнят из вольной жизни: о своей родословной, о великих делах своих предков, о военной выучке, о том, чему они научились и чему им еще предстоит научиться В сущности, это армейские разговоры, такие можно услышать в кантине образцового кавалерийского полка: тактика, личное оружие, разного рода пари, знаменитые охоты, вино, женщины, песни.

— Другая их тема, — продолжал он, — это еда. Неприятно думать об этом, но основа их выучки — голод. Бедняги вечно хотят есть и все вспоминают лучшие рестораны, в которых им доводилось бывать, и как они там пили шампанское, заедая его икрой и цыганскими песнями. Все они, разумеется, из благородных семейств.

— Это безобразие, что им приходится жить в неволе и мучиться голодом.

— Видишь ли, они не вполне сознают, что пребывают в неволе, — не более, чем кавалерийские офицеры. Они почитают себя существами, преданными своей профессии, вроде как членами рыцарского ордена или чего-то подобного. Понимаешь, к членству в кречатне допускаются только хищники, и это изрядно помогает выдерживать подобную жизнь. Они знают, что ни один представитель низших классов туда проникнуть не сможет. Каких-нибудь черных дроздов и прочей шушеры на их насестах не встретишь. Ну, а что до голода, об истощении тут речи, конечно, нет. Их ведь натаскивают, понимаешь? — ну, и как всякий, кому приходится помногу тренироваться, они постоянно думают о еде.

— Когда я смогу начать?

— Начать ты можешь прямо сейчас, если хо-

чешь. Моя проницательность сообщает, что Хоб сию минуту покинул кречатню и отправился спать. Однако прежде всего тебе надлежит решить, какого рода соколом ты предпочел бы стать.

— Я предпочел бы стать дербником, — сказал вежливый Варт.

Этот ответ волшебнику оказался приятен, ибо на языке тех времен «дербник» звучал как «мерлин».

— Очень правильный выбор, — сказал он. — Ну что же, начнем, если ты не против.

Варт поднялся с табурета и встал перед своим наставником. Мерлин отложил вязание в сторону.

— Во-первых, ты должен уменьшиться, — сказал он, нажимая Варту на макушку и продолжая нажимать, пока тот не стал размером чуть меньше голубя. — Теперь привстань на кончики пальцев, согни колени, прижми локти к бокам, ладони подними на уровень плеч и сожми указательный палец с большим, а безымянный со средним. Вот так, гляди.

При этих словах дряхлый некромант встал на цыпочки и проделал все сказанное.

Варт прилежно повторил его позу, гадая, что

будет дальше. Дальше Мерлин, шепотом произносивший последние заклинания, вдруг превратился в кондора, а со стоявшим на цыпочках Вартом ничего не произошло. Мерлин маячил перед ним, словно бы обсыхая на солнышке, с крыльями, раскинутыми чуть не на одиннадцать футов, с оранжевой головой и фуксиновыми глазами навыкате, похожими на драгоценные камни. Вид у него был удивленный и довольно смешной.

— Вернись, — сказал Варт. — Ты не того превратил.

— А все весенняя уборка, клянусь Пресвятой Богородицей, — воскликнул Мерлин, вновь обратясь в себя самого. — Один раз пустишь женщину на полчаса в кабинет, и уже невозможно понять, где лежит нужное заклинание, и вообще лежало ли оно там когда-либо. Ну, становись, попробуем снова.

На этот раз по-прежнему крохотный Варт ощутил, как ступни его, удлиняясь, царапают пальцами пол. Он ощутил, как задираются кверху и оттопыриваются пятки, как колени уходят в живот. Бедра его сильно укоротились. От запястий до плеч наросла сетчатая кожица, на кончиках пальцев раскрылись и стали быстро расти мягкие синеватые стволики первых маховых перьев.

Вторые пустили ростки между запястьями и локтями, а концы каждого из больших пальцев опушились маленькими и прелестными ложными маховыми перышками.

Как бы по мановению ока выросла дюжина хвостовых перьев со сдвоенными рулевыми посередке, а на спине, на груди и на плечах выскользнуло из-под кожи кроющее оперение, пряча корни наиболее важных контурных перьев. Варт быстро глянул на Мерлина, сунул голову между ног и там осмотрелся, взъерошил перья, чтобы они стали по местам, и принялся острым когтем скрести подбородок.

— Ладно, — сказал Мерлин. — Теперь садись ко мне на руку, — ох, да поосторожней, не цапайся, — и выслушай то, что я должен тебе сказать. Сейчас я тебя отнесу в кречатню, которую Хоб запер на ночь, и посажу рядом с Балином и Баланом, свободного и без клобучка. Теперь повнимательней. Не приближайся ни к кому без предварительного разговора. Тебе следует помнить, что они большей частью сидят в клобучках и с перепугу могут поступить опрометчиво. Балину и Балану можешь доверять, кроме них — кобчику и перепелятнику. К сапсанихе близко не подходи, разве что она сама тебя позовет. И

ни в коем случае не вставай вблизи оттородки Простака, потому что он-то без клобучка, и будь у него хоть полшанса, он достанет тебя сквозь ее ячейки. У бедняги не все дома, и если он только ухватит тебя, живым ты от него не уйдешь. Помни, что ты навещаешь своего рода армейскую трапезную спартанцев. Эти ребята — кадровые военные. Единственное твое занятие в качестве молодого младшего офицера — это держать рот на замке, говорить только когда к тебе обращаются и никого не перебивать.

— Готов поспорить, что я не такой уж и младший, — сказал Варт, — все-таки дербник.

— Что ж, вообще говоря, ты прав, — сказал Мерлин. — Ты увидишь, что и кобчик, и перепелятник будут с тобой вежливы, но ради всего святого не перебивай ни старших дербников, ни сапсаниху. Она у них — шеф полка. Что же до Простака, то он тоже полковник, хоть и пехотный, так что с ними поаккуратней.

— Я буду осторожен, — сказал Варт, начавший уже немного побаиваться.

— Хорошо. Утром я приду за тобой. До того, как поднимется Хоб.

Птицы молчали, когда Мерлин внес в кречатню их нового сотоварища, и сохраняли молчание

еще несколько времени после того, как их оставили в темноте. Дождь уступил место полной августовской луне, столь яркой, что можно было видеть в пятнадцати ярдах от двери мохнатую гусеницу, ползущую по бугристому песчанику крепостной стены, и Варту потребовалось лишь несколько мгновений, чтобы глаза его свыклись с рассеянным светом, наполнявшим кречатню. Свет, слегка отливающий серебром, пропитал темноту, и перед глазами Варта предстало зрелище несколько жутковатое. Посеребренные луной ястребы и соколы стояли каждый на одной ноге, другую подобрав под свисающее с живота оперение, и каждый являл собою неподвижное изваяние рыцаря в полных доспехах. Они стояли важно в своих украшенных перьями шлемах, при шпорах и при оружии. Мешковина и холст отгородок между насестами тяжело колыхались под дыханием ветра, словно знамена в часовне, и в рыцарственном терпении высокая воздушная знать несла свою рыцарскую стражу. В ту пору клобучки нахлобучивали на кого только могли, даже на ястребов и на дербников, которых теперь в клобучках не держат.

Увидев эти царственные фигуры, стоящие столь спокойно, словно их вытесали из камня, Варт

затаил дыхание. Он был до того ошеломлен их величием, что наставления Мерлина касательно смиренного и скромного поведения оказались совеем не нужными.

Наконец послышался легкий звон колокольчика. Крупная самка сапсана шевельнулась и произнесла высоким носовым голосом, исходившим из ее аристократического клюва:

— Джентльмены, можете говорить. И вновь наступила мертвая тишина.

Лишь из дальнего угла, отгороженного сетью для Простака, сидевшего там привольно, без клобучка, и сильно линявшего, доносилась невнятная воркотня холерического пехотного полковника.

— Проклятые черномазые, — бормотал он. — Проклятая администрация. Проклятые политиканы. Проклятые большевики. Что в воздухе я вижу пред собою? Кинжал проклятый? Хвать за рукоять. Проклятое пятно. Так-то, Простак, останься тебе всей жизни один только краткий час, и то был бы ты проклят во веки веков.

— Полковник, — холодно произнесла сапсаниха, — не при младших офицерах.

— Прошу прощения, Мэм, — мгновенно откликнулся несчастный полковник. — Знаете, в голову

что-то вступило. Какое-то глубокое проклятье.

И вновь тишина, официальная, жуткая и спокойная.

— Кто этот новый офицер? — осведомился тот же прекрасный и яростный голос.

Никто не ответил.

— Ответьте сами, сэр, — скомандовала сапсаниха, глядя прямо перед собой, словно бы разговаривая во сне.

Они не могли разглядеть его сквозь клобучки.

— С вашего позволения, — сказал Варт, — я дербник…

И умолк, испуганный тишиной.

Валан, один из настоящих дербников, стоявший с ним рядом, склонился и вполне добродушно прошептал ему на ухо:

— Не бойся. Называй ее «Мадам».

— Я дербник, Мадам, если позволите.

— Дербник. Это хорошо. А из какой линии Дербников вы происходите?

Варт ни малейшего понятия не имел, из какой линии он происходит, но не осмелился обнаружить себя ложью.

— Мадам, — сказал он, — я один из Дербников Дикого Леса.

Вслед за этим опять наступила тишь, серебри-

стая тишь, которой он начал страшиться.

— Существуют йоркширские Дербники, — произнесла наконец ее почетное превосходительство своим медленным голосом, — и валийские Дербники и Мак-Дербники с севера. Затем имеются Дербники Солсбери, есть кое-кто в окрестностях Экебура, также О'Дербники из Коннаута. Но я что-то не слышала ни о каком семействе из Дикого Леса.

— Осмелюсь сказать, Мадам, — произнес Балан, — это скорее всего младшая ветвь.

— Благослови его Бог, — подумал Варт. — Завтра специально словлю воробья и скормлю ему, когда Хоб отвернется.

— Не сомневаюсь, капитан Балан, что это правильный вывод.

Вновь наступило молчание.

В конце концов сапсаниха звякнула в колокольчик. И произнесла:

— Ну что же, перейдем к катехизису, а после — присяга.

Варт услыхал, как при этих словах слева от него нервно закашлялся перепелятник, но сапсаниха не обратила на это внимания.

— Дербник из Дикого Леса, — сказала она, — каковы суть Звери Ногатые?

— Звери Ногатые, — ответствовал Варт, благословляя свою звезду, что свела его с сэром Эктором, давшим ему Первостатейное Образование, — суть скакуны, собаки и соколы.

— Отчего же оные прозываются «Звери Ногатые»?

— Оттого, что жизнь сих зверей зависит от мощи их ног, а потому, по закону, всякий, кто причиняет ущерб их ногам, почитается покусителем на сами их жизни. Ибо захромавший скакун — это мертвый скакун.

— Хорошо, — молвила сапсаниха. — Каковы суть твои наиглавнейшие члены?

— Крылья, — ответил Варт, мгновенье поколебавшись, — это была догадка, ибо ответа он не знал.

Одновременно звякнули все колокольца, и надгробные изваяния горестно опустили поджатые ноги. Теперь они, обеспокоенные, стояли на двух ногах.

— Твои что? — резко воззвала сапсаниха.

— Он сказал — его проклятые крылья, — сообщил из своего загона полковник Простак. — Кто первым крикнет «Стой!», тот проклят будет!

— Крылья и у дрозда есть! — выкрикнул кобчик, в тревоге впервые раскрыв свой острый

изогнутый клюв.

— Думай! — чуть слышно шепнул Балан. Варт лихорадочно думал.

Крылья, хвост, ноги, глаза — чего же нет у дрозда?

— Когти!

— Это сойдет, — добродушно произнесла сапсаниха, выдержав одну из своих пугающих пауз. — Верный ответ — «Ноги», как и на все остальные вопросы, но «Когти» тоже неплохо.

И все соколы, — мы, разумеется, вольно используем это понятие, ибо были средь них соколы, были и ястребы, — вновь подобрали ноги и успокоились.

— Каков же первый закон ноги?

(«Думай», — сказал дружелюбно настроенный маленький Балан из-под ложного махового пера.) Варт подумал и надумал правильно.

— Не пущать, — сказал он.

— Последний вопрос, — произнесла сапсаниха. — Как мог бы ты, Дербник, убить голубя крупнее себя.

Тут Варту повезло, ибо он слышал рассказ Хоба о том, как это сделал однажды Балан, и он осторожно ответил:

— Я придушил бы его ногой.

— Хорошо! — сказала сапсаниха.

— Браво! — встопырив перья, воскликнули остальные.

— Девяносто процентов, — быстро прикинув, сообщил перепелятник. — Если, конечно, вы дадите ему половинку за когти.

— Пусть дьявол закоптит меня! Проклятье!

— Полковник, прошу вас! Балан зашептал Варту:

— Полковник Простак несколько не в себе. Мы полагаем, что тут вся причина в печени, но кобчик уверяет, что он не выдержал постоянного напряжения, в котором ему приходится жить, чтобы соответствовать высоким принципам ее светлости. Он говорит, что ее светлость однажды обратилась к Полковнику с высоты своего положения в обществе, как кавалерист к пехотинцу, понимаете, и тому оставалось только зажмуриться, — голова пошла крутом. Так он с тех пор и не оправился.

— Капитан Балан, — произнесла сапсаниха, — шептаться невежливо. Мы продолжаем вступительные испытания нового офицера. Ваш черед, падре.

Бедный перепелятник, вид которого в последние несколько минут становился все более

нервным, запунцовел и принялся лепетать какую-то путаную клятву, в коей упоминались ногавки, должики и клобучки. «Сею ногавкой, — слышал Варт, — наделяю тебя… любви, почета и повиновенья. — пока должик нас не разлучит.»

Но прежде чем падре добрался до конца этой клятвы, голос его сорвался, и он зарыдал.

— О, смилуйтесь, ваша светлость, я проявил небрежение и не сумел сохранить учебные пособия.

(«Учебные пособия — это кости и прочее, — объяснил Балан. — Ты ведь должен присягнуть на костях».)

— Вы не смогли сохранить учебные пособия? Но это первейший ваш долг — хранить учебные пособия.

— Я знаю.

— Что же вы с ними сделали?

Голос перепелятника треснул под тяжестью кощунственного признания:

— Я… я их съел, — и несчастный священник расплакался.

Никто ничего не сказал. Нарушение воинского долга было настолько ужасным, что слова утратили смысл. Все стояли на двух ногах, поворотив к преступнику незрячие головы. Ни слова осужде-

ния. Только и слышно было, во все пятиминутное молчание, как всхлипывает и тихо-тихо икает невоздержный священнослужитель.

— Ну что же, — в конце концов произнесла сапсаниха, — придется отложить посвящение до завтра.

— С вашего разрешения, Мадам, — сказал Балин, — быть может, мы смогли бы произвести испытание нынче ночью? Насколько я понимаю, кандидат свободен в передвижениях, ибо я не слышал, чтобы его привязали.

Услышав об испытании, Варт внутренне содрогнулся и решил про себя, что Балин не получит завтра и перышка от Баланова воробья.

— Благодарю вас, Капитан Балин. Я как раз сама размышляла об этом.

Балин заткнулся.

— Кандидат, вы свободны?

— О да, Мадам, к вашим услугам: но испытание мне как-то не по душе.

— Таков порядок.

— Позвольте, позвольте, — задумчиво произнесла ее почетная светлость, — какое у нас было последнее испытание? Вы не припомните, Капитан Балан?

— Мое испытание, Мэм, — сказал дружелюб-

ный дербник, — и оно состояло в том, чтобы провисеть в опутенках всю третью стражу.

— Раз он не привязан, он этого сделать не сможет.

— Вы бы могли немного его поклевать, Мэм, — произнес кобчик, — конечно, в разумных пределах.

— Отправьте его постоять рядом с Полковником Простаком, пока мы трижды не прозвоним в колокольца, — предложил второй дербник.

— О, нет, нет! — с мукой закричал из своего удаленного мрака полоумный полковник. — Не надо, ваша светлость. Умоляю вас, не делайте этого. Ведь я, ваша светлость, такой проклятущий подлец, что не могу отвечать за последствия. Пожалейте, ваша светлость, бедного мальчика, и не введите нас во искушение.

— Полковник, следите за собой. Это очень хорошее испытание.

— О Мадам, меня предупреждали, чтобы я не становился рядом с Полковником Простаком.

— Предупреждали? И кто же?

Бедный Варт уже понял, что ему осталось либо признаться в своей человеческой природе и не выведать больше ни единого их секрета, либо пройти через предстоящее испытание и обога-

титься новыми знаниями. Трусом он быть не желал.

— Я встану рядом с Полковником, Мадам, — сказал Варт и тут же спохватился, что тон его оскорбителен.

Но сапсаниха оставила его тон без внимания.

— Вот и отлично, — сказала она. — Но прежде нам надлежит пропеть гимн. Ну-с, падре, если вы не съели и гимны вместе с пособиями, будьте любезны, просолируйте нам 23-й номер, только не Нынешний, а Старинный. Гимн Испытания.

— А вы, мистер Коб, — добавила она, обратясь к кобчику, — постарайтесь, чтобы вас было не очень слышно, вечно вы вверх забираете.

Соколы неподвижно стояли, облитые лунным светом, пока перепелятник отсчитывал: «Раз, два, три». Затем все их кривые и зубчатые клювы раскрылись под клобучками, и они грянули резким хором, и вот что они пропели:

Жизнь — это жертва и кровь, ну что ж, И не с этим сдюжит орлиный глаз. А поживе в утеху — хилая ложь: Timor Mortis — вот что бессилит нас.

Но Ногатые Звери только в Хватку и верят, Ибо плоть нечиста, а нога сильна. Слава сильному лорду, одинокому, гордому: Timor Mortis — вот что возносит нас.

Нерадивым — стыд, а бессильным — беда, Смерть трусливцу, не знающему, где присесть. Но для клюва и когтя крови хватит всегда: Timor Mortis — это мы сами и есть!

— Отменно, — сказала сапсаниха. — Капитан Балан, по-моему, вы немного съехали с верхнего «до». А теперь, кандидат, отправляйтесь и простойте вблизи отгородки Полковника Простака, пока мы не прозвоним в наши колокольчики трижды. По третьему звонку можете двигаться с какой вам угодно скоростью.

— Очень хорошо, Мадам, — сказал Варт, от негодования утративший всякий страх. Он легко взмахнул крыльями и уселся на самый краешек отгороженного насеста вблизи проволочной сети, за которой сидел Простак.

— Мальчик! — нездешним голосом крикнул Полковник. — Не приближайся ко мне, не надо. Увы, не искушайте злого духа проклятьем, тяготеющим над ним.

— Я не боюсь вас, сэр, — сказал Варт. — Не изводите себя, ибо ни с одним из нас никакого вреда не случится.

— Ничего себе, никакого вреда! О, уходи, пока еще не поздно. Во мне пробуждается извечное вожделенье.

— Не бойтесь, сэр. Им и звонить-то только три раза.

При этих словах рыцари опустили поджатые ноги и торжественно ими тряхнули. Первый сладостный перезвон заполнил кречатню.

— Мадам, Мадам! — вскричал терзаемый мукой Полковник. — Имейте жалость, имейте жалость к слабой плоти существа, над коим тяготеет проклятие. По ком звонит колокол, Мадам? Мне долго не продержаться.

— Мужайтесь, сэр, — мягко сказал Варт.

— Мужайтесь, сэр! Увы! Тому назад две ночи, как в полночь самую, в проулке, что юлит за церковью Святого Марка, я дюка повстречал: нес на плече он человечью ногу и выл, да жутко, страсть!

— Пустое, сэр, — сказал Варт.

— Какое там пустое! Говорит, я волк, говорит, всей-то и разницы, что у волка шкура наружу, а у меня, говорит, вовнутрь. Давай, раздери мою плоть и проверь. Мол, так вот просто сводит все концы удар кинжала!

Колокольчики прозвонили вторично.

Сердце Варта начало колотиться, а Полковник тем временем подползал к нему по насесту. Топ, топ, — он подвигался, на каждом шагу судорожно

вцепляясь в древесину. Его несчастные, безумные, с остановившейся мыслью глаза сверкали в свете луны, сияли среди докучливой тьмы его угрюмого чела. В нем не было ни жестокости, ни недостойной страсти. Он сам был от Варта в ужасе, он не торжествовал над ним, в убийстве был его долг.

— Что ж, будь конец всему концом, — шептал Полковник, — все кончить могли б мы разом. Ну кто бы подумал, что в юноше столько крови?

— Полковник! — сказал Варт, но заставил себя остаться на месте.

— Мальчик! — вскричал Полковник. — Говори со мной, задержи меня, будь милосерден!

— У вас за спиной кошка, — спокойно промолвил Варт, — или даже куница. Взгляните.

Полковник оборотился, стремительный, словно осиное жало, и угрожающе воззрился во тьму. Там было пусто. Он вновь обратил свой бешеный взор на Варта, поняв, что обманут. Затем, холодным тоном гадюки:

— Чу, колокол звонит. Пора! Иду! Малыш, ударам скорбным не внимай — они тебя проводят в ад иль в рай.

Пока он говорил, колокольчики звякнули в третий раз, и теперь честь не мешала Варту

двинуться с места. Испытание кончилось, Варт мог улететь. Но едва он рванулся, едва взлетел с быстротой, превосходящей всякий рывок и всякий полет на свете, жуткие серповидные когти выпростались из пластинчатых ног Полковника, — нет, высверкнули, ибо движение это было слишком быстрым для глаза, — и тяжко, тесно и страшно огромные ятаганы сомкнулись на его ускользавших больших пальцах, будто лапы здоровенного полисмена.

Они сомкнулись и, похоже было, уже навсегда. Крепче, крепче, стальные бедренные мышцы дважды конвульсивно дернулись, напряглись. Затем Варт оказался на два ярда дальше от сетки, а Полковник Простак остался стоять на одной ноге, стиснув в другой несколько ячеек сети и Вартовы ложные маховые перья вместе с теми, что их покрывали. Два-три перышка поменьше неторопливо плыли в лунном луче, опускаясь на пол.

— Хорошо отстоял! — крикнул довольный Балан.

— Истинно джентльменское поведение, — сказала ее светлость, оставив без внимания то обстоятельство, что Капитан Балан высказался раньше нее.

— Аминь! — сказал перепелятник.

— Отважное сердце! — сказал кобчик.

— Не следует ли нам пропеть теперь Песнь Триумфа? — спросил смягчившийся Балин.

— Разумеется, — сказала сапсаниха.

И они запели все вместе, и солистом у них оказался певший во все горло Полковник Простак, и триумфально звенели их колокольца в страшном свете луны.

Горние птицы слаще,
Но птицы долин толще,
Оттого-то их чаще
Мы обращаем в мощи.
Кто там скорчился — кролик?
Бей его в грудь и в брюхо!
Кролик сладок до колик,
И визг его тешит ухо.
Тот бьет в поднебесье птицу,
И пух облачками тает,
Тот низом за птицей стремится,
А тот ей башку отрывает.
Но Варт — меж Дербников Король -
Всех дальше коготь свой простер,

Пусть же шлет он дары

Нам на наши пиры,

И да славит его наш хор!

— Попомните мои слова, — воскликнул красавец Балан, — из этого юного кандидата выйдет настоящий король. А ну-ка, ребяты, хором, все вместе, в последний раз:

Но Варт — меж Дербников Король -

Всех дальше коготь свой простер,

Пусть же шлет он дары

Нам на наши пиры,

И да славит его наш хор!

9

— Ну и ну! — произнес Варт, проснувшись на следующее утро в своей собственной постели. — Какая жуткая, какая роскошная банда!

Кэй уселся в кровати и сразу застрекотал, сварливо, как белка.

— Где это тебя носило ночью? — закричал он — Небось в окошко удрал? Вот я скажу отцу, он тебя выдерет. Знаешь же, что нам не велено выходить после вечернего колокола. Чем это ты занимался? Я тебя повсюду искал. Вылез, вылез, я знаю.

Порой, когда мальчикам требовалось по какому-то секретному делу выбраться ночью из замка, — чтобы подстеречь барсука, например, или поймать линя, которые только на вечерней зорьке и ловятся, — они спускались по водосточной трубе в ров и переплывали его.

— Ой, заткнись, — сказал Варт, — я не выспался.

Кэй ответил:

— Вставай, вставай, скотина. Где ты был?

— Не скажу.

Он знал, что Кэй все равно не поверит его рас-

сказу, а только обругает его вруном и еще сильней разозлится.

— Не скажешь — убью!

— Прямо так и убьешь.

— И убью.

Варт повернулся на другой бок.

— Скотина, — сказал Кэй. И двумя пальцами, указательным и большим, ухватил Варта за сгиб руки и ущипнул изо всей мочи. Варт дернулся, словно лосось, вдруг оказавшийся на крючке, и заехал ему прямо в глаз. Миг — они уже выскочили из кровати, бледные, злые, сильно напоминающие освежеванных кроликов, — ибо в те дни люди спали безо всякой одежки, — и замахали руками, как ветряки, норовя причинить один другому побольше вреда.

Кэй был старше и крупнее Варта, так что в конце концов победа досталась бы ему, но он был более нервен и воображением обладал поживее. Он легко мог представить себе последствия каждого из нацеленных на него ударов, и это ослабляло его оборону. Варт же представлял собой разгневанный ураган в чистом виде.

— Оставь меня в покое, понял?

Но Варт отнюдь не намеревался оставить его в покое, напротив, набыченный и размахивающий

руками, он и Кэю не давал этого сделать. Метили оба только в лицо противника.

Кэй доставал дальше и кулаки имел потяжелее. Он выбросил руку вперед — больше для самозащиты, чем для чего-то иного, — и Варт звучно влепился глазом в кулак. Небо покрылось гулкой тьмой, из которой летели в разные стороны пылающие метеоры. Варт запыхтел, всхлипнул и исхитрился попасть противнику по носу, и оттуда струйкой хлынула кровь. Кэй уронил руки, повернулся к Варту спиной и сказал неприязненным, гнусавым и полным осуждения голосом: «Кровь пошла». Битва закончилась.

Кэй лежал на каменном полу, кровь пузырилась в носу, а Варт, с заплывшим глазом, вытянул из двери огромный ключ и подсунул его Кэю под голову. Ни тот, ни другой не сказали ни слова.

Наконец Кэй повернулся лицом в пол и заплакал. Он говорил:

— Для тебя Мерлин все делает, а для меня ничего.

Тут Варт и впрямь почувствовал себя скотиной. Молча одевшись, он помчался к волшебнику. Дорогой его перехватила няня.

— Ах ты, баловник, — воскликнула она, схватив его за руку и встряхнув, — опять подрался с

мастером Кэем. Вы полюбуйтесь на его глаз, ну, доложу я вам! Этого хватит, чтобы свести с ума целую коллегию хирургов.

— Да ладно, все в порядке, — сказал Кэй.

— Нет, куколка моя, не в порядке, — воскликнула няня, серчая и делая вид, что хочет его отшлепать. — Ну-ка, рассказывай, откудова это, пока я тебя не высекла.

— Стукнулся о спинку кровати, — уныло сказал Варт.

Няня немедленно прижала его к широкой груди, прихлопнула по спине и сказала:

— Ах, голубок, голубок. То же самое говорил мне сэр Эктор, когда я ловила его с синяком под глазом лет сорок назад. Крепче чем в хорошей семье нигде за хорошую ложь не держатся. Ну пойдем, невинная крошка, пойдем на кухню, там мы враз прилепим тебе на рожицу отличный кусочек мяса. Но ты все-таки не дерись с теми, кто здоровее тебя.

— Да все в порядке, — снова сказал Варт, которому вся эта суета была противна, но судьба решила его покарать, и старая дама была непреклонна. Прошло полчаса, прежде чем он смог ускользнуть от нее, да и то пришлось унести с собой сочный шмат сырого мяса, который он, как предполага-

лось, будет прижимать к подбитому глазу.

— Ничто лучше хорошей вырезки не вытягивает гуморов, — сказала няня, а повариха добавила:

— Да мы тут с самой Пасхи такого лакомого кусочка не видели, и такого сочного тоже.

— Отнесу эту дрянь Балану, — решил Варт и возобновил поиски учителя.

Он без труда отыскал его в башенной комнате, которую тот выбрал еще в день своего появления в замке. Все философы предпочитают жить в башнях, в чем можно убедиться, посетив жилище, выбранное Эразмом в Кембриджском колледже, но башня Мерлина была даже красивее той. Не было в замке покоя выше этого, он располагался прямо под сторожевым постом главной цитадели, и из его окна взгляд мог привольно блуждать по общинному полю, — коим по праву владели кролики, — по парку, по ловчему полю, пока, наконец, не терялся среди далеких синеватых верхушек Дикого Леса. По этому морю древесной листвы катились, как по овсам, бугристые волны, под конец растворяясь в дальних горах, где никто никогда не бывал, в облачных башнях и роскошных чертогах небес.

Замечания, сделанные Мерлином по поводу

подбитого глаза, носили чисто медицинский характер.

— Изменение цвета, — сказал он, — вызывается кровоизлиянием во внутренних тканях (экхимоз) и проходит стадии от темно-лиловой через зеленую к желтой, а затем пропадает.

На это возразить было, вроде бы, нечего.

— Я полагаю, — продолжал Мерлин, — ты получил его, подравшись с Кэем.

— Да. А откуда ты знаешь?

— Ну, уж так уж.

— Я тебя искал, чтобы поговорить насчет Кэя.

— Говори. Требуй. Отвечу.

— Ну вот. Кэй считает, это нечестно, что меня ты все время в кого-нибудь превращаешь, а его нет. И я тоже считаю, что это нечестно.

— И я так считаю.

— Тогда в следующий раз, как будем превращаться, ты преврати нас обоих.

Мерлин уже позавтракал и теперь попыхивал пенковой трубкой, по-прежнему заставлявшей его ученика думать, что он дышит огнем. Вот и сейчас он основательно затянулся, оглядел Варта.. открыл рот, чтобы что-то сказать, передумал, выдохнул дым и еще раз набрал полные легкие.

— Порой, — сказал он, — жизнь вообще кажется

нечестной. Известна тебе история про Илию и Равви Иаханана?

— Нет, — сказал Варт.

Он выбрал на полу местечко поудобнее и смиренно уселся, сообразив, что ему предстоит, как в случае с зеркалом, выслушать некую притчу.

— Этот Равви, — сказал Мерлин, — отправился странствовать вместе с пророком Илией. Шли они целый день и к ночи дошли до скромной хижины бедняка, у которого только и было богатства, что корова. Бедняк выбежал из хижины вместе с женой, чтобы пригласить к себе путников на ночь и предложить им все то нехитрое гостеприимство, какое могли они дать в их стесненных обстоятельствах. Илия и Равви получили в изобилии молока, и в придачу к нему домашнего хлеба и масла, и их уложили спать в лучшую кровать, в то время как смиренные хозяева легли в кухне перед очагом. А поутру корова бедняка оказалась мертвой.

— А дальше?

— Они шли весь следующий день и под вечер пришли к дому очень богатого торговца, рассчитывая на его гостеприимство. Торговец оказался неприветлив, высокомерен и богат, и все что он сделал для пророка и его спутника, — это уложил

их в хлеву, дав им воды и хлеба. Однако наутро Илия долго благодарил его за все содеянное и в награду за доброту прислал камнетеса, чтобы тот починил обвалившуюся стену его дома.

— Равви Иаханан, не мог долее молчать и стал умолять святого, чтобы тот объяснил, почему он так обошелся с этими людьми.

— Что касается бедняка, столь гостеприимно принявшего нас, — ответил пророк, — это его жене суждено было умереть той ночью, но в награду за доброту Бог отнял у него не жену, а корову. Стену же этого богатого скряги я распорядился починить потому, что вблизи от нее спрятан сундук с золотом, и если бы скряга сам принялся за стену, он бы нашел сокровище. А потому не говори перед Господом: Что это ты делаешь? Но скажи в сердце своем: Разве не праведны дела Владыки всей земли нашей?

— Хорошая история, — сказал Варт, ибо история, видимо, кончилась.

— Мне очень жаль, — сказал Мерлин, — что только ты один и можешь получать от меня дополнительное образование, но с другой стороны, меня, видишь ли, только для того и прислали.

— Но я не понимаю, какой вред будет для Кэя, если он тоже его получит.

— И я не понимаю. Но ведь и Равви Иаханан не понимал, для чего нужно было чинить стену того скупердяя.

— Нет, это-то я понял, — неуверенно сказал Варт, — но, по-моему, корова все-таки зря умерла. Ну хоть разочек можно мне взять с собой Кэя?

Мерлин мягко сказал:

— Быть может, что хорошо для тебя, для него окажется дурно. А кроме того, припомни, он ведь ни разу не попросил, чтобы его во что-нибудь превратили.

— Все равно он этого хочет. Ты ведь знаешь, я люблю Кэя, и, по-моему, люди его просто не понимают. Ему приходится изображать гордеца, потому что он боязливый.

— Ты так и не понял, о чем я толкую. Ну превратился бы он прошлой ночью в дербника и оробел бы, и не выдержал испытания?

— А откуда ты знаешь про испытание?

— Здравствуйте, опять двадцать пять.

— Ладно, — упрямо сказал Варт. — А если бы он выдержал испытание и не оробел? Я не понимаю, зачем обязательно предполагать то, а не это.

— Издеваешься ты надо мной, что ли! — горячо воскликнул волшебник. — Ты, похоже, ничего нынче утром не понимаешь. Что ты хочешь,

чтобы я сделал?

— Преврати меня с Кэем в змей или еще во что. Мерлин сорвал очки, швырнул их о пол и растоптал обеими ногами.

— А-а, разрази меня Кастор и Поллукс до самых Бермуд! — выкрикнул он и тут же с пугающим ревом исчез.

Варт так и сидел, озадаченно уставясь на пустое кресло наставника, когда несколько мгновений спустя Мерлин вновь объявился. Он лишился шляпы, а борода его была вся спутана, словно бы бурей. Он снова сел и разгладил дрожащими пальцами мантию.

— Зачем ты это сделал? — спросил Варт.

— Я не нарочно.

— Ты что, хочешь сказать, что Кастор и Поллукс так и сдули тебя на Бермуды?

— Пусть это будет тебе уроком, — ответил Мерлин, — не бранись. И вообще, давай поговорим о чем-нибудь другом.

— Мы говорили о Кэе.

— Да, и вот что я собирался тебе сказать, как раз перед тем, как отправился — э-гм! — сбирать росу с Бермудских островов. Превратить Кэя во что бы то ни было я не могу. Я не получил такой власти, когда был послан сюда. Почему так — ни

ты, ни я сказать не способны, — но факт остается фактом. Я пытался намекнуть тебе на некоторые причины, его породившие, но ты их не принял, прими, стало быть, сам факт, в голом виде. А теперь, будь добр, помолчи, пока я не овладею вновь дыханием и шляпой.

Варт сидел тихо, а Мерлин закрыл глаза и принялся что-то бормотать про себя. Вскоре на голове его появилась смешная высокая черная круглая шляпа. То был цилиндр.

Мерлин с отвращением оглядел его, горько сказал:

— И это у них называется службой доставки!

И вернул цилиндр обратно в воздух. Покончив с этим, он гневно вскочил и воскликнул:

— Поди сюда!

Варт с Архимедом посмотрели один на другого, гадая, что это значит, — Архимед все это время просидел на подоконнике, любуясь видом, ибо он, разумеется, никогда не расставался с хозяином, — впрочем, Мерлин не обращал на них никакого внимания.

— И что? — гневно спросил Мерлин, ни к кому зримому не обращаясь. По-твоему, это смешно?

— Очень хорошо, тогда зачем же ты это сделал?

— Это не извинение. Естественно, я подразумевал шляпу, которую носил.

— Здесь, оболтус, здесь! На что мне шляпа, которую я носил в 1890-м году? У тебя что, совершенно нет чувства времени?

Мерлин содрал бескозырку, тут же появившуюся на его голове, и для обозрения поднял ее несколько кверху.

— Это анахронизм, — свирепо воскликнул он. — Вот что это такое, собачий анахронизм!

Архимед, как видно, привык к этим сценам, потому что вдруг произнес урезонивающим тоном:

— Почему бы тебе не сказать ему как она называется, хозяин? Скажи: «Хочу мою шляпу волшебника», а не «Шляпу, которую я носил». Может быть, бедняга просто не в силах жить, как ты, спереду назад?

Мерлин надулся и произнес:

— Хочу мою шляпу волшебника. Немедленно на голове его утвердилась коническая шляпа.

Предгрозовая атмосфера рассеялась. Варт снова уселся на пол, а Архимед опять принялся охорашиваться, протягивая через стиснутый клюв перья на крыльях и на хвосте и добиваясь, чтобы бородки их улеглись гладко, одна к другой. На каждой бородке имелись еще сотни крошечных

крючков, или бородочек, посредством которых перья сцепляются друг с другом. Вот он их и отглаживал, чтобы легли по местам.

Мерлин сказал:

— Прошу прощения, день у меня сегодня как-то не сложился, в этом все дело.

— Так насчет Кэя, — сказал Варт. — Даже если ты не можешь ни во что его превратить, ты ведь мог бы устроить нам обоим приключение без превращений?

Мерлин видимым образом сделал усилие, чтобы сдержаться и бесстрастно обдумать этот вопрос. Он был уже сыт этой темой по горло.

— Для Кэя я не могу пользоваться никаким волшебством, — медленно вымолвил он, — кроме того, которым я сам так или иначе обладаю, — проницательностью, прозорливостью и прочим в этом роде. Ты хочешь, чтобы я ими воспользовался?

— А как ты используешь прозорливость?

— Она рассказывает мне о том, что должно, как ты бы выразился, случиться, а проницательность иногда говорит, что происходит или происходило в иных местах.

— А вот прямо сейчас ничего не происходит такого, на что нам с Кэем стоит пойти и взглянуть?

Мерлин тут же хлопнул себя по лбу и возбужденно воскликнул:

— Все понял. Конечно, происходит, и, конечно, тебе стоит на это взглянуть. Да, можешь взять Кэя, только поторопитесь. Выходите сразу после мессы. Ну да, это то, что нужно. Дойдете общинным полем до Хобовой полоски ячменя, да так и идите в этом же направлении, пока куда-нибудь не придете. Вот и будет отлично, да, а я после обеда малость вздремну, чем мараться об эти «Основания Логики». Или я уж вздремнул?

— Пока еще нет, — сказал Архимед, — это тебя еще ожидает, хозяин.

— Отлично, отлично! Но смотри, Варт, не забудь взять с собой Кэя, чтобы я мог вздремнуть.

— А что мы увидим? — спросил Варт.

— Ой, только не лезь ко мне с этими пустяками. Давай, беги, будь умницей, и главное — Кэя взять не забудь. Что же ты раньше меня не надоумил? Запомни — вдоль ячменной полоски. Так-так-так! Первый выходной, пусть даже полвыходного, с тех пор, как я связался с этим клятым учительством. Значит, сначала я вздремну перед завтраком, потом перед чаем. Потом надо будет подумать, чем занять себя до обеда. Чем я займусь перед обедом, а, Архимед?

— Малость вздремнешь, я полагаю, — холодно молвил Архимед, обращая к хозяину спину, ибо ему, как и Варту, больше всего на свете нравилось наблюдать течение жизни.

10

Варт сознавал, что, если он расскажет Кэю о разговоре с Мерлином, Кэй не соизволит участвовать в приключении и никуда с ним не пойдет. А потому он ничего ему не сказал. Странно, но драка вновь подружила их, и каждый заглядывал другому в глаза со своего рода стеснительной преданностью. Не испытывая какой бы то ни было враждебности, а один только легкий стыд, и ничего друг другу не объясняя, они вместе вышли после мессы и вскоре оказались в конце принадлежащей Хобу полоски ячменя. Варту не пришлось ничего придумывать. Здесь уже все было просто.

— Пошли, — сказал он. — Мерлин велел тебе передать, что там дальше кое-что припасено специально для тебя.

— А что именно? — спросил Кэй.

— Приключение.

— И как мы туда доберемся?

— Надо идти в направлении, которое указывает эта полоска, я думаю, в итоге мы окажемся в лесу. Нужно, чтобы солнце так и держалось слева, хотя,

конечно, придется учитывать, что оно движется.

— Ладно, — сказал Кэй. — А что за приключение?

— Не знаю.

И они прошли вдоль полоски и пошли, придерживаясь воображаемого направления, через парк и ловчее поле, озираясь по сторонам, чтобы не упустить мгновения, когда случится какое-нибудь волшебство. Нет ли чего-либо чудесного в потревоженной ими полудюжине молодых фазанов? Кэй готов был поклясться, что один из них — белый. Если бы он был белый и если бы с небес на него вдруг пал черный орел, они бы точно знали, что начинаются чудеса, и что им остается только последовать за фазаном — или орлом, — пока они не доберутся до девицы в заколдованном замке. Впрочем, фазан белым не был. На опушке леса Кэй сказал:

— Похоже, придется войти в лес? Мерлин говорил: идти в направлении полоски.

— Ну ладно, — сказал Кэй. — Я не боюсь. Раз это приключение предназначено для меня, в нем ничего дурного не будет.

Они вошли в лес и с удивлением обнаружили, что идти по нему — одно удовольствие. Лес был примерно таков, каковы и ныне большие леса,

хотя вообще-то в те времена рядовой лес походил скорее на амазонские джунгли. Лесами тогда еще не владели любители фазаньей охоты, и позаботиться о том, чтобы подлесок вовремя прореживался, было некому; не существовало в те времена и тысячной доли теперешних лесоторговцев, производящих благоразумные вырубки в немногих уцелевших лесах. По большей части Дикий Лес был почти непроходим — исполинский барьер вечных деревьев, где павшие припадали к живым, держась за них с помощью плюща, а живые, борясь друг с другом, тянулись к солнцу, дававшему им жизнь, где топкая из-за отсутствия стоков почва перемежалась с высохшей и горючей, заваленной сушняком, и можно было вдруг провалиться сквозь трухлявый древесный ствол прямиком в муравейник, либо так завязнуть в плетях ежевики, вьюнков, в зарослях жимолости, ворсянки и того, что зовут в деревне дерябкой, что приходилось потом собирать себя по кусочкам, развешанным на три ярда вокруг.

Итак, пока все шло хорошо. Линия Хоба вела их вдоль чего-то вроде череды прогалин, тенистых и ропщущих, где дикий тимьян дрожал от гудения пчел. Пора насекомых миновала свою вершину, наступило время ос и плодов, но здесь еще цвели

фритиллярии, и ванессы и красные адмиралы порхали над цветущею мятой. Варт сорвал листок и жевал его на ходу, словно резинку.

— Странно, — сказал он, — здесь оказывается люди бывают. — Гляди-ка, след от копыта, да еще и подкованного.

— Не много же ты увидел, — сказал Кэй, — вон там человек сидит.

И вправду, в конце следующей прогалины сидел, привалясь бочком к стволу сваленного дерева, человек с топором лесоруба. Странный такой человечек, махонький, горбатый, с лицом словно бы из красного дерева, в одежде из множества старых кожаных лохмотьев, стянутых на мускулистых руках и ногах обрывками веревки. Он уплетал ломоть хлеба с овечьим сыром, помогая себе ножом, превращенным многими годами заточки в узенькую полоску, и подпирая спиной одно из самых высоких деревьев, какие они когда-либо видели. Вокруг него все усыпала белая древесная щепа. И пенек казался новехоньким. Глаза у человечка были яркие, как у лисы.

— Вот это, наверное, и есть приключение, — прошептал Варт.

— Да ну уж, — сказал Кэй, — для приключения нужны рыцари в доспехах или драконы, или

еще что-нибудь похожее, а не старые чумазые дровосеки.

— Пускай, но я все же хочу расспросить его, что тут к чему.

Они подошли к жующему лесовичку, который, похоже, их не заметил, и спросили, куда ведут эти прогалины. Раза два или три они повторили вопрос и наконец убедились, что бедняга либо глух, либо не в своем уме, либо и то и другое. Он не ответил и даже не шевельнулся.

— Да ладно, пошли, — сказал Кэй. — Он, скорее всего, с придурью, вроде как Вот, и даже не понимает толком, на что глядит. Пойдем, оставь старого дурня в покое.

Они прошли еще около мили, и путь был по-прежнему легок. Тропинок здесь, в сущности, не было, и прогалины не переходили одна в другую. Всякий, случайно забредший сюда, решил бы, что тут. лишь одна поляна — та, на которой он находится, — длиной в пару сотен ярдов, да так бы и думал, пока не дошел до конца ее и не обнаружил другую, заслоненную несколькими деревьями. Время от времени им попадался пень со следами топора, но в большинстве эти пни были тщательно упрятаны в ежевике, а то и вовсе выкорчеваны. Варту подумалось, что и сами

прогалины — дело человеческих рук.

На краю одной из полян Кэй ухватил Варта за локоть и молча указал на другую ее сторону. Там мягко всходил к исполинскому явору, вытянувшемуся футов на девяносто, травянистый пригорок. На пригорке привольно разлегся столь же исполинский мужчина, а рядом с ним пес. Мужчину, как и явор, проглядеть было трудно, ибо росту в нем без башмаков было семь футов, а из одежды на нем имелось лишь подобие килта из зеленой линкольнской шерсти. Кожаная наручь покрывала левую руку от запястья до локтя. На огромной загорелой груди покоилась голова пса, — пес навострил уши и следил за мальчиками, но никаких движений не делал, — голова чуть покачивалась вверх-вниз, когда поднимались и опадали грудные мышцы. Мужчина, видимо, спал. Близ него лежал семифутовый лук и несколько стрел в портновскую мерку длиной. Как и у лесовика, отливала его кожа красным деревом, и курчавые волосы на груди золотились, прохваченные солнцем.

— Вот оно, — возбужденно шепнул Кэй.

К мужчине они подходили с осторожностью, опасаясь пса. Но пес лишь проводил их глазами, голова его так и осталась лежать на хозяйской

груди, а хвост чуть приметно дрогнул в знак приветствия, — не поднимаясь, на пару дюймов проехался по траве туда-сюда. Мужчина открыл глаза, — он, как видно, совсем и не спал, — улыбнулся мальчикам и ткнул большим пальцем в направлении дальше по прогалине. Затем улыбка пропала, и он снова закрыл глаза.

— Прошу прощения, — сказал Кэй, — что это у вас тут происходит?

Мужчина ничего не ответил, и глаз не раскрыл, но снова поднял руку и указал большим пальцем в сторону.

— Он хочет, чтобы мы шли дальше, — сказал Кэй.

— Вот уж это наверняка приключение, — сказал Варт. — Интересно, не влез ли тот глухой лесовик на дерево, которое подпирал, и не передал ли сообщения на это дерево? Он явно нас ожидал.

При этих словах голый гигант открыл один глаз и с некоторым удивлением воззрился на Варта. Затем открыл оба, рассмеялся, отчего все его большое лицо покрыли морщинки, сел, потрепал пса, подобрал лук и поднялся на ноги.

— Так-так, молодые хозяева, — сказал он, еще смеясь. — Значит, мы все-таки объявились. Верно говорят, новенький котел лучше варит.

Кэй посмотрел на него в полном изумлении.

— Вы кто? — спросил он.

— Нейлор, — сказал гигант, — Джон Нейлор — так меня звали в большом мире, покамест я не ушел в лес. Потом ненадолго стал прозываться Джон-Малыш, это уж в лесу, но наши ребята предпочитают звать меня навыворот — Маленьким Джоном.

— О! — в восторге воскликнул Варт. — Так я про вас слышал и часто, когда по вечерам рассказывали саксонские сказки, — про вас и про Робина Гуда.

— Только не Гуда, — неодобрительно молвил Маленький Джон. — Это негожее прозвание для человека, мастер, особливо в лесу.

— Но в сказках его зовут Робин Гуд, — сказал Кэй.

— А, это все книгочеи. Вечно все путают. Ну, как бы там ни было, а нам пора двигаться.

Они пристроились по сторонам от огромного мужчины, и, чтобы держаться с ним вровень, им приходилось на один его шаг делать три своих — и делать быстро, ибо хоть говорил он очень медленно, но босые ноги его шагали очень быстро. Пес трусил следом.

— А скажите, — спросил Варт, — куда вы нас

ведете?

— Так, получается, что к Робин 'уду, куда же еще? Как это вы не догадались с вашим умом, мастер Арт?

При этом гигант лукаво подмигнул краешком глаза, ибо понимал, что вдвойне озадачил мальчиков — во-первых, для них так и осталось неясным настоящее прозвание Робина, а во-вторых, — откуда Маленькому Джону знать Варта?

Варт для начала выбрал второй вопрос.

— Откуда вы знаете мое имя?

— Да уж мы знаем, — сказал Маленький Джон.

— А Робин 'уд знает, что мы придем?

— Ну нет, утеночек мой, ученый мальчуган вроде тебя должен и имя его произносить по-ученому.

— Да как же его зовут? — воскликнул мальчик, отчаявшись и задыхаясь оттого, что приходилось все время бежать. — Вы-то сказали «'уд»!

— Так ведь 'уд и есть, утеночек, так же, как зовется по-нашему лес, которым вы бежите. Это очень хорошее имя.

— Робин Вуд!

— Вестимо, Робин 'уд. Как же еще его называть, когда он-то и правит лесом? Они ведь места привольные, леса-то, добрые места. Хочешь, спи в

них, что зимою, что летом, хочешь, бей дичь для общества, если проголодался, хочешь, дыши их запахом, когда деревья выпускают хорошенькие яркие листья, одно за другим, все по порядку, или теряют старые — по тому же порядку, но только наоборот; можешь стоять, и тебя не увидят, можешь ходить, тебя не услышат, а уляжешься спать, лес согреет тебя, — да, доброе место лес, настоящее, для вольного человека с руками и с сердцем.

Кэй сказал:

— А я-то думал, что все люди Робина Вуда носят штаны и дублеты из зеленой линкольнской шерсти.

— Так это мы зимой, когда есть в том нужда, а то еще кожаные поножи надеваем, но то на лесных работах, а летом такая одежка нужна разве что на заставах — для тех, кому нечем заняться, кроме как сторожить.

— Так, значит, вы на посту стояли?

— Ну да, как и старый Мач, с которым вы говорили у сваленного дерева.

— А большое дерево, к которому мы подходим, — воскликнул торжествующий Кэй, — это, я думаю, крепость Робина Вуда!

Они приближались к царице леса.

Это была липа, огромная, как та, что растет в «Парке Мур» в Хартфордшире, — не менее сотни футов в высоту и футов семнадцать в обхвате, если обхватывать в ярде от земли. Подножие ствола ее, схожего с буковым, украшало кружево молодой поросли, а кора в тех местах, где от ствола отходили большие ветви, треснула и обесцветилась от дождевой воды и древесного сока. Пчелы жужжали среди ее липких и ярких листьев, уходящих в небо все выше и выше, и веревочная лестница терялась в кроне. Без лестницы никто бы на нее не взобрался, даже в железных крючьях.

— Верно надумали, мастер Кэй, — сказал Маленький Джон. — А вон и мастер Робин, между ее корнями.

Мальчики, внимание которых приковал дозорный, забравшийся в воронье гнездо на вершине этого качающегося и шепчущего украшения земли, сразу опустили глаза вниз и впились ими в прославленного разбойника.

Вопреки их ожиданиям, вид у него был вовсе не романтический, — во всяком случае, на первый взгляд, — хоть ростом он лишь немного уступал Маленькому Джону. Эти двое были, безусловно, единственными на свете людьми, которым ко-

гда-либо удавалось послать стрелу из большого английского лука на целую милю. Жилистый человек с телом, лишенным жира, не полуголый, как Джон, но в простом выцветшем зеленом платье и с серебряным охотничьим рогом на боку. Чисто выбритый, загорелый, мускулистый и узловатый, как древесные корни, но причиной его зрелости и узловатости были вольный воздух и поэзия, а не возраст, ибо лет ему было едва за тридцать. (Он доживет до восьмидесяти семи и будет считать причиной своего долголетия смолистый воздух сосновых лесов.) В эту минуту он лежал на спине и глядел вверх, хотя и не в небо.

Голова Робина Вуда счастливо покоилась на коленях у Мэриан. Она сидела между корнями липы в цельнокроеном зеленом камзоле с полным стрел колчаном на опояске, голорукая и голоногая. Блестящие каштановые волосы, обыкновенно заплетаемые для удобства в косы на время стряпни и охоты, привольно лились с ее головы, и волны их обрамляли его лицо. Они негромко пели на два голоса, и Мэриан щекотала Робину кончик носа прядью мягких волос.

Под свежею листвою, -

пела девица Мэриан, -

Кто рад лежать со мною,

Кто с птичьим хором в лад

Слить звонко песни рад, -

К нам просим, к нам просим, к нам просим, -

негромко подпел Робин.

В лесной тени Враги одни —

Зима, ненастье, осень.

Они счастливо рассмеялись и начали заново, поочередно выпевая строки:

Вком честолюбья нет,

Кто любит солнца свет,

Самищет, что поесть,

Доволен всем, что есть,

затем оба вместе:

К нам просим, к нам просим, к нам просим.

В лесной тени

Враги одни -

Зима, ненастье, осень.[3]

---

[3] Примечания: Note3
Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

Пенье закончилось смехом. Робин, который накручивал на загорелые пальцы тонкие шелковистые пряди, падавшие ему на лицо, резко дернул за них и вскочил на ноги.

— Привет, Джон, — сказал он, сразу заметив пришедших.

— Привет, Хозяин, — сказал Маленький Джон.

— Так, значит, привел молодых сквайров?

— Они меня привели.

— Так или этак, добро пожаловать, — сказал Робин. — Я не слышал о сэре Экторе ни одного дурного слова и не знаю причин, по которым стоило бы травить его щенят. Как поживаете, Кэй и Варт, и кто указал вам путь через лес по моим прогалинам именно в этот день?

— Робин, — перебила его женщина, — ты их не можешь принять!

— Почему же, голубка моя?

— Они же дети.

— Именно дети нам и нужны.

— Это не по-людски, — сердито сказала она и принялась собирать волосы.

Разбойник, видимо, полагал, что. разумнее с нею не спорить. Вместо этого он оборотился к мальчикам и спросил:

— Стрелять умеете?

— Будьте уверены, — сказал Варт.

— Мог бы попробовать, — сказал более сдержанный Кэй под общий смех, вызванный заверением Варта.

— Иди-ка сюда, Мэриан, дай им один из твоих луков.

Она подала ему лук и с полдюжины коротких стрел.

— А ну-ка, в чучело, — сказал Робин, передавая их Варту.

Варт огляделся и обнаружил чучело примерно в сотне шагов от себя. Он понял, что свалял дурака и весело сказал:

— Прости, Робин Вуд, но, боюсь, для меня это далековато.

— Не беда, — ответил разбойник. — Выстрели. Мне достаточно посмотреть, как ты это делаешь.

Варт наложил стрелу как только мог быстро и аккуратно, широко расставил ноги в линию с направлением, по которому хотел отправить стрелу, расправил плечи, оттянул тетиву к подбородку, смерил взглядом мишень, направил стрелу вверх примерно на двадцать градусов, прицелился на двадцать ярдов правее, потому что всегда немного отдергивал влево, и пустил стрелу. Он промахнулся, но не сильно.

— Теперь Кэй, — сказал Робин.

Кэй произвел те же движения и тоже выстрелил хорошо. Каждый держал лук верно, быстро отыскивал старшее перо и соответственно ставил стрелу, каждый натягивал лук за тетиву, — большинство мальчиков, которых этому не учили, тянут за кончик стрелы около выемки, сжимая его большим и указательным пальцами, но настоящий лучник оттягивает тетиву двумя или тремя пальцами, позволяя стреле лишь следовать за ними, — ни тот ни другой не позволяли острию стрелы отклоняться влево, пока натягивался лук, и не цепляли тетивой за левое предплечье, — две ошибки, общие для незнающих людей, — и каждый пускал стрелу без рывка.

— Хорошо, — сказал разбойник. — Эти не только на арфах играют.

— Робин, — резко произнесла Мэриан, — нельзя подвергать детей опасности. Отправь их домой, к отцу.

— Я не сделаю этого, — сказал он, — если они сами не захотят. Это их драка, в той же мере, что и моя.

— Какая драка? — спросил Кэй.

Разбойник отбросил лук, уселся, скрестив ноги, на землю и, потянув девицу Мэриан, заставил и

ее присесть рядом. Судя по его лицу, он испытывал затруднения.

— Дело касается Морганы ле Фэй, — сказал он. — А ее поступки объяснить трудновато.

— Я бы и не пыталась.

Робин сердито обернулся к возлюбленной.

— Мэриан, — сказал он, — либо нам придется прибегнуть к их помощи, либо придется оставить без помощи тех троих. Я не хотел просить мальчиков, чтобы они пришли к нам, но либо так, либо Тук достанется ей.

Варт решил, что самое время задать тактичный вопрос, а потому он вежливо кашлянул и сказал:

— Простите, а кто такая Моргана ле Фэй? Все трое ответили сразу.

— Плохой человек, — сказал Маленький Джон.

— Королева эльфов, — сказал Робин.

— Нет, — сказала Мэриан. — Она чародейка.

— Суть в том, — сказал Робин, — что толком никому не известно, кто она. По моему мнению, она из эльфов. И этого мнения, — сказал он, взглянув на жену, — я продолжаю держаться.

Кэй спросил:

— Вы хотите сказать, что она из тех существ в шляпах из колокольчиков, что целыми днями сидят на поганках?

Ему ответил взрыв смеха.

— Безусловно, нет. Таких созданий и вовсе не существует. А эта — настоящая королева да еще и из самых худших средь них.

— Если мальчикам придется в этом участвовать, — сказала Мэриан, — ты лучше объясни им все с самого начала.

Разбойник глубоко вздохнул, распрямил скрещенные ноги, и на лицо его снова вернулось затрудненное выражение.

— Ладно, — сказал он. — Будем исходить из того, что Моргана все же королева эльфов или, во всяком случае, имеет к ним отношение, и что эльфы — вовсе не те создания, про которых вам рассказывала нянька. Кое-кто говорит, что они — Древнейший Народ, живший в Англии еще до того, как сюда заявились римляне, до нас, саксов, и даже до самого Древнего Люда, и что их загнали под землю. Кое-кто говорит, что они немного похожи на людей или гномов, другие говорят, что вид у них самый обычный, а третьи, — что у них вообще нет никакого вида, а просто они принимают любые обличил, какие им в голову забредут. Как бы они ни выглядели, они владеют знанием древних гаэлов. Они в своих норах ведают такие вещи, о которых человеческий род

давно позабыл, и о большей части этих вещей лучше бы и не слышать.

— Шепотом, — со странным выражением сказала золотоволосая дама, и мальчики увидели, что маленький кружок сдвинулся потеснее.

— Так вот, — понизив голое, промолвил Робин, — главное в этих созданиях, о которых я говорю, и если позволите, я не стану снова их называть, главное то, что они лишены сердец. И не то чтобы они питали склонность ко злу, а просто если поймаешь кого-то из них и разрежешь, то сердца внутри не найдешь. И кровь у них холодная, как у рыб.

— И они повсюду, там, где беседуют люди. Мальчики оглянулись.

— Успокойтесь, — сказал Робин. — Больше рассказывать вам о них никакой нужды нет. Суть в том, что я уверен: эта Моргана — королева, ну, скажем так, Доброго Народца, и я знаю, что она иногда поселяется в замке к северу от нашего леса, называемом Замок Чэриот. Мэриан говорит, что сама-то королева не принадлежит к эльфам, что она — всего лишь волшебница, которая дружит с ними. Есть люди, которые уверяют, что она дочь герцога Кернуолла. Не это важно. Важно, что нынче утром благодаря ее чарам Древнейший из

Всех Народ захватил одного из моих слуг и одного из ваших.

— Неужели Тука? — воскликнул Маленький Джон, ничего не знавший о событиях, поскольку он был в дозоре.

Робин кивнул:

— Весть пришла с северных деревьев еще до того, как поступило твое сообщение о мальчиках.

— Бедный, бедный монах!

— Расскажи, как это случилось, — сказала Мэриан — И, может быть, стоит сначала объяснить насчет имен.

— О Благословенном Народе, — сказал Робин, — мы знаем мало, но знаем, что люди его принимают названья животных. Например, они могут называться Коровами или Козлами, или Свиньями и так далее. Поэтому, если ты кличешь одну из своих коров, всегда нужно указывать — какую именно. Иначе можешь накликать эльфа, — мне следовало сказать Малого Человечка, — носящего то же имя, и если ты вызвал его, он придет и может забрать тебя с собой.

— Похоже, случилось так, — сказала Мэриан, перенимая рассказ, — что Собачий Мальчишка из вашего замка повел собак на опушку леса, где они обыкновенно опрастываются, да приметил

там отца Тука, который болтал с живущим поблизости стариком по имени Вот…

— Простите нас, — вскричали оба мальчика, — но не тот ли это старик, что жил в нашей деревне перед тем, как спятить? Тот, что откусил Собачьему Мальчику нос, а теперь превратился в людоеда и обитает в лесу?

— Он самый, — ответил Робин, — только… бедняга, он вовсе не людоед. Кормится травой, корешками, желудями и даже мухе вреда причинить не способен. Боюсь, в ваших рассказах что-то напутано.

— Вот питается желудями, эх, ничего себе!

— А дальше, — терпеливо произнесла Мэриан, — случилось так. Они сошлись втроем, чтобы скоротать денек, и один из псов (по-моему, тот, которого звали Каваль) стал прыгать на бедного Вота, пытаясь лизнуть его в лицо. Старик испугался, а ваш Собачий Мальчишка крикнул: «Пес, ко мне!», желая остановить его. Но не указал на него пальцем. Понимаете, он должен был пальцем на него указать.

— И что было дальше?

— А то, что один из моих людей — Скателок, или Скарлетт, как его именуют в балладах, рубил неподалеку деревья, и он говорит, что они исчез-

ли, просто исчезли вместе с собакой.

— Бедный Каваль!

— Так значит, их эльфы забрали.

— Ты хочешь сказать — Мирный Народец.

— Да, извиняюсь.

— Дело все в том, что если Моргана действительно королева этих созданий и если мы желаем спасти их прежде, чем она их зачарует, — а одна из древних их королев по прозванью Цирцея превращала тех, кого ловила, в свиней, — придется искать их у нее в замке.

— Стало быть, нужно идти туда.

11

Робин улыбнулся старшему мальчику и потрепал его по спине, а Варт между тем мучился мыслью о своем псе. Затем разбойник прочистил горло и заговорил опять.

— Насчет этого ты прав, — сказал он, — но тут я должен сказать тебе самое неприятное. Беда в том, что в Замок Чэриот никто, кроме мальчика или девочки, проникнуть не может.

— Ты хочешь сказать, что туда невозможно проникнуть?

— Ты бы проникнуть смог.

— Я так понимаю, — объяснил Варт, обдумав сказанное, — что это как с единорогом.

— Верно. Единорог — животное волшебное, и поймать его может только девица. Эльфы — тоже волшебные существа, и входить в их замки могут лишь люди невинные. Потому-то они и крадут детишек из колыбелей.

С минуту Кэй и Варт просидели в молчании. Затем Кэй сказал:

— Ну что же, я готов. В конце концов, это мое приключение.

И Варт сказал:

— Я тоже готов. Каваль — мой любимый пес. Робин взглянул на Мэриан.

— Отлично, — сказал он. — Не будем тратить слов попусту, а лучше обговорим наши планы. Мне нравится, что вы решились отправиться туда, не особенно представляя, что вас там ожидает, но на самом деле все будет не так страшно, как вы думаете.

— Мы пойдем с вами, — сказала Мэриан. — Наша ватага проводит вас до замка, Ваше дело — только войти внутрь, а это уж в самом конце.

— Да, а нам тем временем, видимо, придется драться с ее грифоном.

— Так там и грифон есть?

— Есть-есть. Охраняет Замок Чэриот, злющий, как цепной пес. Мы должны миновать его по пути туда, иначе он поднимет тревогу, и вам не удастся войти. Придется поползать.

— Надо дождаться ночи.

Мальчики приятно провели первую половину дня, осваивая два лука, принадлежащих Мэриан. На этом настоял Робин. Он сказал, что стрелять из чужого лука — это то же самое, что косить траву чужой косой, — безнадежное дело. На обед они, как и все остальные, получили холодный пирог с

олениной и мед. Разбойники появились к обеду, словно из рукава фокусника. Только что никого на краю прогалины не было видно, а через миг с полдюжины разбойников уже обнаружились прямо в середине ее, — загорелые мужчины, некоторые в зеленых одеждах, беззвучно возникшие из зарослей папоротника или древесных крон. Под конец их собралось около сотни, весело жующих и смеющихся. Они превратились в изгоев не потому, что кого-то убили, и не по иной причине подобного рода. Это были саксы, воспротивившиеся захватам Утера Пендрагона и отказавшиеся принять короля-чужестранца. Их много жило среди топей и в диких лесах Англии. Они были тем же, чем были солдаты сопротивления во времена позднейших оккупации. Еду им выдавали в подобии хижины из зеленых ветвей, где стряпала Мэриан со своими помощницами.

Обычно партизаны выставляли часового следить за приходящими по деревьям вестями, а сами укладывались после полудня спать, — отчасти потому, что охотились они в основном в такое время, когда труженики в большинстве своем почивают, а отчасти и потому, что дикие звери спят после полудня, стало быть, то же довлеет и их ловцам. Однако в этот день Робин собрал

совет, на который призвал и мальчиков.

— Послушайте, — сказал он, — лучше, если вы будете знать, что мы намереваемся делать. Сотня наших людей двинется с вами к замку Королевы Морганы, разделившись на четыре отряда. Вы пойдете в отряде Мэриан. Когда мы достигнем дуба, разбитого молнией в год великой бури, до сторожевого поста грифона останется около мили. У дуба отряды встретятся, а дальше придется двигаться тихо, тише теней. Нам нужно миновать грифона, не всполошив его. Если это удастся и все пройдет хорошо, мы остановимся примерно в четырехстах ярдах от замка. Ближе нам подойти нельзя из-за железа в наконечниках наших стрел, оттуда вы пойдете одни.

— Теперь, Кэй и Варт, я должен вам объяснить, в чем тут дело с железом. Если наши друзья действительно были захвачены, э-э-э, Добрым Людом и если Королева Моргана ле Фэй действительно его королева, тогда у нас имеется одно преимущество. Из Доброго Люда никто не способен вынести близость железа. Причина тут в том, что Древнейший Народ возник в пору, когда обходились одним только кремнем, еще до того, как было открыто железо, и все их невзгоды произошли от новейших металлов. Народ, завоевавший их, вла-

дел стальными мечами (что даже лучше железа), потому-то ему и удалось загнать Древнейших под землю.

— Вот причина, по которой нам придется этой ночью держаться подальше, чтобы их не встревожить. Но вы двое, с небольшими ножами, спрятанными в кулаках, будете в безопасности, если только не позволите лезвию показаться наружу. Пара маленьких ножичков не потревожит их, пусть только лезвия будут скрыты. Все что вам нужно сделать, это пройти последнюю часть пути, держась покрепче за лезвия ножей, без помех проникнуть в замок и найти дорогу к темнице, в которой томятся пленники. Едва только пленники окажутся под защитой вашего металла, они смогут уйти с вами оттуда. Вы это поняли, Кэй и Варт?

— Да, конечно, — сказали они. — Мы это прекрасно поняли.

— И еще одно. Самое важное — это держаться за железо, а следующее по важности — ничего не есть. Всякому, кто что-нибудь съест в крепости сами знаете кого, придется остаться в ней навсегда, а потому ради всего святого ничего не ешьте внутри замка, как бы вам ни захотелось. Запомните?

— Запомним.

Покончив со штабным инструктажем, Робин отправился отдавать приказания своим людям. Он произнес перед ними длинную речь, все объяснив о грифоне, о необходимости скрытного передвижения и о том, что собираются сделать мальчики. Когда он закончил речь, выслушанную в полном молчании, произошло нечто странное. Он снова заговорил и произнес ту же самую речь слово в слово от начала и до конца. Закончив ее во второй раз, он сказал: «А теперь капитаны», и сотня мужчин разбилась на группы по двадцать человек. Они разошлись по разным концам поляны и обступили кружками Мэриан, Маленького Джона, Мача, Скарлетта и Робина. И из каждого кружка поднялось к небесам слитное гудение.

— Какого черта они там делают?

— Слушай, — ответил Варт.

Они повторяли речь, слово в слово.

Видимо, ни один из них не умел ни читать, ни писать, но слушать и запоминать они научились. Таким-то способом Робин и поддерживал связь во время ночных набегов, — зная, что каждый его человек выучил наизусть то, что известно их предводителю, — и потому-то он мог при необходимости дозволить каждому из своих людей

действовать в одиночку.

После того как люди Робина повторили данные им наставления и ни один не запнулся, воспроизводя его речь, они получили боевые стрелы, по дюжине каждый. Наконечники у этих стрел были тяжелее обычного и заточены, словно бритвы, и оперенье эти стрелы имели крупное, прямоугольное. Затем был произведен осмотр луков, и на двух-трех пришлось сменить тетиву. Затем наступило молчание.

— Ну так вперед! — весело крикнул Робин.

Он взмахнул рукой, и его люди, улыбаясь, приветственно подняли луки. Затем вздох, шелест, треск неосторожного сучка, и поляна вокруг гигантской липы оказалась такой же пустой, какой была до появления в этих местах человека.

— Пошли со мной, — сказала Мэриан, положив мальчикам руки на плечи. Пчелы жужжали в листве у них за спиной.

Шли они долго. Рукотворные прогалины, крестом сходившиеся к липе, уже через полчаса сошли на нет. После этого пришлось пробиваться через девственный лес. Это было бы не так уж и трудно, если бы можно было действительно пробиваться, но предполагалось, что они должны двигаться бесшумно. Мэриан показала им, как

пробираться бочком, там одним, тут другим, как мгновенно останавливаться, когда тебя цепляет ежевика, и терпеливо выпутываться из нее, как осмотрительно ставить ногу и переносить на нее вес, уверясь, что под нее не попало никакого сучка, как с первого взгляда отличить место, пройти через которое будет легче всего, и как поддерживать что-то вроде ритма в движении, который поможет им, несмотря на все препятствия. И хотя по обе стороны от них около сотни мужчин двигались к той же цели, слышали они только себя.

Поначалу мальчики испытывали недовольство тем, что их отдали под начало женщине. Они предпочли бы идти с Робином и думали, что оказаться в подчинении у Мэриан — это все равно как быть отданными на попечение гувернантке. Вскоре они поняли, что ошиблись. Она возражала против их участия, но теперь, когда решение было принято, относилась к ним, как к сотоварищам. А быть у нее в сотоварищах оказалось делом нелегким. Прежде всего, они бы не угнались за ней, если бы она не останавливалась, чтобы их подождать. Она обладала способностью передвигаться на четвереньках или даже ползти, подобно змее, почти с тою же скоростью, с какой им удавалось передвигаться на ногах, а кроме

того, она была искусным воином — в отличие от них. Она была настоящей подругой разбойника, если не принимать во внимание длинных волос, которые большинство разбойничьих жен предпочитало в те времена стричь коротко. Одним из советов, данных ею перед тем, как закончились все разговоры, был такой: когда стреляешь в битве, цельсь вверх. Низкая стрела ударяется оземь, пущенная повыше, может убить кого-то во второй шеренге бойцов.

— Если придется жениться, — думал Варт, вообще-то сомневавшийся в этом, — женюсь на такой вот девушке, похожей на золотую лисицу.

Мальчики того не знали, но Мэриан умела ухать в кулак по-совиному и пронзительно свистеть, притиснув язык к зубам и сунув два пальца в рот; она могла приманить к себе какую угодно птицу, изобразив ее зов, и по большей части понимала их нехитрый язык, — она, например, понимала крики синиц, предупреждающие о приближении ястреба; она дважды попадала из лука в цель, в которую Робин попадал трижды, и умела пройтись колесом. Но в настоящий момент ни одно из этих умений не требовалось.

Быстро сгущались сумерки, — опускался один из первых осенних туманов, — и в смутном лесу

перекликались друг с дружкой члены еще не распавшейся семьи неясытей: «кивик», — пищала молодежь, а старики отвечали надлежащим: «хуруу, хуруу». Крики «ту-вит, ту-вуу», коих поэты ожидают от сов, являются на самом-то деле кличем, издаваемым совершенно определенным семейством птиц. Чем труднее становилось разглядеть ежевику и иные препятствия, тем вернее мальчики угадывали их. Странно, но Варт обнаружил, что по мере того, как лес умолкает, ему удается двигаться со все большим, а не меньшим беззвучием. Вынужденный полагаться на одни только осязание и слух, он обнаружил, что с их помощью ему управляться легче и что он способен передвигаться и быстро, и тихо.

Уже близко к вечерне, или, как мы бы сказали, в исходе девятого часа, — и они отшагали по трудному лесу не меньше семи миль, — когда Мэриан тронула Кэя за плечо и указала ему в синюю тьму. Они уже видели в темноте, насколько это доступно человеческим существам, и во всяком случае лучше, чем любой из нынешних горожан, и потому различили перед собой расколотый дуб, к которому лесные навыки Мэриан вывели их после семимильного марша по непролазной чащобе. Не сговариваясь, они мгновенно решили

подобраться к нему так тихо, чтобы даже солдаты их собственной армии, возможно, уже ожидавшие здесь, не узнали об их появлении.

Но человек неподвижный всегда в преимуществе перед движущимся человеком, и едва они добрались до крайних корней, как коснулись их плеч дружеские руки, легко, словно перышки, прихлопнув по спинам, и направили туда, где можно было присесть. Корни дуба оказались густо населены. Чувство было такое, что они попали в стаю скворцов или грачей, устроившихся на ночлег. В ночной таинственности сотня мужчин дышала вокруг Варта, и звук их дыхания походил на переливистый шелест нашей собственной крови, когда мы, бывает, читаем или пишем в одинокие, ночные часы. Темное, тихое чрево ночи поглотило их окончательно.

Вскоре Варт обнаружил, что кузнечики еще выводят свои трели, тонкие, почти за пределами слуха, похожие на скрип летучей мыши. Они поскрипывали один за другим. Поскрипывали они до тех пор, пока Мэриан не скрипнула троекратно, сотой, — за себя и за мальчиков. Разбойники были в сборе, наступило время двигаться дальше.

Послышался шорох, словно бы ветер шевель-

нул последние листья девятисотлетнего дуба. Затем мягко ухнула сова, пискнула полевая мышь, гукнул кролик, лис тявкнул во тьме, гулко, словно кашлянул лев, и летучая мышь свистнула над их головами. Вновь зашелестела листва, теперь она шелестела подольше, можно было бы досчитать до ста, а затем девицу Мэриан, — это она подражала кролику, — обступил ее отряд, двадцать два человека. Варт ощутил, как мужчины по бокам от него взяли его за руки, они встали кругом и вновь заслышался стрекот кузнечиков. Стрекот шел по кругу, по направлению к Варту, и когда последний кузнечик потер одной ножкой о другую, мужчина справа от Варта сжал его руку. Варт стрекотнул. Сразу следом то же проделал мужчина слева и тоже сжал ему руку. Итак, двадцать два кузнечика из отряда девицы Мэриан были готовы к последнему скрытному переходу.

Кому-то этот переход мог бы показаться кошмаром, но Варт наслаждался им. Он упивался ночью, ощущая себя бестелесным, безмолвным, вездесущим. Он чувствовал, что может подойти к кормящей крольчихе и ухватить ее, пушистую, бьющуюся, за уши еще до того, как она почует его. Он чувствовал, что может проскочить между ног у идущих поодаль его мужчин или вытянуть у

них из ножен сверкающие кинжалы, и они пойдут дальше, ничего не заметив. Восторг ночной сокровенности, словно вино, растворился в его крови. И впрямь, он был настолько мал и молод, что мог перемещаться с тою же неприметностью, что и воины. Возраст и вес придавали им грузности при всех их лесных уменьях, его же юность и легкость наделяли его подвижностью даже в отсутствие их мастерства.

Переход, хоть и опасный, оказался нетрудным. Заросли поредели, слишком звучный папоротник редко попадался на здешней болотистой почве, так что двигаться можно было в три раза быстрее. Они шли, как во сне, не нуждаясь в водительстве совиного уханья или писка летучей мыши, и некий необходимый ритм, сообщенный им спящим лесом, держал их вблизи друг от друга. Одни из них томились страхом, другие желали отомстить за товарищей, третьи как бы лишились тел и, крадучись, двигались, будто во сне.

Прошло примерно двадцать минут, когда девица Мэриан приостановилась и указала налево.

Из мальчиков ни один не читал книги сэра Джона де Мандевилля, и потому они не знали, что размерами грифон в восемь раз превосходит льва. Ныне, повернувшись налево и вглядевшись в

безмолвный мрак ночи, они узрели очерченным на фоне неба и звезд нечто такое, в возможность чего им никогда не удалось бы поверить. То был молодой, самец грифона в первом его оперении.

Спереди — по самые плечи и передние ноги — он походил на огромного сокола. Клюв, изогнутый как персидский клинок, длинные крылья, в коих длиннее всего были маховые перья, могучие когти — вылитый сокол, но, как и отмечено Мандевиллем, размером в восемь раз больше льва. За плечами начинались изменения. Там, где обычный сокол или, скажем, орел ограничивается двенадцатью перьями своего хвоста, этот Сокол Львовидный Змееобразный отрастил себе тулово и задние ноги африканского зверя, да вдобавок еще и змеиный хвост. В двадцати четырех футах над собой мальчики увидели в таинственном свете ночной луны неподдельного грифона, уронившего сонную голову на грудь, так что зловещий клюв зарылся в грудные перья, — и зрелище это было почище, чем вид сотни кондоров сразу. Стиснув зубы и стараясь не дышать, они поспешили неприметно убраться оттуда, упрятав величавое видение жути в кунсткамеру воспоминаний.

Они, наконец, приблизились к замку, пора

было разбойникам остановиться. Их предводительница молча коснулась рук Кэя и Варта, и те пошли вперед через редеющий лес, к тлевшему за деревьями призрачному сиянию.

Они оказались на просторной вырубке или поляне и замерли, пораженные тем, что увидели. А увидели они замок, сооруженный из одной лишь еды и ни из чего иного, — только на самой высокой его башне сидела черная ворона и держала в клюве стрелу.

Древнейший Люд имел склонность к обжорству. Может быть, оттого, что ему вечно не хватало еды. Еще и в наши дни можно прочесть написанную одним из них поэму, известную как «Видение Мак Кон Глинна». В этом «Видении» имеется описание замка, построенного из разного рода снеди. Вот как это выглядит в переводе:

И узрел я озеро свежего молока
Посреди прекрасной равнины.
И узрел островерхий дом,
Крытый масляной крышей.
Косяки все сплошь из дрочены,
И крыльцо из масла и простокваши,
И кровати из роскошного сала,

И щиты из жатого сыра.
А за теми щитами виднелись люди
Из мягкого сыра, сладкого, гладкого,
Не искавшие ранить Гаэла,
Каждый с пикой из старого масла.
Огромный котел, наполненный мясом
(Я был не прочь за него приняться),
С изжелта-белой вареной капустой,
А рядом сосуд, молоком налитый.
Дом из грудинки на множестве ребер
За плетнем из рубца, — коим кланы и живы, -
И всякой еды, человеку приятной,
Казалось мне, собрано здесь в изобилии.
Из одной лишь свиной требухи состояли
Дивные замковые стропила,
А балки замка и все колонны -
Из самой отборной свинины.

В точности перед такой крепостью и стояли мальчики, испытывая изумление и тошноту. Она поднималась из молочного озера, сама по себе излучая таинственный свет — с мас-

лянистым и жирным отливом. Таково было волшебное обличье Замка Чэриот, посредством коего Древнейшие, — все же учуяв спрятанные ножи, — полагали ввести детишек в соблазн. Они полагали соблазнить их едой.

Пахло все это как бакалейная, мясная и рыбная лавки, скатанные в один ком заодно с сыроварней.

Впечатление было жуткое до невероятия, — нечто сладкое, липучее, пряное, — так что мальчики не испытывали ни малейшей потребности проглотить хотя бы кусочек. Соблазн они, впрочем, испытывали — удрать.

Нужно было, однако, спасать пленников.

Они с трудом перешли грязный подъемный мост, — из масла, в котором еще торчали клочья коровьей шкуры, — увязая в нем по лодыжки. Рубец с требухой заставил их содрогнуться. Они наставили ножи на солдат из мягкого, сладкого, гладкого сыра, и те отпрянули.

Наконец они набрели на внутренний покой, где лежала, раскинувшись на кровати из роскошного сала, сама Моргана ле Фэй.

То была толстая, безвкусно одетая женщина средних лет, черноволосая, с усиками над верхней губой, и плоть ее была человеческой плотью.

Увидев ножи, она крепко закрыла глаза и словно бы впала в транс. Возможно, когда она проживала вне этого чрезвычайно странного замка или когда она не пыталась такого рода магией возбудить чей-нибудь аппетит, ей удавалось принять вид покрасивее.

Пленники оказались привязанными к колоннам из самой отборной свинины.

— Мне очень жаль, если это железо причиняет вам боль, — сказал Кэй, — но мы пришли, чтобы спасти наших друзей.

Королева Моргана содрогнулась.

— Не прикажете ли вы вашим сырным солдатам их развязать?

Нет, не прикажет.

— Тут все дело в магии, — сказал Варт. — Как ты думаешь, не следует ли нам подойти и поцеловать ее или сделать еще что-нибудь столь же противное?

— Может, довольно будет коснуться ее железом?

— Ну, давай, попробуй.

— Нет, лучше ты.

— Пойдем вместе.

И они взялись за руки, чтобы приблизиться к Королеве. Королева начала извиваться в сале

словно слизняк. Металл причинял ей страдания.

В конце концов, как раз перед тем, как они коснулись ее, что-то вдруг хлюпнуло, шамкнуло, заурчало, — и Замок Чэриот в его наколдованном эльфами волшебном обличьи мгновенно растаял, оставив пятерых человек и собаку стоять на лесной поляне, еще слегка попахивавшей непроцеженным молоком.

— Ах, лопни мои глаза! — вымолвил отче Тук. — Лопни мои глаза, и провались я на этом месте! Вот не сносить мне башки, коли я не думал, что всем нам каюк!

— Хозяин! — сказал Собачий Мальчик. Каваль утешался тем, что оглушительно лаял, хватал их за пятки, падал на спину, норовя вилять в этой позе хвостом, и вообще вел себя совершеннейшим идиотом. Старина Вот держался за вихор на лбу.

— Ну, а теперь, — сказал Кэй, — поскольку это все же мое приключение, — давайте-ка побыстрее домой.

12

Однако же Моргана ле Фэй, хоть и не могла в ее волшебном обличьи переносить близость железа, все еще оставалась хозяйкой грифона. И в миг, когда исчез ее замок, она с помощью чар спустила этого зверя с его золотой цепи.

Разбойники, довольные успехом, не проявили должной осторожности. Они решили окольным путем обогнуть то место, где видели цепное чудовище, и шагали по темному лесу, не помышляя о какой-либо опасности.

И вот послышался шум, похожий на свисток паровоза, а в ответ ему, — перекрывая его, — голосом феникса запел серебряный рог Робина Вуда.

— Тун, тон, тавон, тон-тавон, тан-тон-тавон, тон-тан-тон-тавон, — распевал рожок. — Мут, трут, тру-ру-рут, тру-ту-ру-рут. Трут, трут. Тран, тран, тран, тран.

Робин выдувал свою охотничью музыку, и захваченные врасплох лучники развернулись навстречу нападающему грифону. Одним движением они выставили вперед левые ноги и выпустили такую тучу стрел, что показалось,

будто посыпался снег.

Варт увидел, как зверь на лету запнулся; здоровенная стрела торчала у него между лопаток. Собственная стрела мальчика ушла далеко в сторону, и он торопливо согнулся, чтобы достать из колчана другую. Он увидел, как шеренга его товарищей-лучников покачнулась, будто по условленному сигналу, — каждый из мужчин склонился за новой стрелой. Он услышал, как снова пропели луки, как зашуршали в воздухе оперенья. Он увидел, как проблеснула в лунном свете фаланга стрел. Всю свою жизнь де этой минуты он стрелял по соломенным мишеням, отвечавшим стреле «пфут!». Как часто он жаждал услышать звук, который издает это чистое и смертельное оружие, попадая в плотную плоть. Теперь он его услышал.

Но латы у грифона были толстые, словно у крокодила, и почти все стрелы, кроме наиболее точно нацеленных, соскальзывали с них. Грифон по-прежнему приближался, издавая пронзительный визг. Слева и справа начали падать люди, сметенные его хлещущим хвостом.

Варт никак не мог наложить стрелу на тетиву. Старшее перо не вставало как следует. Все вокруг внезапно замедлилось.

Он видел черную громаду тела, летевшую в блеске луны. Он почувствовал, как коготь вцепился ему в грудь. Он почувствовал, что медленно переворачивается в воздухе, придавленный сверху жестокой тяжестью. Где-то в кружащейся карусели пространства мелькнуло лицо Кэя, горящее волнением в свете звезд, а по другую сторону колеса пролетело с открытым ртом лицо кричащей девицы Мэриан. И перед тем как соскользнуть во мрак, он подумал, что этот крик обращен к нему.

Они извлекли его из-под мертвого грифона, в глазу которого обнаружили застрявшую стрелу Кэя. Грифон умер в броске.

Затем какое-то время Варту было очень больно, — пока Робин вправлял ключицу и накладывал повязку из зеленой ткани, отрезав ее от своего капюшона, — а после этого вся команда полегла спать прямо у туши грифона, ибо устали все, как собаки. Слишком поздно было, чтоб возвращаться в замок сэра Эктора или даже в разбойничий лагерь под огромным деревом. С опасностями похода было покончено, и все, что оставалось сделать этой ночью, — это разжечь костры, выставить часовых и завалиться спать кто где стоит.

Впрочем, Варт почти и не спал. Он сидел, прислонясь спиной к дереву, наблюдая, как в неровном свете костра прохаживаются взад-вперед красные часовые, прислушиваясь к тихому обмену паролями и размышляя о волнующих событиях дня. События кружились и кружились у него в голове, иногда теряя должный порядок и воспроизводясь задом наперед или кусками. Он видел последний бросок чудовища, слышал крик Мэриан: «Хороший выстрел!», прислушивался к гудению пчел, мешавшемуся со стрекотом кузнечиков, и стрелял, стрелял, сотни и тысячи раз в деревянных попугаев, обращавшихся в грифонов. Кэй и спасенный Собачий Мальчишка спали, подрагивая, с ним рядом и казались непостижимыми и чужими, как часто бывает со спящими людьми, а Каваль, лежавший у здорового плеча, время от времени облизывал его горячие щеки. Заря занималась медленно, так медленно и с такими задержками, что невозможно было определить, когда же в действительности рассвело, — дело обычное в летние месяцы.

— Ну что же, — сказал Робин, когда все проснулись и позавтракали прихваченными с собой холодной олениной и хлебом, — как ни жаль, а пора нам расстаться, Кэй. А то еще сэр Эктор

пойдет на меня походом, чтобы выручить вас. Спасибо за помощь. Могу я чем-нибудь одарить вас в знак благодарности?

— Все было чудесно, — ответил Кэй. — Просто чудесно. Можно мне взять грифона, которого я подстрелил?

— Он слишком тяжел, чтобы его тащить. Почему бы тебе не взять его голову?

— С удовольствием, — сказал Кэй, — если только кто-нибудь согласится ее отрезать. Это был мой грифон.

— А как ты собираешься поступить со старым Вотом? — спросил Варт.

— Зависит от того, чего ему хочется. Может быть, ему по нраву жить в одиночку и питаться желудями, как он уже и привык, а может быть, он пожелает присоединиться к нашей шайке, мы будем рады его принять. Как-никак из вашей деревни он убежал, и я не думаю, чтобы ему захотелось в нее возвращаться. А ты что об этом думаешь?

— Если ты собираешься сделать мне подарок, — медленно сказал Варт, — я предпочел бы получить Вота. Тебе это не покажется неправильным?

— Вообще-то, — сказал Робин — покажется. По-

моему, не следует преподносить в подарок людей, им это может не понравиться. Во всяком случае, так полагаем мы, саксы. Да и что ты намерен с ним сделать?

— Я вовсе не хочу держать его под замком или как-то еще ограничивать. Понимаешь, у нас есть наставник, и он чародей, вот я и подумал, что, может, ему удастся вернуть Воту рассудок.

— Милый мальчик, — сказал Робин. — Конечно, бери его. Прости меня за ошибку. По крайности, мы можем спросить у него, захочет ли он уйти с тобой.

После того как кто-то отправился на поиски Вота, Робин сказал:

— Ты лучше сам с ним поговори.

Привели бедного старика, ухмыляющегося, сконфуженного, уродливого и страшно грязного — и поставили его перед Робином.

— Ну, давай, — сказал Робин.

Варт толком не представлял, как ему все изложить, однако сказал:

— Послушай, Вот, ты не хотел бы пойти со мною домой, совсем ненадолго, пожалуйста?

— АнаНанаВарраБааВаа, — ответил Вот, дергая себя за вихор, ухмыляясь, кланяясь и плавно помавая руками во всех направлениях.

— Пойдешь со мной?

— ВанаНанаВанавана.

— Обед? — в отчаянии спросил Варт.

— Р! — утвердительно крикнул несчастный, и глаза его засветились в радостном предвкушении еды.

— Туда, — сказал Варт, указывая в ту сторону, где, судя по солнцу, находился замок его попечителя. — Обед. Пойдем. Я беру.

— Хозяин, — сказал Вот, вдруг вспомнив единственное слово, — слово, с которым он привык обращаться к большим людям, дарившим его пропитанием, к единственному его источнику существования.

— Что ж, — сказал Робин, — хорошее получилось приключение, жаль, что вы уходите. Надеюсь, мы с вами еще увидимся.

— Приходите в любое время, — сказала Мэриан, — как только соскучитесь. Все что вам нужно, — это идти по прогалинам. А ты, Варт, несколько дней побереги ключицу.

— Я пошлю людей проводить вас до края ловчего поля, — сказал Робин. — А там уж вам придется идти самим. Надеюсь, Собачий Мальчик сможет дотащить голову грифона.

— До свиданья, — сказал Кэй. — До свиданья, —

сказал Робин.

— До свиданья, — сказал Варт.

— До свиданья, — сказала Мэриан, улыбаясь.

— До свиданья, — вскричали разбойники разом и взмахнули луками.

И Кэй, Варт, Собачий Мальчик, Вот и Каваль вместе с их эскортом тронулись в долгий дуть домой.

Прием их ожидал сногсшибательный. Когда предыдущим днем собаки воротились без Каваля и Собачьего Мальчика, а ввечеру ни Кэй, ни Варт не вернулись домой, замок охватило смятение. С няней приключился припадок, Хоб до полуночи прорыскал в окрестностях леса, повара сожгли предназначенную для обеда ногу, а каптенармус все доспехи начистил дважды и все мечи и все пики заострил, словно бритвы, на случай набега. В конце концов кому-то пришло в голову порасспросить Мерлина, который как раз пристроился вздремнуть по третьему разу. Волшебник — ради тишины и спокойствия, потребных для его отдыха, — прибегнул к своей проницательности и в точности рассказал сэру Эктору, чем заняты мальчики, где они находятся и когда следует ждать их обратно. Он предсказал их возвращение с точностью до минуты.

А потому, когда небольшая процессия возвращавшихся из похода воинов завиднелась с подъемного моста, встречать их высыпало все население замка. В середине толпы стоял сэр Эктор, имея при себе толстую трость, каковой он предполагал отдубасить их за то, что они пересекли границу владения и причинили столько хлопот; тут же была и няня, по настоянию которой на мост вынесли флаг, поднимавшийся, когда сэр Эктор мальчиком возвращался домой на каникулы, на флаге значилось «Добро Пожаловать Домой»; немного сбоку стоял бросивший своих любимых соколов Хоб и прикрывал щитком ладони орлиные очи, желая все разглядеть первым; повара и вся кухонная обслуга лупили в кастрюли и сковородки, распевая «Ах, когда же опять он воротится вспять?» или что-то подобное, совершенно без всякого лада; громко мяукал кухонный кот; собаки, удравшие с псарни, потому что доглядеть за ними было некому, приготовлялись задрать кухонного кота; сержант на радостях так напыжился, что, похоже, мог в любую минуту взорваться, он, разумеется, начальственным тоном распорядился, чтобы все кричали «ура», как только он скажет: «Раз, два!».

— Раз, два! — крикнул сержант.

— Ура-а! — послушно закричали все прочие, включая и сэра Эктора.

— Глядите, что я добыл, — прокричал Кэй. — Я подстрелил грифона, а Варта ранило.

— Гав-гав-гав! — залаяли разом собаки и хлынули к Собачьему Мальчику, облизывая его лицо, царапая грудь, обнюхивая его сверху донизу, чтобы выяснить, что с ним случилось, и с надеждой поглядывая на голову грифона, которую Собачий Мальчик поднял повыше, чтобы они ее не сожрали.

— Господи, благослови мою душу! — воскликнул сэр Эктор.

— Увы, мой бедный воробушек, — запричитала няня, роняя флаг. — Господи-Боже, да у него вся рука примотана к грудке каким-то зеленым тряпьем!

— Подумаешь, — сказал Варт. — Ой, только не трогай меня. Больно.

— Можно я из него чучело набью? — спросил Кэй.

— Ну, будь я проклят, — сказал Хоб. — Да никак этот старикан — наш Вот, тот, что спятил, а после сбежал.

— Мои дорогие, дорогие мальчики, — сказал сэр Эктор. — До чего же я рад, что вы возвратились.

— Ах ты старый ты олух, — торжествующе воскликнула няня. — А где, интересно узнать, твоя большая дубина?

— Гм! — произнес сэр Эктор. — Как вы посмели оставить замок и причинить нам столько тревог?

— Это настоящий грифон, — сказал Кэй, понимавший, что бояться решительно нечего. — Я их дюжинами сшибал. У Варта ключица сломана. А Вота с Собачьим Мальчиком мы спасли.

— Вот что значит внушить молодежи правильные представления о стрельбе, — гордо сказал сержант.

Сэр Эктор расцеловал мальчиков и приказал представить ему грифона.

— Да-а! — воскликнул он. — Вот так чудище! Мы повесим его чучело в трапезной. Какие, говоришь, у него мерки?

— Восемьдесят два дюйма от уха до уха. Робин сказал, что это может оказаться рекордом.

— Надо позаботиться, чтобы его занесли в хроники.

— А недурной подвернулся, верно? — заметил Кэй с хорошо отрепетированным хладнокровием.

— Я отдам его в набивку сэру Роланду Уорду, — *;*

в полном восторге продолжал сэр Эктор, — и велю приделать к нему пластинку слоновой кости с надписью готическим шрифтом «ПЕРВЫЙ ГРИФОН КЭЯ» — и с датой.

— Да перестань ты, наконец, ребячиться, — прикрикнула няня. — А ну-ка, мастер Арт, ягненочек мой, немедленно марш в постель. А ты, сэр Эктор, не стыдно тебе забавляться, как полоумному, с головой этого чудища, когда бедный ребенок стоит на пороге смерти. Сержант, хватит пыжиться. Давай-ка, поворачивайся, бери лошадь да скачи в Кардал за хирургом.

Она замахнулась на сержанта передником, и сержант съежился и прыснул в сторону, словно шуганутый куренок.

— Ну говорю же тебе, все в порядке, — сказал Варт. — Подумаешь, ключицу сломал, — Робин ее прошлой ночью вправил. Она ни чуточки не болит.

— Отцепитесь от мальчика, няня, — приказал сэр Эктор, принимая сторону мужчин против женщин и желая восстановить свое верховенство, подорванное упоминанием о дубинке. — Нужно будет, Мерлин его посмотрит. А кто такой Робин?

— Робин Вуд, — вместе воскликнули мальчики.

— Никогда о таком не слышал.

— Ты называешь его Робин Гудом, — тоном превосходства пояснил Кэй, — а на самом деле он Вуд, лесной дух.

— Так-так-так, вы, значит, разбойничали вместе с этим прохвостом! Пойдемте-ка, мальчики, завтракать, там вы мне про него и расскажете.

— Мы уже позавтракали, — сказал Варт, — несколько часов назад. Можно я лучше возьму Вота и повидаюсь с Мерлином?

— Слушай, так это же тот старик, который свихнулся и потом скрылся в лесу. Его-то вы где подцепили?

— Добрый Люд захватил его вместе с Собачьим Мальчиком и Кавалем.

— Но мы подстрелили грифона, — вмешался Кэй. — Я сам его подстрелил.

— Вот я и хочу посмотреть, не сможет ли Мерлин вернуть ему разум.

— Мастер Арт, — твердо сказала няня. После отповеди сэра Эктора и до самой этой минуты она оставалась бессловесной. — Мастер Арт, ты сию же минуту пойдешь в свою комнату и ляжешь в постель. Может быть я и старая дура, это уж вам виднее, но я полсотни лет прослужила в Семье и как-нибудь знаю свой долг. Уж я-то не стану

точить здесь со всякими остолопами лясы, когда твоя рука того и гляди отвалится!

— Да, а ты, старый индюк, — добавила она, свирепо повернувшись к сэру Эктору, — смотри, пока бедный малютка не отдохнет, держи своего фокусника подальше от его комнаты, может, хоть на это сгодишься!

— Повесничать с чудищами и придурками, — продолжала победительница, уводя своего беспомощного пленника с поля брани. — Сроду о таком не слыхала!

— Пожалуйста, кто-нибудь, скажите Мерлину, пусть займется Вотом, — крикнула через плечо несчастная жертва, и голос ее затих в отдалении.

Варт проснулся в прохладной постели, чувствуя себя гораздо лучше. Старая фурия, что ухаживала за ним, плотно занавесила окна, поэтому в комнате было темно и уютно, но по золотому солнечному лучу, пересекавшему пол, он мог сказать, что время уже перевалило за полдень. Он не просто чувствовал себя лучше. Он чувствовал себя очень хорошо, до того хорошо, что оставаться в постели не было никакой возможности. Резким движением он отбросил покрывало, но тут же зашипел, потому что в плече, о котором он во сне позабыл, что-то крякнуло и заскрипело.

Тогда он с большей осторожностью соскользнул с постели и, опершись на одну руку, встал, сунул в шлепанцы босые ступни, и кое-как завернулся в ночную рубаху. Шлепая туфлями, он отправился по каменным переходам к обветшалой винтовой лестнице, — ему нужен был Мерлин.

Добравшись до классной, он обнаружил, что Кэй продолжает получать положенное им Первостатейное Образование. Видимо, Кэй писал диктант, ибо открывая дверь, Варт слышал, как Мерлин размеренным тоном выговаривает старинное правило средневековой мнемоники: «Barbara Celarent Darii Ferioque Prioris», а Кэй просит его:

— Погоди немного. У меня перо вкось пошло.

— Гляньте-ка на него, — сказал Кэй, когда они его увидели. — Ты же должен лежать в постели и помирать от гангрены или еще от чего.

— Вот и я, Мерлин, — сказал Варт. — А где Вот?

— Хорошо бы тебе постараться избегать аллитераций в обыденной речи, — ответил колдун. — Вот например, фраза: «Дорогой, дорога до города дороговата, — неудачна даже в качестве аллитеративной. И затем, сентенция твоя двусмысленна, чтобы не сказать о ней хуже. Я мог бы принять ее за загадку и ответить: „А вот где!“ или,

если бы я был Король Пеллинор: „Что-что-что, вот?“ Когда дело касается навыков разговорной речи, никакая осмотрительность не бывает излишней.

Видимо, Кэй хорошо справлялся с диктантом, и старый джентльмен пребывал в приятном расположении духа.

— Ну, ты же знаешь, что я имею в виду, — сказал Варт. — Что ты сделал с безносым стариком?

— Он его вылечил, — сказал Кэй.

— Что ж, — сказал Мерлин, — можно назвать это так, а можно и по-другому. Разумеется, когда проживешь столько лет, сколько прожил я в этом мире, да еще и задом наперед, худо-бедно, а начинаешь разбираться в болезнях. Боюсь, впрочем, что для нынешнего поколения чудеса аналитической психологии и пластической хирургии — не что иное, как закрытая книга.

— Так что ты с ним сделал?

— О, всего лишь провел сеанс психоанализа, — величественно ответил волшебник. — Да, и кроме того, пришил им обоим новые носы.

— Какие еще носы? — удивился Варт.

— Вот уж это умора полная, — сказал Кэй. — Сначала он хотел пришить одному из них нос грифона, но я его не отдал. Тогда он взял носы от

поросят, — у нас сегодня поросята на ужин, — и использовал их. Я лично думаю, что они того и гляди захрюкают.

— Операция деликатная, — сказал Мерлин, — но увенчалась успехом.

— Ну что же, — с сомнением сказал Варт, — я надеюсь, что все обойдется. А чем они потом занялись?

— Пошли на псарню. Старый Вот очень сожалел о том, что сделал с Собачьим Мальчишкой, но говорит, что не помнит, как он это сделал. Говорит, что, когда в него полетели камни, все вдруг почернело, и дальше он ничего вспомнить не может. Собачий Мальчик его простил и сказал, что ему теперь все едино. В будущем они намерены вместе работать на псарне и о прошлом больше не думать. Мальчик говорит, что старик был добр к нему, когда они томились в плену у Королевы Эльфов, и как он теперь понимает, первым делом не надо было ему самому кидаться камнями. Он говорит, что часто думал об этом, когда другие мальчишки кидались камнями в него.

— Ладно, — сказал Варт. — Я рад, что все обернулось к лучшему. Как ты думаешь, можно мне их сейчас навестить?

— Ради всего святого, — воскликнул Мерлин, —

не делай ты ничего, что разозлит твою няньку. Старуха треснула меня шваброй, когда я сегодня перед полуднем зашел повидаться с тобой, и сломала мои очки. Не мог бы ты подождать до завтра?

Назавтра Вот и Собачий Мальчик были уже лучшими друзьями. Общие переживания, — камни, летящие из толпы, и колонны из свинины, к которым их привязала Моргана ле Фэй, — соединили их и дали им пищу для воспоминаний, которыми они и делились всю остальную жизнь, лежа по ночам среди собак. К тому же поутру оба отодрали носы, коими Мерлин столь великодушно их наделил. Они объяснили это тем, что теперь им привычнее без носов, да и вообще они предпочитают жить с собаками.

13

Как ни сетовал бедный калека, а три смертельно скучных дня ему пришлось провести в своей комнате. Все эти дни он сидел один, разве что Кэй приходил, чтобы завалиться спать, и Мерлину приходилось давать ему образование сквозь замочную скважину — да и то лишь в то время, когда про няню было точно известно, что она занята стиркой.

Единственным развлечением, оставшимся мальчику, были муравьиные гнезда, — те, что помещались между стеклянными пластинками, — он принес их с собой, когда впервые привел в замок Мерлина из его лесного домишки.

— А ты не можешь, — жалостно ныл он под дверью, — во что-нибудь превратить меня, пока я здесь заперт?

— Я не могу выкрикивать заклинания через замочную скважину.

— Через что?

— ЗА-МОЧ-НУЮ-СКВА-ЖИ-НУ!

— А!

— Ты тут?

— Да.

— Что?

— Что?

— Одна только путаница от этого крика! — воскликнул Мерлин и принялся топтать свою шляпу. — Чтобы Кастор и Поллукс… нет, хватит. Да снидет Божия благодать на мое кровяное давление…

— А в муравья ты не мог бы меня превратить?

— Во что?

— В МУ-РА-ВЬЯ! Для муравьев ведь большого заклинания не нужно? Оно бы в скважину пролезло.

— Не думаю, что это разумно.

— Почему?

— Они опасны.

— Ты мог бы приглядывать за мной с помощью твоей проницательности и превратить обратно, если дела обернутся худо. Пожалуйста, преврати меня хоть во что-нибудь, а то я тут помешаюсь.

— Милый мальчик, это не наши норманнские муравьи, эти родом с берегов Африки. Они агрессивны.

— Я не знаю, что такое «агрессивны».

За дверью наступило длительное молчание.

— Ладно, — в конце концов сказал Мерлин. —

Это знание для тебя преждевременно. Хотя рано или поздно и его придется приобрести. Погоди-ка. В этой штуковине два гнезда, правильно?

— Здесь две пары пластинок.

— Возьми с полу тростнику и положи ее между двумя гнездами — на манер моста. Сделал?

— Да.

Местность, в которую он попал, походила на обширное поле, усеянное валунами, на одном из концов его виднелась сплющенная — между пластинами стекла — цитадель. Попасть в нее можно было через туннели, пробитые в камне, и над каждым из входов красовалось уведомление:

ВСЕ, ЧТО НЕ ЗАПРЕЩЕНО — ОБЯЗАТЕЛЬНО

Уведомление ему не понравилось, хоть и осталось непонятным. Про себя он подумал: надо бы немного осмотреться, прежде чем лезть вовнутрь. По непонятной причине, эти надписи поубавили в нем охоты проникнуть в крепость, они придавали грубым туннелям какой-то зловредный вид.

Размышляя о надписях, он осторожно пошевелил похожими на антенны сяжками, привыкая к новым ощущениям, и покрепче уперся ступнями в землю, как бы желая утвердиться в новом для него мире насекомых. Передними ножками он почистил сяжки, подергал за них, пригла-

дил, — вид у него был при этом совершенно как у викторианского негодяя, подкручивающего усы. Затем он зевнул, — ибо и муравьи тоже зевают, — и потянулся, совсем как человек. И сразу за этим осознал нечто, ожидавшее осознания, — а именно, что в голове у него слышен какой-то шум, причем явно членораздельный. Шум ли то был или некий сложный запах, он никак не мог разобрать, — проще всего описать это явление, сказав, что оно походило на передачу по радио. Поступала передача через сяжки.

Музыка, размеренная, словно пульс, а с нею слова — что-то вроде «Ложка-ножка-мошка-крошка» или «Мамми-мамми-мамми-мамми», или «Ты-мечты-цветы». Поначалу ему эти песни нравились, особенно про «Вновь-кровь-любовь», — пока он не обнаружил, что они не меняются. Едва закончившись, они начинались сызнова. Через час-другой его уже тошнило от них.

Кроме того, в голове у него раздавался голос — в паузах между музыкой — и по всей видимости отдавал некие приказания. «Всех двудневок перевести в западный проход», — говорил он, или: «Номеру 210397/WD заступить в суповую команду взамен выпавшего из гнезда 333105/WD». Голос был роскошный, но какой-то безликий, — словно

его очарование явилось результатом старательных упражнений, своего рода цирковым трюком. Мертвый был голос.

Мальчик, или, быть может, нам следовало бы сказать муравей, пошел прочь от крепости, едва лишь ощутил в себе способность передвигаться. Он начал исследовать каменистую пустошь, однако чувствовал себя при этом неважно, — идти в то место, откуда исходили приказы ему не хотелось, но и этот тесноватый пейзаж наводил на него тоску. Он обнаружил среди валунов неприметные тропки, извилистые, казавшиеся бесцельными, и вместе с тем, целенаправленные, ведшие к зернохранилищу, но также и куда-то еще, — а куда, он не разобрался. По одной из них он добрел до глыбы земли, под которой располагалась естественная котловина. В котловине, — опять-таки обладавшей странным выражением бессмысленной осмысленности — он обнаружил пару дохлых муравьев. Они лежали рядышком, но неряшливо, как будто некто весьма старательный притащил их сюда, по дороге забыв — зачем. По их скрюченным тельцам нельзя было угадать, рады они были умереть, или нет. они просто лежали, как два опрокинутых стула.

Пока он разглядывал трупы, по тропинке спу-

стился живой муравей, тащивший третьего покойника.

— Хай, Барбарус! — сказал он. Варт воспитанно ответил:

— Хай.

В одном отношении, хоть он и не подозревал об этом, ему повезло. Мерлин не забыл снабдить его нужным для гнезда запахом, — ибо, пахни от него каким-то иным гнездом, муравьи убили б его на месте. Если бы мисс Эдит Кавелл была муравьем, на памятнике ей было б написано: «ЗАПАХ ЕЩЕ НЕ ВСЕ».

Муравей кое-как свалил принесенный труп и принялся растаскивать двух других в разные стороны. Казалось, он не знает, куда их пристроить. Или вернее, он знал, что лежать они должны в определенном порядке, но не мог сообразить, как этого порядка добиться. Он походил на человека с чашкой чая в одной руке и бутербродом в другой, которому захотелось чиркнуть спичкой и закурить сигарету. Однако если бы человек додумался поставить чашку и положить бутерброд, — прежде чем хвататься за сигарету и спички, — этот муравей положил бы бутерброд и взял спички, потом бросил бы спички и схватился за сигареты, потом положил бы сигарету и взял бутерброд,

поставил бы чашку, взял сигарету и наконец оставил бы бутерброд в покое и взял спички. Он, видимо, склонен был полагаться для достижения цели на случайную последовательность действий. Терпения ему хватало, а вот думать он не умел. Если перетаскивать три трупа с места на место, их удается со временем уложить под глыбой в одну линию, что и составляло его обязанность.

Варт наблюдал за его суетой с удивлением, обратившимся в раздражение, а затем в неприязнь. Он испытывал желание спросить муравья, не лучше ли загодя обдумать то, что намереваешься делать, — досадливое желание человека, наблюдающего за худо исполняемой работой. Потом у него возникла потребность задать и еще кой-какие вопросы, к примеру: «Тебе нравится быть могильщиком?» или «Ты раб?», или даже «Ты счастлив?».

Самое-то удивительное было то, что задать эти вопросы он не мог. Для этого пришлось бы переложить их на муравьиный язык и передать через антенны, — между тем, он с беспомощным чувством обнаружил вдруг, что нужных ему слов попросту не существует. Не было слов ни для счастья, ни для свободы, не было слова «нравиться», как не было их и для противоположных

понятий. Он ощутил себя немым, пытающимся крикнуть: «Пожар!». Наиболее близкими по смыслу словами, какие ему удалось подобрать даже для «правильный» и «неправильный» были «дельный» и «бездельный».

Отвозившись с трупами и оставив их лежать в беспорядке, муравей снова поворотил на тропу. У себя на пути он обнаружил Варта, а потому затормозил и взмахнул, словно танк, выносными антеннами. Впрочем, он, волосатый, с безгласым и грозным шлемом вместо лица и с чем-то вроде шипов на члениках передних ног, походил скорее на рыцаря в латах верхом на укрытом бронею коне, — или даже на их комбинацию, на косматого кентавра в доспехах.

Он снова сказал:

— Хай, Барбарус!

— Хай!

— Что ты делаешь? Мальчик правдиво ответил:

— Ничего не делаю.

Несколько секунд муравей пребывал в ошеломлении, в каком пребывал бы и ты, если б Эйнштейн поделился с тобой своими последними соображениями касательно Вселенной. Затем он расправил все двенадцать колен антенны и, не

обращая внимания на Варта, заговорил прямо в небо. Он сказал:

— Квадрат пять, докладывает 105978/UDC, В квадрате пять сумасшедший муравей. Прием.

Слово «сумасшедший» он заменил словом «бездельный». Впоследствии Варт обнаружил, что в этом языке имеется лишь две характеристики: «дельный» и «бездельный», — применяемые в любых ценностных суждениях. Если сборщики обнаруживали сладкие семена, — эти семена были «дельными», если же кто-то уже успел обработать их сулемой, они становились «бездельными» семенами, и этим вопрос исчерпывался. Даже передаваемые по радио «крошки», «цветы», «мамми-мамми» и прочее полностью описывались утверждением относительно дельности оных.

Вещание на миг прервалось, и роскошный голос произнес:

— Штаб-квартира отвечает на вызов 105978/UDC. Какой у него номер? Прием.

Муравей спросил:

— Какой у тебя номер?

— Не знаю.

После того как эта новость дошла до штаб-квартиры, из нее поступило указание спросить, может

ли он объяснить причину своего отсутствия на службе. Муравей спросил — теми же словами и тем же голосом, что и радио. Варту стало не по себе, и к тому же он обозлился, — оба ощущения были ему неприятны.

— Могу, — ответил он саркастически, поскольку ясно было, что воспринять сарказм это существо неспособно. — Я упал, ударился головой и ничего больше не помню.

— Докладывает 105978/UDC. У бездельного провал в памяти по причине выпадения из гнезда. Прием.

— Штаб-квартира отвечает 105978/UDC. Номер бездельного муравья 42436/WD, выпал из гнезда этим утром, во время работы в кисельной команде.

Если он достаточно компетентен для исполнения своего долга…

— А вот это — «достаточно компетентен для исполнения своего долга» — на муравьином языке произносится без затруднений, ибо сводится к слову «дельный». Но довольно лингвистики.

— …если он достаточно компетентен для исполнения своего долга, проинструктируйте 42436/WD присоединиться к кисельной команде, освободив присланного на его место 210021/WD.

Конец передачи.

Муравей повторил сообщение.

Оказалось, что лучшего объяснения, чем выдуманное им — насчет ушиба головы — выдумать было невозможно, даже если бы захотелось, ибо эти муравьи время от времени спотыкались и падали. Они принадлежали к виду «Messor barbarus», что означает по-латыни «жнец иноземный».

— Ладно.

Могильщик, не уделяя ему больше никакого внимания, пополз по тропе за новым трупом или за чем-то еще, что следовало отволочь на помойку.

Варт двинулся в другом направлении — на соединение с кисельной командой. Он запомнил свой номер и номер рядового, которого ему предстояло сменить.

Служащие кисельной команды стояли в одном из внешних помещений крепости кружком, словно идолопоклонники. Варт встал в круг, объявив, что 210021/WD должен вернуться в главное гнездо. Вслед за этим он, как и остальные, принялся наполнять себя сладким киселем. Они производили его, скребя собранные другими зерна, пережевывая что наскребли, пока не получалось

нечто среднее между пастой и супом, после чего кисель заглатывался и попадал им в утробы. Поначалу кисель показался ему очень вкусным, так что ел он с жадностью, но через несколько секунд стал испытывать неудовлетворенность. Он никак не мог понять, в чем тут дело. Он старательно жевал и заглатывал, подражая остальным членам команды, однако все это походило на пиршество без яств или же на обед в спектакле. Было тут нечто от дурного сна, в котором поглощаешь в огромных количествах шпаклевку и никак не можешь остановиться.

Зерна лежали штабелем, и вокруг него все время суетились муравьи. Те, кто до краев набивал утробы, уходили вовнутрь крепости, заменяемые процессией пустых муравьев, шествующих оттуда. Новых муравьев в этой процессии не было, одна и та же дюжина сновала туда и сюда, и этим же самым им предстояло заниматься до скончания жизни.

Внезапно Варт осознал, что съедаемое не попадает к нему в желудок. В самом начале туда проникла малая часть, теперь же основная масса жвачки скоплялась в подобии верхнего желудка или зоба, откуда ее можно было легко изъять. А едва он присоединился к уходящему на запад

потоку муравьев, до него дошло, что предстоит отрыгнуть запасенное на каком-нибудь продуктовом складе.

Работая, члены кисельной команды беседовали друг с другом. Сначала это показалось ему хорошим знаком, и он прислушивался, чтобы побольше узнать.

— О Великий Ковчег! — говорил один. — Снова в ушах это «Мамми-мамми-мамми-мамми». По-моему, «Мамми-мамми-мамми-мамми» очень милая (дельная) песенка. Она такая первоклассная (дельная).

Другой замечал:

— По-моему, наша любимая Водительница просто чудесна, а по-твоему как? Мне сообщали, что в последней войне ее ужалили три сотни врагов, и она получила за это Крест Муравьиной Отваги.

— Какое счастье, что мы родились в гнезде «А», правда? А то бы мучились в этом ужасном «В».

— А ты слышал про 310099/WD, ужас, правда? Конечно его сразу казнили, по особому распоряжению нашей любимой Водительницы.

— О Великий Ковчег! Снова в ушах эта «Мамми-мамми-мамми-мамми». По-моему…

Варт набил утробу и потащился к гнезду, оставив их в начале нового круга. У них не было ни

новостей, ни скандалов, ничего такого, о чем можно было бы поболтать. Никакой новизны для них не существовало. Даже разговоры о казнях укладывались в формулу, изменялся лишь регистрационный номер преступника. Покончив с «мамми-мамми-мамми-мам-ми», они были вынуждены переходить к любимой Водительнице, а от нее — к презренным Барбарусам «В» и к последним казням. Причем, даже все любимое, чудесное и счастливое было «дельным», а все ужасное «бездельным».

Мальчик оказался в крепостной зале, где сотни и сотни муравьев вылизывали и кормили малюток, борясь с перепадами температуры, растаскивали личинок по разным переходам, открывали и закрывали вентиляционные проходы. В середине залы восседала довольная Водительница, откладывая яйца, прислушиваясь к сообщениям по радио, испуская распоряжения или отдавая приказы о казнях, купаясь в море обожания. (Впоследствии он узнал от Мерлина, что у разных муравьев Водительницы вступают в должность по-разному. К примеру, у вида Bothriomyrmex честолюбивая основоположница Нового Порядка вторгается в гнездо вида Tapinoma и запрыгивает прежней тиранше на спину. После чего, укрытая

запахом хозяйки, гостья без спешки отпиливает ей голову, пока не приобретет таким способом безусловных прав на руководящее положение.)

В конце концов он так и не донес свой кисель до склада. Всякий, кому припадала охота поесть, останавливал его, заставлял открыть рот и кормился оттуда. Они не обращались с ним как с отдельной личностью да, в сущности, и сами личностями не обладали. Он был бессловесным лакеем, обслуживавшим бессловесных клиентов. Даже его желудок ему не принадлежал.

Однако нам не стоит входить в дальнейшие подробности относительно муравьев — это неприятная тема. Довольно сказать, что мальчик продолжал жить среди них, подлаживаясь к их обычаям, наблюдая их и пытаясь как можно больше понять, но не имея возможности задавать вопросы. Причина была не только в том, что язык их не обзавелся словами для обсуждения тем, интересующих человека, и потому было *невозможно* спросить у них, верят ли они в Жизнь, в Свободу, в Стремление к Счастью, — но также и в том, что спрашивать что-либо было просто опасно. Любой вопрос представлялся им признаком сумасшествия. В их жизни вопросы отсутствовали: имелись только приказы. Варт ползал от

гнезда к зернам и обратно, восклицая, что песня про «мамми» очень милая, распахивая рот, чтобы срыгнуть, и пытаясь понять, что удастся.

Ближе к вечеру на камышовый мост, построенный им по указанию Мерлина, забрел муравей-разведчик. Принадлежал он к тому же самому виду, но происходил из другого гнезда. Его повстречал один из мусорщиков и тут же убил.

После доклада об этой новости радиовещание изменилось, а вернее сказать, оно изменилось, едва лишь шпионы установили, что в гнезде Иных имеются запасы зерна.

Вместо «Мамми-мамми-мамми» начали передавать «Муравия, Муравия превыше всего», а поток распоряжений стал перемежаться беседами о войне, патриотизме и экономическом положении. Роскошный голос поведал, что их обожаемое отечество окружено ордами презренных Иногнездян, — и в ответ эфирные хоры запели:

Коль кровь Иного капает с клинка
Прекрасна жизнь и радость велика.

Было также разъяснено, что Отец всех Муравьев в мудрости своей заповедал, дабы Иногнездяне были вовек в рабстве у Наших гнездян. В настоящее время у обожаемого отечества имеется только одна кормушка — возмутительное поло-

жение, каковое надлежит исправить, дабы не исчезла драгоценная раса.

Затем утверждалось, что под угрозой находится национальное достояние Наших. Их границы вот-вот будут нарушены, их домашний скот, жуков, того и гляди угонят, а их общинный желудок ссохнется от голода. Варт внимательно выслушал две таких передачи, чтобы запомнить их на будущее.

В первой доводы были расположены в следующем порядке:

А. Мы столь многочисленны, что голодаем.

Б. Поэтому нам следует всемерно увеличивать численность наших семейств, чтобы стать еще многочисленнее и голоднее.

В. Когда мы станем еще многочисленнее и голоднее, мы, очевидно, обретем право отбирать у иных народов их зерновые запасы. Помимо прочего, у нас к тому времени появится многочисленная и голодная армия.

Лишь после того как это логическое построение получило практическое применение и валовая продукция родильных приютов утроилась, — тем временем, благодаря Мерлину, оба гнезда получали кисель в количествах, покрывавших все их потребности, ибо приходится признать, .что голо-

дающим нациям, по всей видимости, никогда не удается изголодаться до такой степени, чтобы они не могли позволить себе тратить на вооружение гораздо больше всех остальных, — только после того начались лекции второй разновидности.

Выглядели они так:

А. Мы гораздо многочисленнее их, а потому имеем право на их кисель.

Б. Они гораздо многочисленнее нас, а потому норовят бесстыдно украсть наш кисель.

В. Мы — могучая раса, а потому обладаем естественным правом поработить их жалкую расу.

Г. Они — могучая раса, и вопреки естеству норовят поработить нашу безобидную расу.

Д. Мы должны напасть на них ради самообороны.

Е. Обороняя себя, они нападают на нас.

Ж. Если сегодня мы на них не нападем, они нападут на нас завтра.

З. В любом случае мы вовсе не нападаем на них. Мы несем им неисчислимые блага.

После обращений второго рода начались религиозные церемонии. Они, как установил впоследствии Варт, были унаследованы от легендарного прошлого, столь давнего, что для него и даты не подберешь, прошлого, в котором мураши

еще не додумались до коммунизма. Церемонии восходили к тем временам, когда муравьи еще не утратили сходство с людьми, и некоторые из этих церемоний производили очень сильное впечатление.

Во время одной из них исполнялся псалом, начинавшийся — с учетом языковых различий — хорошо известными словами: «Мечу подвластна земля и что наполняет ее, компасу бомбардировщика и им, что сеют бомбы с него», — и кончавшийся очень страшно: «Возлетите на воздух, врата, да поднимутся верхи ваши, и вы возлетите, двери вечныя, и войдет Царь славы! Кто сей Царь славы? Се Господь Призрачных Сил, Он — Царь славы!»

Странно, но рядовых муравьев песнопения не воодушевляли, а лекции не интересовали. И то и другое они принимали как данность. Для них это были ритуалы вроде песенок про «Мамми» или разговоров о Любимой Водительнице. Муравьи не относились к ним как к плохим или хорошим, волнующим, разумным или устрашающим. Они вообще их не воспринимали, — но находили Дельными.

Вскоре настало время и для войны. Приказы о подготовке к ней были отданы, солдаты выму-

штрованы до последней степени, на стенах гнезда появились патриотические лозунги: «Жало или Жвачка?» или «Присягаю тебе, мой Запах!», и Варт окончательно впал в отчаяние. Вечно звучащие прямо в голове голоса, от которых он не мог избавиться, невозможность уединения, ибо одни постоянно кормились прямо из его живота, а другие распевали в его мозгу, смертельная пустота, заместившая чувства, утрата всех оценок за исключением двух, всепроникающая даже не злоба, а монотонность, — все это убивало в нем неотделимое от детства радостное отношение к жизни.

Кошмарные армии уже почти сошлись для сражения, споря о воображаемой границе между двумя кусками стекла, когда Мерлин пришел Варту на помощь. Чары его вернули изнемогшего естествоиспытателя обратно в постель, которой тот не мог нарадоваться.

14

Осенью все приготовлялись к зиме. Вечерами сидели, отгоняя долгоножек от свеч и светильников. Днем выводили коров на жнивье, к сорным травам, обойденным серпом. Выгоняли свиней попастись на лесные опушки, где мальчишки обивали деревья, чтобы снабдить свиней желудями. Дела хватало каждому. Из риги слышалось ровное шлепанье цепов; по нарезанному на полоски ячменя и пшеницы общинному полю взад-вперед проплывали тяжеленные деревянные плуги, а за ними, мерно раскачиваясь, шагали сеятели с привешенными к шеям лукошками, меча семена правой рукой под левую ногу и наоборот. Другие поселяне, громыхая, везли груженные папоротником возы на шипастых колесах, и кто-нибудь из них непременно отмечал, что следует

Поболе листьев запасти, покамест лето дышит,

Чтоб можно было полежать скоту под зимней крышей.

Тем временем третьи волокли из лесу дрова для замковых очагов. Звон стоял в резком воздухе

от клиньев и колотушек.

И все были счастливы. Вообще-то саксы пребывали в рабстве у своих норманнских хозяев, — то есть ежели вы предпочитаете такой взгляд на их положение, — однако если посмотреть на него с другой стороны, они представляли собой тех же фермерских батраков, что и ныне ухитряются как-то протянуть на несколько шиллингов в неделю. Просто ни тогдашние виллане, ни теперешние батраки не голодали, когда хозяином их оказывался такой человек, как сэр Эктор. Если ни один скотовладелец никогда не почитал экономически разумным держать своих коров впроголодь, то с какой же стати рабовладелец стал бы морить голодом своих рабов? Суть в том, что даже в наши дни сельский батрак соглашается на столь малую плату лишь потому, что не хочет продавать и душу свою впридачу к рукам, — без чего он никак не обошелся бы в городе, — и такого рода свободу духа можно было обрести в деревне с самых стародавних времен. Виллане были работниками. Они жили скопом в лачугах всего об одной комнате: семьи, куры, поросята или телка, которую, вероятно, звали Пеструхой, — ужасная, нездоровая жизнь! Но вот им она нравилась. На здоровье они не жалова-

лись, свежий воздух им доставался задаром и без малейшей примеси фабричного дыма, и, что было для них самым главным, душевнейший их интерес был связан с тем, как бы поспоровистее сработать свою работу. Они знали, что сэр Эктор ими гордится. Они представляли для него даже большую ценность, чем скот, а поскольку свой скот он ценил выше чего бы то ни было, за исключением разве своих детей, этим сказано многое. Он жил и трудился вместе со своими крестьянами, пекся об их благополучии и без труда отличал доброго работника от худого. В сущности, он был вечным фермером, — одним из тех, кто, на первый взгляд, выгадывает, подряжая батраков за столько-то шиллингов в неделю, но при этом приплачивает еще полстолька за добровольную переработку, дома предоставляет задаром и задаром же снабжает своих батраков яйцами, молоком и хлебом домашней выпечки.

Конечно, в иных частях Волшебной Страны существовали злые и деспотические хозяева, — феодальные бандиты, обузданию коих и предстояло посвятить свою жизнь Королю Артуру, — но порок коренился не в феодальной системе, а в людях, ею злоупотреблявших.

Сэр Эктор бродил среди всей этой кипучей де-

ятельности с насупленным челом. Когда старая дама, посаженная за живой изгородью одной из пшеничных полосок — отпугивать голубей и грачей, вдруг с шальным воплем взвилась рядом с ним, он подскочил едва не на целый фут. Он нынче был нервный.

— А, чтоб тебя! — сказал сэр Эктор. Затем, вглядевшись как следует, добавил громким, рассерженным голосом. — Благость Господня!..

И он достал из кармана письмо и перечитал его заново.

Владелец Замка Дикого Леса был не только фермером. Он был армейским капитаном, всегда готовым организовать и возглавить оборону своих угодий от разбойничьих банд, а также спортсменом, проводившим, когда удавалось выкроить время, по целым дням в рыцарских поединках. Но и не только. Он был еще Владельцем Гончих Собак, — а вернее, владельцем оленегона и прочих гончих, — и он сам охотился со своею сворой. Увалень, Упорный, Феба, Клей, Венок, Тальбот, Люс, Люффра, Аполлон, Хвала, Вран, Гелерт, Отскок, Мальчик, Лев, Громыхало, Тоби, Алмаз и Каваль не были комнатными собачками. Они были Гончими Дикого Леса, абонементы не продаются, два дня в неделю, старший охотник

— владелец собак.

Вот что говорилось в письме, если его перевести с латыни:

Король сэру Эктору и проч.

Мы посылаем к тебе Вильяма Твайти, нашего ловчего, и подручных его для охоты в Диком Лесу с нашими кабаньими борзыми (canibusnostrisporkericis), дабы они могли затравить двух или трех вепрей. Тебе надлежит засолить взятую ими добычу и держать ее в добром виде, шкуры же, кои они тебе передадут, надлежит тебе выбелить, как укажет тебе сказанный Вильям. И мы приказываем тебе доставлять им все потребное столько времени, сколько они у тебя пробудут по нашему указанию, о расходах же и о прочем представить отчет и прочее.

Засвидетельствовано в Тауэре города Лондона 20 ноября двенадцатого года нашего царствования.

УТЕР ПЕНДРАГОН 12-го Утера.

Оно конечно, лес принадлежал Королю, равно как и права посылать в него на охоту своих собак. К тому же его величеству приходилось кормить множество голодных ртов, — при его-то дворе и армии, — и желание получить столько надлежаще засоленных вепрей, оленей, косуль и прочее,

сколько удастся, было только естественным.

Его право. Каковое право не отменяло того обстоятельства, что сэр Эктор привык считать этот лес *своим* и негодовал по поводу привлечения к охоте чужих собак, — как будто его собственные ни на что не годятся! Королю довольно было послать к нему за парой вепрей, и он бы с удовольствием сам их добыл. Он опасался, что буйные королевские слуги распугают ему всю дичь, — никогда ведь не знаешь, чего от этих городских ожидать, — и что ловчий Короля, вот этот малый, Твайти, станет глумиться над его скромным охотничьим хозяйством, расстроит его охотников, да, чего доброго, еще полезет распоряжаться к нему на псарню. По правде сказать, сэр Эктор стеснялся. И потом. Куда он, к дьяволу, денет этих королевских гончих? Это что же, ему, сэру Эктору, выгонять своих собак на улицу, чтобы устроить королевских на собственной псарне? «Благость Господня!» — повторил несчастный владетель. Право, хуже, чем десятину платить.

Сэр Эктор сунул проклятущее письмо в карман и затопал по пашне. Виллане, приглядываясь к его походке, весело переговаривались:

— Видать, хозяин снова без дела мается.

Это возмутительное проявление тирании,

вот что это такое. И хоть приходилось терпеть его каждый год, приятней оно не становилось. Затруднение с псарней он всегда решал одинаково, но меньше от этого не тревожился. Придется пригласить соседей на торжественную встречу, чтобы как можно внушительней выглядеть в глазах королевского ловчего, а значит, шли гонцов через лес к сэру Груммору и так далее. Затем придется еще как-то их всех развлекать. Король написал заблаговременно, стало быть, намерен прислать своих людей к началу охотничьего сезона. Сезон раньше 25-го декабря не начнется. Возможно, этот малый пожелает устроить один из дурацких больших послерождественских сборов — чистая показуха и бестолковщина, — сотни пеших охотников перекликаются, лезут вепрю под ноги, вытаптывают посевы и вообще превращают охоту черт те во что. И откуда ему, к дьяволу, знать в ноябре, где окажутся к Рождеству лучшие вепри? С этими кабанятами, секачами и одинцами никогда не поймешь что к чему. И потом. Гончую, которую на следующее лето собираются использовать в настоящей, требующей искусства травле, всегда под Рождество выпускают на кабана. Это самое начало ее учебы, в которой она переходит от зайцев и всякой

мелочи к своему настоящему зверю, — значит, этот малый, Твайти, приволочет сюда кучу неотесанных щенят, от которых никому ничего, кроме мороки, не будет.

— Ах, чтоб тебя! — сказал сэр Эктор и с размаху ступил в коровью лепешку.

С минуту он мрачно постоял, наблюдая, как его мальчишки пытаются изловить на ловчем поле последние листья. Пришли они сюда не за этим, да в общем-то и не верили, даже в те далекие дни, что каждый пойманный лист означает счастливый месяц в новом году. А просто когда западный ветер стал обрывать золотые лохмотья, они показались им чарующими и неуловимыми. И из чистой радости следить за ними, кричать, смеяться, чувствовать, как кружится запрокинутая голова и метаться в попытках поймать хоть одно из этих созданий, явно живых, судя по хитрости, с какой они ускользали, мальчишки, словно юные фавны, скакали на развалинах года. Плечо у Варта совсем зажило.

Единственный, размышлял сэр Эктор, от кого мог бы быть прок по части устройства королевскому ловчему настоящей охоты, — это тот парень, Робин Гуд. Хотя теперь его, вроде, зовут Робином Вудом, — не иначе как какие-то но-

вомодные фокусы. Но Вуд он там или Гуд, а уж этот-то малый знает, где отыскать пару хороших клыков. Он, небось, уже несколько месяцев, как лакомится кабанятиной, ему и сезон не сезон.

Но можно ли просить человека затравить для тебя добычу, а после не пригласить его на пирушку? А что скажет королевский ловчий да и соседи тоже, обнаружив среди гостей партизана? Не то чтобы этот Робин Вуд был дурным малым, малый он добрый и сосед хороший. Он не раз давал сэру Эктору знать, когда из-за валлийской границы выходили ватаги головорезов, и никогда ничем не досаждал ни рыцарю, ни его землепашцам. Ну добывает он время от времени немного оленины себе на прокорм, — какое кому дело? Тут, говорят, леса на сотни квадратных миль, всем хватит. От добра добра не ищут, — такой у сэра Эктора был девиз. Вот если б еще соседи с ним соглашались.

И другая забота — как за всем уследить. Одно дело пышные охоты в почти что искусственных лесах вроде Виндзорских, где охотится Король, и совсем другое — охота в Диком Лесу. А что если знаменитые гончие Его Величества взыграют да кинутся гнать единорога или еще кого? Всем известно, что единорога можно словить только использовав для приманки молодую девицу (в

котором случае он смирно кладет ей на лоно свою белую голову вместе с перламутровым рогом), так что королевские щенки могут гнаться за ним по лесу многие лиги и все равно его не догнать, и потеряться, и что тогда скажет сэр Эктор своему суверену? А тут еще этот Бет Глатисант, о котором все столько наслышаны. Имея змеиную голову, леопардово тулово, лядвии льва и оленьи голени, да притом издавая шум как бы от тридцати пар гончих псов, он уж наверное, прежде чем они его завалят, положит немало королевских щенков. От чего им одна только польза. И что скажет Король Пеллинор, если мастер Вильям Твайти прикончит его зверюгу? Потом еще есть дракончики, что живут под камнями и шипят, вроде как чайники, — опасные твари, очень. А положим, они напорются на настоящего большого дракона? Положим, они на грифона наткнутся?

Некоторое время сэр Эктор сумрачно обдумывал эту перспективу, а потом обнаружил вдруг, что настроение у него поднялось. И преотличная выйдет штука, если мастер Вильям Твайти со своими дурацкими псами повстречает Искомого Зверя, вот именно, да еще если тот их сожрет, всех до единого.

Развеселившись этим видением, он развернул-

ся на краю пахоты и зашагал домой. У изгороди, где в ожидании грачей сидела старая дама, ему повезло углядеть несколько подбиравшихся к пашне голубей раньше, чем она заметила их или его, и это дало ему счастливую возможность испустить такой вопль, что он ощутил себя более чем вознагражденным за свой подскок зрелищем ее парения в воздухе.

— Доброго вам вечера, — приветливо сказал сэр Эктор, когда старая дама оправилась достаточно, чтобы присесть перед ним в реверансе.

Эта маленькая удача настолько улучшила расположение его духа, что, проходя деревенской улицей, он окликнул приходского священника и пригласил его к обеду. Затем он забрался в башню, где помещался его особый покой, и тяжело уселся за стол, чтобы за оставшиеся до обеда два-три часа написать верноподданническое письмо Королю Утеру. Именно столько времени на него и должно было уйти с учетом вострения перьев, посыпания клякс песком, выходов на лестницу с тем, чтобы, выкликая сверху дворецкого, выяснять у него, как пишется то или это слово, и зачинов нового письма, когда прежнее принимало уж слишком неряшливый вид.

Сэр Эктор сидел в башне, и поворотившее на зи-

му солнце бросало оранжевые лучи на его лысую голову. Перо скрипело, сэр Эктор задумывался и в затруднении покусывал кончик пера, а замковый покой вкруг него заполняла тьма. В этой комнате, имевшей те же размеры, что и расположенный под нею главный замковый зал, позволительны были большие южные окна, ибо помещалась она на втором этаже. Тут имелись два очага, и пока уходило солнце, пепельные поленья обращались из серых в красные. Вокруг очагов лежало несколько любимых гончих, пофыркивая во сне, или вычесывая блох, или угрызая бараньи мослы, которые они выклянчили на кухне. В углу застыл на своем насесте накрытый клобучком сапсан — недвижный идол, грезящий о иных небесах.

Если бы ты отправился теперь осматривать башенный покой Замка Дикого Леса, ты не нашел бы в нем мебели. Но солнечный свет как и прежде вливается в него через каменные оконницы толщиною в два фута и, проходя переплеты, перенимает от них тепловатый оттенок песчаника — янтарное свечение времени. Зайдя в ближайшую лавку древностей, ты сможешь увидеть несколько прилично скопированных образчиков мебели, предположительно украшавшей ту комнату. Вероятно, там будут дубовые

сундуки и стенные шкафы с готическими филенками и странными лицами людей или ангелов — или чертей — среди трудно различимой резьбы, черной, навощенной, поеденной червями, лоснистой, — хмурые свидетели давней жизни, основательные, словно гробы. Но мебель башенного покоя была совсем не такой. И чертячьи головки и филенки в складках, как бы на ткани, на ней имелись, да только дерево было моложе столетий на шесть, семь или восемь. И потому в теплом свете заката янтарем отливали не одни лишь оконные переплеты. Немногочисленные крепкие дубовые сундуки, стоявшие в комнате (накрытые яркими коврами ради удобства сидения), были из молодого, золотистого дуба, а щечки чертей и херувимов сияли, словно умытые с мылом.

15

Была Рождественская ночь, канун Большой Охоты. Следует помнить, что дело происходило в Доброй Старой Англии, в Стране Волшебства, в ту пору, когда румяные бароны ели прямо руками, а к столу подавали павлинов с развевающимися хвостами или кабаньи головы с воткнутыми обратно клыками; когда не существовало безработных, потому что людей не хватало и некому было идти в безработные; когда по лесам стоял звон от рыцарей, молотивших друг дружку по шлемам, и единороги били в свете зимней луны серебряными копытцами, и благородное их дыхание синим дымком стояло в морозном воздухе. Это были великие и уютные чудеса. Но было в Старой Англии и еще большее чудо. Погода умела себя вести.

Весною в лугах послушно расцветали цветочки, искрилась роса, распевали птицы. В летнюю пору не менее четырех месяцев стояла прекраснейшая жара, а уж если дождило — ровно столько, сколько требовалось сельскому хозяйству, — то устраивалось как-то так, что дождь шел, пока

ты лежал в кровати. Осенью листья пламенели и бряцали под западным ветром, умеряя печаль расставания прощальной красой. Зимой же, под которую и всего-то отводилось два месяца, ровно лежали снега глубиною в три фута, — никогда не раскисая, никогда.

Ночь Рождества вступила в Замок Дикого Леса, и вокруг всего замка снег лежал, как ему и полагалось лежать. Он тяжело нависал на зубчатых стенах, словно толстая глазурь на восхитительных плюшках, благопристойно обращаясь в нескольких наиболее удобных местах в чистейшие и наидлиннейшие из возможных сосульки. Он висел округлыми комьями на ветвях лесных деревьев, делая их красивее яблонь в цвету, и временами соскальзывал с сельских кровель, — когда ему предоставлялся случай свалиться на кого-нибудь позабавнее и доставить всем удовольствие. Мальчишки лепили из него снежки, но никогда не совали внутрь камней, чтобы удар был больнее, а собаки, когда их выводили оправиться, покусывали его, катались по нему и выглядели удивленными, но довольными, если им случалось нырнуть в какой-нибудь сугроб покрупнее. Ров обратился в каток, и гром стоял по нему от скользящих костей, приспособленных

под коньки, а на его берегу всем и каждому без исключения выдавались горячие каштаны и мед, приправленный пряностями. Ухали совы. Повара выносили для птичек множество крошек. Крестьяне разгуливали в красных варежках. Еще ярче варежек краснелось лицо сэра Эктора. И всего ярче рдели по вечерам огни в домах на деревенской улице, пока завывал вдоль по улице ветер и староанглийские волки слонялись вокруг, глотая, как полагается, слюнки и порою поглядывая в замочные скважины красными глазками.

Стояла ночь Рождества и все шло положенным чередом. Вся деревня пришла отобедать в замковом зале. На обед подавали кабанью голову, и оленину, и свинину, и говядину, и барашка, и каплунов, — но не индейку, потому что этой птицы еще не придумали. Подавали также сливовый пудинг и изюм в горящем спирту, и кончики пальцев светились синим огнем, и меда было столько, сколько кому удавалось выпить. Пили здоровье сэра Эктора со «Всевозможным почтеньем, Хозяин» и с «Наилучшими поздравлениями с открытьем охоты, господа мои, дамы и многие прочие». Были тут и фигляры для волнующего драматического представленья истории, в кото-

рой Святой Георгий, и Сарацин, и уморительный Доктор совершали удивительные дела; рождественские певцы спели «Adeste Fidelis» и «О Деве пою» высокими, чистыми тенорами. После этого дети, — те, что не объелись за обедом, — принялись играть в жмурки и прочие полагающиеся игры, а молодые парни и девушки — отплясывать веселые танцы в середине зала, откуда убрали, чтобы расчистить место, столы. Старики расселись по стенам со стаканами меда в руках, радуясь, что им уже нет нужды выделывать эдакие коленца да прыжки со скачками, а объевшиеся дети присели с ними рядом да скоро и заснули, прислонив к их плечам головки. Сэр Эктор сидел за хозяйским столом с рыцарственными гостями, съехавшимися ради завтрашней охоты, улыбаясь, кивая и прикладываясь к бургундскому, или к меху с шерри, или к мальвазийскому вину.

Посидели немного, и сэр Груммор потребовал тишины. Он встал и спел под гром оваций свою старую школьную песню, хотя большую часть призабыл, так что пришлось ее прогудеть в усы. Затем принялись пихать под бока Короля Пеллинора, и тот поднялся и застенчиво спел:

В преславном Линкольншире родился я Пеллинором

И гонял Искомого Зверя целых семнадцать лет,

Покамест не повстречался (вот он сидит) с сэром Груммором,

И сэр Груммор немедля меня пригласил на обед.

С той поры (и поныне)

Я все сплю на перине,

А большей радости в жизни и нет!

— Видите ли, — объяснял покрасневший Король Пеллинор, пока он усаживался, а окружающие хлопали его по спине, — старина Груммор пригласил меня пожить у него, что? после того, как мы с ним приятно сразились, и с тех пор я предоставил моего проклятого Зверя самому себе, а если он заскучает, так пусть пойдет и повесится на стене, что?

— И правильно сделали, — отвечали ему окружающие. — Всяк за себя живет, пока может.

Затем вызван был появившийся намедни вечером Вильям Твайти, и прославленный ловчий поднялся с совершенно серьезным лицом и, уставив на сэра Эктора сумрачный взор, пропел:

Ты знаком с Вильямом Твайти,

— Весь кафтан его в грязище?

Ты знаком с Вильямом Твайти,

— Он в лесах за зверем рыщет?

Как же мне его не знать!

Мне пришлось его связать,

Чтоб хоть разик спокойно вздремнуть поутру

И не слышать ни псов его, ни «ту-ру-ру»!

— Браво! — закричал сэр Эктор. — Слыхали, а? Говорит, пришлось его связать, ну что за славный парень! Вот клянусь, я как услышал первую строчку, решил: все, начал бахвалиться. Отличные ребята эти ловчие, а? Передайте мастеру Твайти мальвазию и мои поздравления.

Мальчики, свернувшись калачиком, лежали под скамьями близ очага, Варт обнимал Каваля. Жар, крики и запах меда не нравились Кавалю, ему хотелось сбежать, но Варт крепко держал его, ему нужно было к кому-то прижаться, и Каваль оставался с ним против воли и тяжко дышал, свесив розоватый язык.

«А теперь Ральф Пасселью!» — «Добрый, старый Ральф». — «Ральф, а кто корову убил?» — «Попрошу тишины, корове уже не поможешь!»

Под эти крики поднялся на самом дальнем и скромном конце стола приятнейший старичок, как поднимался он при всякой подобной оказии уже полстолетия. Лет ему было не менее восьмидесяти пяти, он почти уж ослеп и почти что оглох, но еще мог, и желал, и рад был дрожащим тенорком исполнить все ту же самую песню, какую ко всеобщему удовольствию певал он в Диком Лесу и до того, как запеленутый сэр Эктор объявился в своей колыбельке. Расслышать его за хозяйским столом не могли, — слишком он удалился во Времени, чтобы докричаться до них через весь зал, — но каждый знал, что поет надтреснутый голосок, и каждому эта песня нравилась. А пел он вот что:

Шел по улице Король
По прозванью Старый Коль.
Глядь, за лужею девчонка
Задрала свою юбчонку,
Через лужу прыг да скок,
Так и обмер старичок:
Как увидел он лодыжку,
Враз взяла его одышка,
Чуть не помер он от срама,

Вот какие нынче дамы.

В песне было около двадцати куплетов, и в каждом Старому Колю-Королю поневоле приходилось узреть нечто такое, чего ему видеть не следовало, и в конце каждого все разражались веселыми криками, пока наконец старина Ральф, осыпанный благодарностями, не уселся со смутной улыбкой перед наполненной заново кружкой меда.

Настала пора сэру Эктору завершить праздничный вечер. Он важно поднялся и произнес следующую речь:

— Друзья, сельчане и прочие. Хоть и непривычно мне говорить на публике.,

Веселый шумок прокатился по залу при этих словах, ибо всякий признал речь, которую сэр Эктор произносил последние двадцать лет, и всякий приветствовал ее как милого брата.

— …и непривычно мне говорить на публике, — но это моя обязанность, — и могу сказать, обязанность весьма приятная — приветствовать всех и каждого на этом нашем домашнем празднестве. Прошедший год был хорош, — и тут я не боюсь, что кто-то меня оспорит, — хорош и для пастуха и для пахаря. Все мы знаем, что Пеструха из Дикого Леса вторично завоевала первый приз

на Кардальской Выставке Скота, а в новом году завоюет и кубок. Тем больше славы Дикому Лесу. Пока мы тут сегодня сидели, я обратил внимание на то, что некоторых лиц среди нас уже больше не видно, но и новые добавились к нашему семейному кругу. Это все в руце всесильного Провидения, к коему все мы испытываем чувство благодарности. Да и сами мы сотворены и отпущены бродить по миру затем, чтобы радоваться воссоединению в такой вот приятный вечер. Думаю, всем нам следует быть благодарными за блага, коими мы осыпаны. Сегодня мы принимаем у себя славного Короля Пеллинора, чьи труды по части избавления нашего леса от грозного Искомого Зверя всем нам известны. Господь да благословит Короля Пеллинора. («Слушайте, слушайте!») Среди нас также сэр Груммор Груммурсум, знаменитый спортсмен, который, я могу сказать ему это прямо в лицо, никогда не покидает седла, не свершив приличествующего Подвига. («Ура-а!») Наконец, последнее по счету, но не по чести, — нас почтил визитом наипрославленнейший среди ловчих Его Величества, мастер Вильям Твайти, который, я совершенно в этом уверен, продемонстрирует нам завтра такую охоту, что нам останется только протирать в изумленьи глаза да желать, чтобы

свора королевских гончих всегда охотилась в нашем Лесу, который все мы так любим. («Улю-лю» и несколько имитаций сигнала общего сбора.) Благодарю вас, мои дорогие друзья, за искренние приветствия в адрес этих джентльменов. Я уверен, что они примут их с той же искренностью и теплосердечием, какие звучат в этих приветствиях. А теперь мне пора закончить мои краткие замечания. Наступает Новый Год, и нам следует обратить свои взоры к задачам, которые ставит перед нами будущее. Довольно сказать, что и в следующем году нас ожидает Выставка Скота. Друзья, я могу лишь пожелать вам счастливого Рождества, и после того как отец Сайдботем прочитает за нас благодарственную молитву, мы завершим наш вечер пением Национального Гимна.

Приветственные крики, разразившиеся по завершении речи сэра Эктора, только-только и удалось приглушить разрозненным шиканьем под конец латинской молитвы викария, а затем все поднялись и верноподданнически запели, освещенные пламенем очага:

Боже, храни Короля,
Лета и дни Пендрагоновы для!

Властвуй, всевластный наш,
Вечно-прекрасный наш,
Буйно-ужасный наш,
О, Пендрагон![4]

Стихли последние ноты, праздничная толпа покинула зал. Снаружи, на деревенской улице, мерцали фонари, люди расходились по домам стайками, из страха перед бродящими под луною волками, и Замок Дикого Леса уснул, умиротворенный и темный, среди благословенных снегов.

---

[4] Примечания: Note4
Перевод С. Степанова.

16

На следующее утро Варт встал пораньше. Едва пробудившись, он сделал над собой усилие, сбросил огромную медвежью шкуру, под которой спал, и метнул свое голое тело в объятия жгучего воздуха. Одевался он торопливо, трясся, подпрыгивал, чтобы сохранить хоть немного тепла, и выпускал синие клубы с шипящим звуком, каким успокаивают лошадь. Разбив лед в тазике, он окунул туда лицо с такой гримасой, словно глотал какую-нибудь кислятину, вымолвил «А-а-ах!» и с силой растер полотенцем уязвленные щеки. Затем, ощущая себя вполне согревшимся, он скачками понесся на запасную псарню, чтобы понаблюдать за последними приготовлениями королевских охотников.

При дневном свете мастер Вильям Твайти обернулся сморщенным, изможденного вида человеком с выражением печали на лице. Всю его жизнь ему приходилось преследовать разного рода зверье, предназначенное для королевского стола, а настигнув его, еще и разделывать на полагающиеся части. В сущности, более чем напо-

ловину он был мясником. Ему надлежало знать, какие части туши следует отдать на съеденье собакам, а какие оставить своим помощникам. Да еще и разделывать тушу полагалось красиво, оставляя, скажем, от хвоста пару позвонков, чтобы огузок выглядел попривлекательнее, так что примерно столько же, сколько он себя помнил, он либо гнал оленя, либо делил его на порции.

Не очень-то ему все это нравилось. Самцы-олени и ланьи стада, вепри-одинцы, лисьи выводки, табунки косуль, компании куниц, барсучьи братства и волчьи ватаги — все это представлялось ему чем-то таким, что приходится потрошить, либо свежевать, а затем тащить домой и там варить или жарить. Вы могли беседовать с ним о костях и клыках, о ливере и подпашке, о катышах, выкиде и помете, он при таком разговоре сохранял вежливый вид — и только. Он понимал, что вы просто щеголяете этими словами, а для него они были частью его работы. Вы могли рассказывать ему о здоровенном медведе, который едва не задрал вас прошлой зимой, и он лишь смотрел бы на вас безучастными глазами. Самого его здоровенные медведи драли шестнадцать раз, у него все ноги были в беловатых рубцах, тянувшихся до самых ребер. И слушая ваш рассказ, он занимался

бы каким-нибудь подручным делом, имеющим отношение к его профессии. Только одно могло расшевелить мастера Вильяма Твайти. Зимой или летом, гнался ли он пешим или скакал на коне по следу вепря или оленя, душа его пребывала где-то еще Но стоило упомянуть при мастере Твайти о заячьей лежке и, продолжая гонку или скачку за проклятым оленем, по-видимому, ставшим его судьбой, он начинал поглядывать одним глазом через плечо, высматривая косого. Зайцы были единственным предметом, разговор о котором он охотно поддерживал. Его вечно слали то в один замок, то в другой — по всей Англии, — и когда он туда попадал, тамошние подданные короля задавали в его честь пирушку, пополняя его стакан и расспрашивая о самых знатных его охотах. Он отвечал рассеянно, все больше односложными словами. Но едва кто-нибудь поминал лопоухого, как Твайти преображался, ударял стаканом о стол и принимался рассказывать о чудесных свойствах этого изумительного зверька, уверяя, что никому не по силам распутать его следы, потому как один и тот же косой может быть сегодня самцом, а завтра самкой, пока он жирует, мечет помет и гложет деревья, чего вообще никакой иной зверь на свете делать не может.

Некоторое время Варт наблюдал за великим человеком, а потом вышел наружу, посмотреть, нет ли какой надежды на завтрак. Оказалось — есть, ибо все в замке испытывали то же самое нервное возбуждение, которое спозаранку выгнало его из постели, и даже Мерлин облачился в бриджи, несколько столетий спустя вошедшие в моду среди университетских охотников с биглями.

Охота на вепря была делом веселым. Она не имела никакого сходства с нынешним откапыванием барсуков, стрельбой из засады или лисьей гоньбой. Пожалуй, ближе всего к ней стоит охота с хорьком на кролика, — с той лишь разницей, что место хорька занимали собаки, что вепрь в отличие от кролика с легкостью мог вас прикончить и что вместо ружья приходилось носить с собой особую пику, от которой и зависела ваша жизнь. Как правило, верхами на вепря не охотились. Возможно, причина тут в том, что охота эта приходилась на два зимних месяца, в которые староанглийский снег норовил облепить комьями копыта коней, отчего скачка становилась опасной. В итоге вы, пеший и вооруженный одной только сталью, выходили на противника, намного превосходящего вас весом и к тому же способного распороть вас от пупа до

подбородка и водрузить вашу голову на зубцы своего замка. Только одно правило и имелось в охоте на вепря, а именно: Держись. Если вепрь бросался на вас, следовало упасть на одно колено и выставить в его сторону пику. Правой рукой вы упирали в землю ее ратовище, чтобы сдержать удар, а левую вытягивали как можно дальше, целя в несущегося зверя. Пика была острая, словно бритва, и имела поперечину дюймах, примерно, в восемнадцати от острия. Эта поперечина, или перекладина, не позволяла пике уходить в грудь вепря больше, чем на восемнадцать дюймов. Без нее вепрь мог бы достать охотника на другом конце пики, даже если б ему пришлось нанизаться на нее. А так его удавалось держать от себя на расстоянии, равном длине пики, засадив в него восемнадцать дюймов стали. Вот тут-то и нужно было держаться.

Весил он от двухсот до четырехсот фунтов, и в жизни у него имелась одна только цель — сновать и взбрыкивать, и мотаться из стороны в сторону, пока не удастся добраться до супостата и разодрать его на куски, а единственной целью супостата было не выпустить пику, плотно прижатую к боку в ожидании кого-нибудь, кто подоспеет на помощь и прикончит зверюгу. По-

ка охотнику удавалось удерживать свой конец оружия, коего другой сидел в кабане, он знал, что между ними по крайней мере сохраняется расстояние, равное длине пики, сколько бы вепрь ни мотал и ни кружил его по лесу. Если ты основательно все это обдумаешь, ты, может быть, поймешь, почему в день большой послерождественской вылазки все охотники замка проснулись рано и завтрак свой поглощали в несколько подавленном настроении.

— Ага, — сказал сэр Груммор, вгрызаясь в свиную отбивную, которую он держал пальцами, — как раз поспел к завтраку, а?

— Поспел, — ответил Варт.

— Утречко ясное, охотничье, — сказал сэр Груммор. — Пику-то наточил, а?

— Да, наточил, спасибо, — сказал Варт и подошел к буфету, чтобы взять себе отбивную.

— Что же вы, Пеллинор? — спросил сэр Эктор, — возьмите цыплят. Вы нынче совсем ничего не едите.

Король Пеллинор ответил:

— Да как-то не хочется, но все равно спасибо. Что-то мне сегодня неможется с утра, что?

Сэр Груммор выпростал из отбивной нос и резко осведомился:

— Нервы?

— О нет, — воскликнул Король Пеллинор. — Вовсе нет, право, что? Я, видимо, что-то такое проглотил вчера вечером, неподходящее.

— Глупости, дружище, — сказал сэр Эктор. — А ну-ка, давайте, съешьте пару цыплят, чтобы подкрепить свои силы.

Он всучил несчастному Королю двух или трех каплунов, и тот с прежалким видом присел на дальнем конце стола, пытаясь проглотить хоть несколько кусочков.

— К концу дня, осмелюсь сказать, — значительно произнес сэр Груммор, — они ему понадобятся.

— Вы полагаете?

— Уверен, — сказал сэр Груммор и подмигнул хозяину.

Варт заметил, что сэр Груммор с сэром Эктором едят с несколько преувеличенной охотой. Сам он не чувствовал себя способным справиться более чем с одной отбивной, что же до Кэя, тот в столовую залу даже не заглянул.

Покончив с завтраком и посовещавшись с мастером Твайти, охотники повлеклись к месту общего сбора. Возможно, нынешнему владельцу гончих та свора показалась бы помесной.

Ее составляли с полдюжины черно-белых аланов, походивших на борзых с головами не то бультерьеров, не то кого похуже. Эти собаки — самые подходящие для охоты на вепря — были в намордниках по причине своей свирепости. «Борзые», пару которых взяли с собой просто на всякий случай, на деле были ничем иным, как тем, что теперь называют «гончими», тогда как ищейки представляли собой помесь бладхаундов с нынешними красными сеттерами. Этих вели в ошейниках и на сворах. Браки сильно походили на биглей и шли рядом с хозяином вперевалку, как бигли и ходят, — зрелище просто очаровательное.

Вместе с собаками шли загонщики. Мерлин в его спортивных брюках разительно походил на лорда Бадена-Пауэлла, с той, разумеется, разницей, что последний не носил бороды. Сэр Эктор был облачен в «отвечающие случаю» кожаные одежды, — охота в доспехах почиталась неспортивной, — он шагал поодаль мастера Твайти с выражением, являвшим смесь важности и досады, каковое от века присуще владельцам псовой охоты. Сэр Груммор, шедший сразу за ними, отдувался и спрашивал у кого ни попадя, наточил ли тот пику. Король Пеллинор приотстал и шел

вместе с селянами, чувствуя, что чем больше народу вокруг, тем, значит, меньше опасность. Деревня вышла вся, каждая мужская душа владения, от сокольничего Хоба до старого безносого Вота, и каждый нес пику или рогатину, или сточившуюся косу, прикрученную к крепкому колу. Даже женщины помоложе, те что были еще на выданьи, и они вышли с корзинами провианта для мужчин. Получился настоящий большой послерождественский сбор.

На опушке леса к ним присоединился последний из охотников. Это был высокий, видный собой человек, одетый во все зеленое и с семифутовым луком в руках.

— Доброго утречка, мастер, — приязненно сказал он сэру Эктору.

— А, да, — ответил сэр Эктор. — Да-да, утро доброе, верно? Да, доброго утречка.

Он отвел господина в зеленом в сторонку и сказал слышным всякому громким шепотом:

— Во имя Неба, дружище, будьте поосторожней. Это ловчий самого Короля, а вон те двое — Король Пеллинор и сэр Груммор. Так что, дружище, будьте умницей, не говорите ничего такого, ну знаете, спорного, хорошо? Будьте умницей, старина.

— Разумеется не скажу, — успокоил его человек

в зеленом, — но, думаю, вам все же лучше нас познакомить.

Изрядно покраснев, сэр Эктор позвал:

— Послушайте, Груммор, будьте добры, подойдите сюда на минутку. Я вас хочу познакомить со старым приятелем, — мой приятель, его зовут Вуд, старинный приятель, — Вуд, на В, понимаете, не на Г. Да, а вот это Король Пеллинор.

— Рад, — сказал Король Пеллинор, так и не избавившийся от этой привычки, посещавшей его в минуты нервозности.

— Как поживаете? — сказал сэр Груммор. — Робин Гуду вы, я полагаю, не родственник?

— О нет, ни в малой мере, — вмешался сэр Эктор. — ВЭ-У-ДЭ, понимаете, «древесина», — ну вот, из чего мебель делают — мебель, знаете ли, там, пики и… ну… в общем пики, и эту, мебель.

— Как поживаете? — сказал Робин.

— Рад, — ответил Король Пеллинор.

— Да, — сказал сэр Груммор, — занятно, что вы оба носите зеленое.

— Да, занятно, правда? — подхватил обеспокоенный сэр Эктор. — Он-то носит зеленое в знак траура по своей тетке, она, знаете, упала с дерева и умерла.

— О, прошу прощения, — сказал сэр Груммор,

огорченный тем, что затронул столь чувствительный предмет — и все закончилось наилучшим образом.

— Ну, мистер Вуд, — сказал сэр Эктор, когда ему удалось прийти в себя, — а теперь, — где наше первое логово?

Едва был задан этот вопрос, в разговор включился мастер Твайти, и состоялась краткая дружеская беседа, уснащенная разного рода специальными терминами, как-то «выкид» и прочее. За ней последовал долгий переход по зимнему лесу, а затем началось веселье.

Варт расстался с паническим чувством, сжимавшим его желудок, в ту самую минуту, как отправился в путь. Движение и поземка оживили его, и теперь глаза у него сверкали почти так же ярко, как ледяные кристаллы под белым солнцем зимы, а кровь бежала по жилам, подгоняемая охотничьим возбуждением. Посматривая на выжлятника, ведшего на своре двух бладхаундов, он заметил, как напрягаются псы по мере приближения к кабаньему логову. Он увидел, как различные собаки одна за одной, — кончая борзыми, которые охотятся не по запаху, — впадают в беспокойство и принимаются повизгивать от нетерпения. Он заметил, как Робин, приостано-

вившись, подобрал несколько выкидов и передал их мастеру Твайти, и тогда вся процессия остановилась. Эти места были уже опасны.

До некоторой степени охота на вепря имела сходство с охотой на лисят, — а именно в той, что и вепрю нужно не дать удрать. Но главным в этой охоте было — убить его как можно быстрее. Варт занял свое место в цепи охотников, обложивших логово чудища, и опустился в снег на одно колено, уперев конец пики в землю и изготовясь к любым неожиданностям. Он почувствовал, как примолкли охотники и увидел, что мастер Твайти молча махнул выжлятнику — спускай. Две гончих немедленно рванулись к убежищу кабана. Неслись они молча.

Потянулись долгие пять минут, в течение которых ничего не происходило. Сердца окруживших логово гулко стучали, и в согласии с ними на каждой шее трепетала маленькая вена. Каждый вертел головой, как бы желая увериться, что соседи его на месте, и дыхание жизни мирно уплывало белым парком вместе с северным ветром, и каждый вдруг ощутил, насколько прекрасна жизнь, которой, если дела обернутся плохо, вонючие клыки могут в несколько секунд лишить кого-то из них.

Вепрь не выдает своего бешенства воем. Ни рева, ни лая гончих от логова не доносилось. Лишь в сотне примерно ярдов от Варта, на краю поляны, возникло вдруг черное существо. Оно и на вепря-то не походило — во всяком случае в те несколько секунд, что оно там простояло. Слишком быстро оно появилось, чтобы обнаружить сходство с кем бы то ни было. И прежде чем Варт понял, кто это, зверь бросился на сэра Груммора.

Черная туша неслась по белому снегу, взметая маленькие облачка. Сэр Груммор — тоже черный на белом фоне — перекувыркнулся в воздухе, вздыбив облако покрупнее. Северный ветер ясно донес что-то похожее на всхрап (но ни малейшего звука падения), и вепрь исчез. Когда он исчез, но не раньше, Варт осознал, что теперь многое знает о нем, — много такого, чего он не имел времени заметить, пока вепрь был рядом. Он запомнил узкую щетинистую гриву, торчком стоявшую на остром хребте, промельк мерзейших клыков, выпяченные ребра и красное пламя свинячих глазок.

Сэр Груммор встал, стряхнул с себя, невредимого, снег и обругал свою пику. Несколько капель вспененной крови виднелись на белой земле. Мастер Твайти приложил к губам рог. Спустили

аланов, и волнующие звуки гона зазвенели по лесу, и все вокруг сразу пришло в движение. Гончим, которые подняли вепря, — именно этим словом следует обозначать выживание зверя из логова, — позволили гнать его, чтобы они как следует раззадорились. Заливались браки. С лаем понеслись по сугробам аланы. Все побежали, крича на бегу.

— Пошел, пошел! — вопили загонщики. — Shahou, shahou! Авант, сэр, авант!

— Пиль, пиль! — встревожено кричал мастер Твайти. — Джентльмены, будьте добры, уступите дорогу собакам.

— Вот так так! — кричал Король Пеллинор. — Кто-нибудь видел, куда он делся? Что за денек! Sa ca cy avaunt, cy sa avaunt, sa cy avaunt!

— Держитесь, Пеллинор! — кричал сэр Эктор. — Собак берегитесь, собак! Самому вам его не заметить! II est hault! II est hault!

И «Тиль-ес-хо!» — отзывались загонщики, «Так легко», — пели деревья, «Далеко», — бормотали вдали сугробы, и с тяжелых ветвей, потревоженных сотрясением воздуха, на укутанную землю безмолвно соскальзывали клубы сверкающей пыли.

Варт обнаружил, что бежит рядом с мастером

Твайти.

Отчасти это походило на бег по пересеченной местности с той лишь разницей, что бежать приходилось по лесу, где иногда и с места-то стронуться трудно. Все зависело от собачьей музыки и различных сигналов, выдуваемых ловчим с тем, чтобы сообщить, где он и что поделывает. Без них вся охота растерялась бы ровно за две минуты, да и с ними примерно половина людей заблудилась за три.

Варт прилип к Твайти, словно репей. Несмотря на многолетний опыт ловчего, Варт не отставал от него, потому что малые размеры Варта позволяли ему с большей легкостью преодолевать препятствия, а кроме того его многому научила девица Мэриан. Робин тоже держался вровень с ними, а вот кряхтение сэра Эктора и блеяние Короля Пеллинора скоро затихли вдали. Сэр Груммор сдался быстро, — вепрь основательно перешиб ему дыхание, — так что сэр Груммор остался далеко позади, объявив, что пика у него затупилась. С ним, чтобы не потеряться, остался и Кэй. Загонщики, запутавшись в сигналах горна, давно уже разбрелись кто куда. Мерлин порвал свои бриджи и остановился, чтобы заштопать их при помощи магии. Сержант до того переполнил

воздухом грудь, крича «Ату!» и объясняя всем и каждому, в какую сторону надо бежать, что полностью утратил ориентацию и вел теперь в неправильном направлении толпу несчастных селян — по-индейски, гуськом, бегом марш! колени выше! И Хоб все еще бежал.

— Пиль, пиль, — задыхался ловчий, обращаясь к Варту, словно тот был гончей. — Не так быстро, мастер, они потеряли след.

Пока он выговаривал это, Варт заметил, что собачий лай стал слабее и жалобней.

— Стоп, — сказал Робин, — иначе мы о него споткнемся.

— Пиль, пиль! — во весь голос закричал мастер Твайти, — Назад, здесь его яма, яма! — Он перебросил перевязь на грудь, поднял рог к губам и затрубил сигнал общего сбора.

Ответом ему было одинокое тявканье одной из гончих.

— Назад! — крикнул ловчий.

В голосе гончей появилась уверенная нотка, тявканье прервалось и тут же выросло до громкого лая.

— Назад! Ко мне, ами! Слушай Бомона отважного! Все ко мне, все!

Голос гончей покрыли звонкие тенора браков.

Шум разросся до взволнованного крещендо, когда более слабые ноты покрыл кровожадный рев аланов.

— Накрыли, — кратко сказал Твайти, и трое людей опять побежали, и ловчий трубил на ходу ободрительное «тру-ру-ру».

Загнанный вепрь угрюмо стоял в редком подлеске. Зад его прикрывало сваленное бурей дерево, так что позиция была неприступна. Он стоял в обороне, поваркивал, чуть приподняв верхнюю губу. Кровь от удара сэра Груммора жирно сочилась из-под щетины на плече, стекая к ногам; с рыла на обагренный снег капала пена, и снег таял. Глазки вепря метались из стороны в сторону. Гончие стояли кружком, лая ему прямо в морду, а у ног его со сломанным хребтом извивался Бомон, Вепрь не обращал внимания на еще живую собаку, уже не способную ему повредить. Он был черен, распален, окровавлен.

— Ну, вперед, — произнес ловчий.

Он двинулся на кабана, выставив перед собою пику, и ободренные хозяином гончие тоже стали шаг за шагом подвигаться к нему.

Внезапно вся сцена переменилась с такой быстротой, словно рухнул карточный домик. Вепрь уже не оборонялся, он летел на мастера Твайти.

И как только он ринулся, аланы облепили его, свирепо вцепившись кто в плечо, кто в глотку, кто в ногу, так что на ловчего несся уже не вепрь, а звериный клубок. Твайти не решился ударить пикой, опасаясь поранить собак. Клубок близился неудержимо — так, словно собаки и вовсе не мешали движению. Твайти начал оборачивать пику, чтобы ударить тупым концом, но не успел, и груда грызущихся тел обрушилась на него. Он отпрыгнул, но зацепился за корень, и исчез под грудой. Варт прыгал вокруг, в отчаянии размахивая пикой, но ткнуть ею было решительно некуда. Робин же одним движением отбросил пику, вытянул меч, вступил в рычащую свалку и спокойно поднял за ногу вверх одного из аланов. Тот и не подумал разомкнуть челюстей, но место, прежде занятое его телом, освободилось. Туда-то и опустился меч — медленно — раз, другой, третий. Громоздкое сооружение качнулось, выправилось, снова качнулось и тяжело завалилось на левую сторону. Охота закончилась.

Мастер Твайти медленно вытянул из-под вепря ногу, встал, взялся правой рукой за колено, испытующе покачал его туда-сюда, сам себе кивнул и захромал к Бомону. Он опустился возле пса на колени и перенес на них собачью голову. Он

гладил ее и говорил:

— Слушай Бомона отважного. Тише, Бомон, топ amy. Oyez a Beaumont отважный. Ходу, ходу, 1a douce Beaumont.

Бомон лизнул его руку, но хвостом шевельнуть не смог. Ловчий кивнул подошедшему сзади Робину и задержал своим взглядом собачий.

— Хороший пес, Бомон отважный, — говорил он, — теперь усни, Бомон, старый друг, старый хороший пес. — И меч Робина увел Бомона из этого мира туда, где он на свободе будет гнать зверье вместе с Орионом и кувыркаться средь звезд.

Несколько мгновений Варту трудно было смотреть на мастера Твайти. Странный, морщинистый человек, ничего не сказав, поднялся и арапником привычно отогнал собак от кабаньей туши. Затем, прижав к губам рог, он выдул четыре долгих и ровных ноты — известье о смерти преследуемого зверя. Но у него имелась своя причина сыграть эти ноты, и Варт вдруг испугался, ибо ему показалось, что мастер плачет.

Прошло время, и сигнал собрал всех, кто отстал. Хоб появился сразу, а следом пришел и сэр Эктор, сбивая пикой снег с кустов, важно пыхтя и восклицая:

— Отлично проделано, Твайти. Восхититель-

ный гон, весьма. Истинный образец псовой охоты, вот как я бы сказал. Сколько в нем весу?

Понемногу стайками сходились и остальные. Прибежал с криком: «Ату его, ату!» Король Пеллинор, не ведающий, что охота закончилась. Узнав же об этом он остановился, жалостно произнес: «Ату его, что?» и погрузился в молчание. Под самый конец объявился даже отряд индейцев, ведомый сержантом все так же бегом (и выше колени!), — отряд встал на краю поляны, и сержант с немалым удовлетворением объявил ему, что кабы не он, все бы они заблудились. Пришел и Мерлин, придерживая свои беговые брюки, — магия не сработала. Притопал вместе с Кэем сэр Груммор, уверяя, что это был лучший удар, какой он когда-либо видел, хоть он его и не видел, а вслед за тем настало время «разделки» туши, что и было произведено с немалой сноровкой.

По этому поводу случилось всем позабавиться. Король Пеллинор, который, по правде сказать, был весь день не в своей тарелке, впал в роковую ошибку, спросив, когда собаки получат свою «дачу». Прежде всего, как всем хорошо известно, «дачей» называются внутренности — кишки и так далее, — каковые гончим подносят в награду на шкуре добытого зверя (sur le quir), а убитого

вепря, что также ведомо всякому, не свежуют. Его потрошат, не сдирая шкуры, поскольку же шкуры нет, нету и «дачи». Все мы знаем, что в этом случае вознаграждением для собак является «хлебово», то есть сваренная на костре мешанина из требухи и хлеба, так что бедный Король Пеллинор, разумеется, выбрал неверное слово.

А посему Короля Пеллинора под громкое «ура» пригнули к туше, и сэр Эктор смачно шлепнул протестующего монарха мечом по спине. После чего Король сказал:

— По-моему, все вы отъявленные мерзавцы, — и, что-то бормоча, удалился в глубь леса.

Вепря разделали, собак наградили, и загонщики, стоя кружками и беседуя (сесть на снег они не могли, потому что тогда бы намокли), съели провизию, принесенную девушками в корзинках. Пробили небольшой бочонок вина, прихваченный предусмотрительным сэром Эктором, и все как следует выпили. Ноги вепря связали, просунули между ними кол, двое мужчин взвалили его на плечи. Вильям Твайти отошел в сторонку и со всем вежеством протрубил отбой.

Именно в этот миг вернулся Король Пеллинор. Еще до того как его стало видно, все услыхали, как он ломает кусты и взывает: «Скорее, скорее!

Сюда! Случилось самое страшное!» Он театрально возник на краю поляны именно в ту минуту, когда потревоженная ветка, чье бремя оказалось слишком тяжелым, обрушила ему на голову что-то около центнера снега. Но Король Пеллинор этого даже и не заметил. Он выкарабкался из сугроба, не обратив на него никакого внимания, и воззвал:

— Скорее, скорее!

— Что такое, Пеллинор? — прокричал сэр Эктор.

— Ох, скорее сюда, — крикнул Король и, помраченно поворотясь, снова исчез в лесу.

— Как по-вашему, — поинтересовался сэр Эктор, — с ним все в порядке?

— Возбудимая натура, — сказал сэр Груммор, — весьма.

— Пойдемте-ка поглядим, что он там делает.

И вся процессия неторопливо двинулась в сторону Короля Пеллинора, повторяя по свежим следам в снегу его беспорядочные метания.

Их ожидало зрелище, к которому они не были готовы. В мертвых кустах можжевельника сидел Король Пеллинор, и по лицу его потоком струились слезы. А на коленях его покоилась огромная змеиная голова, и он ее гладил. По другую сторону

головы тянулось долгое, тощее, желтое, покрытое пятнами тело. Завершалось оно подобием львиных лап с оленьими голенями.

— Ну что ты, ну что? — говорил Король Пеллинор. — Я же не думал навсегда тебя бросить. Мне хотелось хоть немного поспать на перине, вот и все. Я бы вернулся, правда, обязательно бы вернулся. Ох, ну не умирай же, Зверюга, что ж ты меня совсем без катышей оставишь?

Увидевши сэра Эктора, Король принялся командовать. Отчаяние придало ему властности.

— Ну же, сэр Эктор, — воскликнул он, — что ж вы стоите, как дурачок? Немедля тащите сюда ваш бочонок с вином.

Притащили бочонок и, не скупясь, налили Искомому Зверю вина.

— Несчастное создание, — разгневанно говорил Король Пеллинор. — Оно зачахло, просто зачахло оттого, что никто не проявлял к нему интереса. Как я мог столько времени оставаться у сэра Груммора и ни разу не вспомнить о моей доброй, старой Зверушке — ума не приложу! Вы только посмотрите на ее ребра, посмотрите. Словно обручи на бочке. Лежит в снегу, одна-одинешенька, утратив всякую волю к жизни. Давай-ка, Зверь, поднимись, попробуй сделать еще глоточек. Это

тебе поможет.

— Развалился на перине, — добавил безжалостный монарх, испепеляя взглядом сэра Груммора, — как, как деточка малая!

— Но как же вы — как же вы его отыскали? — запинаясь, спросил сэр Эктор.

— Случайно наткнулся. Вам надо спасибо сказать, хоть и не за что. Носятся тут, как орава придурков, и лупят друг друга мечами по спинам. Случайно наткнулся вот здесь, прямо в кустах. Лежит, — спина, бедная, вся в снегу, в глазах слезы, и в целом свете никому до нее нет дела. Вот что значит неправильный образ жизни. То ли дело прежде! Вставали мы с ней в одно время, всегда в один чае выходили на охоту, а в половине одиннадцатого — спать. А что теперь — взгляните на нее. Превратилась в развалину, и это вы будете виноваты, если она умрет. Вы и ваша постель.

— Однако, Пеллинор! — сказал сэр Груммор…

— Заткнитесь! — мгновенно ответил Король. — И что вы стоите тут, дурак-дураком. Делайте что-нибудь. Добудьте еще один кол, чтобы мы смогли донести старушку Глатисанту до дома. Вы-то что же, Эктор, — совсем уже разумения лишились? Все что нам требуется — это снести ее домой и уложить на кухне, у очага. Отправьте

кого-нибудь вперед, пусть приготовят хлеба и молока. А вы, Твайти, или как вы там предпочитаете зваться, перестаньте тютькаться с вашей дудкой, бегите к дому и скажите там, пусть согреют несколько одеял. И когда мы придем домой, — закончил Король Пеллинор, — мы ее первым делом накормим до отвала для укрепления сил, а поутру, если она оправится, я ей дам форы пару часов — и вперед, к старой жизни. Как насчет этого, а, Глатисантушка? Твое дело улепетывать, мое — догонять. Подите сюда, Робин Гуд, или как вас там, — вы небось думали, я не знаю, — все я знаю, будет уж вам опираться на лук с видом этакого нерадивого следопыта. Давайте, голубчик, встряхнитесь, и пусть этот свихнувшийся на мускулатуре сержант пособит вам ее нести. Ну, подняли, да полегче. Вперед, обормоты, да смотрите у меня, не споткнитесь. Пуховые подушки, «дачи», надо же! Детский лепет! Давайте-давайте, двигайтесь, вперед, шагом марш! Головы у вас пуховые, вот это как называется!

— Что же до вас, Груммор, — прибавил Король уже после того, как закончил, — можете сами влезть в вашу постель, накрыться периной и задохнуться!

17

— По-моему, — сказал Мерлин, как-то под вечер взглянув на Варта поверх очков, — тебе самое время получить еще одну порцию образования. Я хочу сказать, Время-то уходит.

Дело было ранней весной, и все, что виделось из окна, казалось прекрасным. Зимний покров сошел и увлек за собой сэра Груммора, мастера Твайти, Короля Пеллинора и Искомого Зверя, — последний под воздействием доброты, молока и хлеба поправился. Он ускакал в снега, всем своим видом выказывая благодарность, а два часа спустя за ним последовал взволнованный Король, и зрители на зубчатых стенах наблюдали за тем, как Зверь, достигнув границы ловчего поля, принялся с большой изобретательностью запутывать следы на снегу. Он то бежал задом, то отпрыгивал в сторону футов на двадцать, то хвостом заметал отпечатки, то отползал вбок, цепляясь за нижние ветви деревьев, — словом, с явным наслаждением проделывал множество разных фокусов. Видели они и Короля Пеллинора, который, пока все это длилось, стоял, исправно

зажмуря глаза и считая до десяти тысяч, а потом, добравшись до трудного места, совершенно запутался и в конце концов ускакал галопом не в ту сторону, волоча за собою ищейку.

День был чудесный. За окном классной комнаты лиственницы далекого леса уже оделись в слепящую зелень, и земля сверкала, набухая миллионами капель, и лесные птицы все уже вернулись домой — повесничать и петь. По вечерам деревенский люд копошился у себя в огородах, высаживая фасоль, и казалось, что ради этих неотложных дел и ради тех, что возникли (одновременно с высадкой фасоли) у слизняков, у почек, у птиц, у ягнят, — все живое, словно по сговору, высыпало наружу.

— Так в кого бы ты хотел превратиться? — спросил Мерлин.

Варт выглянул в окно, прислушиваясь к повторенной дважды чистой песенке дрозда. Он сказал:

— Я уже был однажды птицей, но только ночью, в кречатне, а полетать мне так и не пришлось. Даже при том, что не следует дважды делать одного и того же урока, как ты считаешь, — нельзя мне побыть птицей, чтобы и этому научиться?

Его мучала зависть к птицам, которая томит по

весне всякого чувствительного человека и доходит порой до таких проявлений, как разорение птичьих гнезд.

— Не вижу к сему никаких препятствий, — сказал чародей. — Почему бы тебе не попробовать полетать нынешней ночью?

— Но ведь ночью они спят.

— Тем больше будет возможностей их разглядеть, не спугнув. Ты мог бы вечером отправиться с Архимедом, он тебе все расскажет о них.

— Ты это сделаешь, Архимед?

— С наслаждением, — ответил Архимед. — Я и сам бы не прочь слегка прогуляться.

— А ты знаешь, — спросил Варт, думая о дрозде, — почему птицы поют и как? Это что, их язык?

— Разумеется, язык. Не богатый язык, не такой, как у человека, но все же довольно развитый.

— Гилберт Уайт, — сказал Мерлин, — заметил или еще заметит, это уж как вам больше нравится, что «язык птиц весьма древен и, как и в других древних разновидностях речи, говорится в нем малое, но подразумевается многое». Где-то у него сказано также, что «грачи в пору кормленья птенцов покушаются иногда — в веселии сердца — запеть, но без большого успеха».

— Грачей я люблю, — сказал Варт. — Странно, но это мои любимые птицы.

— Почему? — спросил Архимед.

— Ну, просто они мне нравятся. Мне нравится их дерзость.

— Нерадивые родители, — процитировал Мерлин, пребывавший в ученом расположении, — и дерзкие, распущенные дети.

— Вообще говоря, — задумчиво сказал Архимед, — всем вороньим присуще извращенное чувство юмора.

Варт пояснил:

— Мне нравится, как они наслаждаются полетом. Они не просто летают, как прочие птицы, они летают ради веселья. Особенно приятно смотреть, как они на ночь слетаются к гнездам, гогоча, переругиваясь и пихаясь, словно простонародье. А иногда они переворачиваются на спину и кувыркаются в воздухе, просто для смеха или же забыв, что они вообще-то летят, и принимаясь по-простецки вычесывать блох.

— Они разумные птицы, — сказал Архимед, — несмотря на их низменный юмор. Ты знаешь, они из тех птиц, у которых имеется парламент и общественное устройство.

— Ты хочешь сказать, что у них есть законы?

— Да уж, разумеется, есть. Каждую осень они слетаются на поле, чтобы их обсудить.

— И каковы же эти законы?

— Ну, как тебе сказать, — законы о защите грачиного гнездовья, о браке и тому подобные. Запрещается, например, вступать в брак вне гнездовья, а уж если ты утрачиваешь всякое чувство приличия и приводишь себе чернявую девицу из соседнего поселения, то все раздирают твое гнездо на кусочки, едва ты его построишь. Тебя вынуждают переселиться в пригород, вот потому-то вокруг каждого грачиного гнездовища на нескольких деревьях непременно видны отдельные гнезда.

— И что мне еще в них нравится, — сказал Варт, — это их пылкость. Они, может быть, и воры, и склонны к дурацким розыгрышам, и скандалят, и задирают друг друга, при этом вопя во все горло, а все же у них хватает отваги всей оравой наваливаться на врага. Потому что даже если вас целая стая, все же, по-моему, чтобы напасть на ястреба, требуется отвага. И даже атакуя его, они продолжают валять дурака.

— Орава — она орава и есть, — надменно произнес Архимед. — Это ты верное слово сказал.

— Ну что же, во всяком случае это веселая ора-

ва, — ответил Варт, — и мне она нравится.

— А какая твоя любимая птица? — ради поддержания мира вежливо спросил Мерлин.

Некоторое время Архимед размышлял, а затем ответил:

— Что ж, это серьезный вопрос. Это все равно как спросить у тебя, какая твоя любимая книга. В целом, однако, я думаю, что мне следует предпочесть голубя.

— Он что, вкуснее?

— Эту сторону дела я не рассматриваю, — сказал Архимед тоном воспитанного человека. — В сущности говоря, голубь представляет собой любимое блюдо всякого хищника, разумеется, если хищник достаточно велик, чтобы с ним справиться, но я имел в виду лишь его бытовые повадки.

— Опиши их.

— Голубь, — сказал Архимед, — это своего рода квакер. Одевается он во все серое. В детях послушен, в любви постоянен, в родителях мудр и знает, как знает всякий философ, что любой человек ему враг. С ходом столетий голубь приобрел множество специальных познаний по части спасения бегством. Ни единый голубь никогда не совершит акта агрессии, равно как и не нападет на своих преследователей; но с другой стороны,

не существует птицы, столь же искусной в приемах уклонения от них. Голубь научился падать с дерева вниз со стороны, противоположной подходящему к дереву человеку, и лететь низом так, чтобы между ним и человеком оказалась изгородь. Нет птицы, которая так же хорошо оценивает расстояние. Бдительные, пыльные, пахучие и легко теряющие перья, — отчего собаки отказываются брать их в зубы, — защищенные от дроби подбивкою своего оперения, голуби с истинной любовью воркуют друг с дружкой, с истинной заботливостью вскармливают своих хитроумно сокрытых детенышей и с истинной мудростью упархивают от любого агрессора — раса любителей мира, вечных переселенцев, уходящих в своих крытых фургонах от воинственных индейцев. Это любящие индивидуалисты, выживающие в борьбе с силами массового истребления лишь благодаря философии бегства.

— Знаешь ли ты, — прибавил Архимед, — что чета голубей всегда устраивается на ночлег головою к хвосту друг друга, так, чтобы можно было посматривать в обе стороны?

— Я знаю, что так делают наши домашние голуби, — сказал Варт. — И думаю, что люди вечно норовят их убить оттого, что они такие прожор-

ливые. Что мне нравится в вяхирях, так это то, как они хлопают крыльями и как они во время брачных полетов взмывают вверх, складывают крылья и падают, так что полет их походит на полет дятла.

— Вообще-то на дятлов они не похожи, — сказал Мерлин.

— Вообще-то нет, — признал Варт.

— А у тебя какая птица любимая? — спросил Архимед, чувствуя, что надо дать высказаться и хозяину.

Мерлин сложил пальцы вместе, как Шерлок Холмс, и без промедленья ответил:

— Я предпочитаю зяблика. Мой друг Линней называет его coelebs, или птицей-холостяком. Стаям зябликов хватает ума разделяться на зиму, так что самцы и самки летают отдельно. А потому хотя бы в зимние месяцы они живут в совершенном мире.

— Наша беседа, — напомнил Архимед, — началась с вопроса о том, умеют ли птицы говорить.

— Другой мой друг, — немедленно откликнулся Мерлин наиученейшим своим тоном, — утверждает или будет утверждать, что все разговоры о птичьем языке начинаются с вопроса о подражании. Аристотель, как ты знаешь, также выводит

трагедию из подражания.

Архимед испустил тяжкий вздох и обронил с пророческой интонацией:

— Ну давай уж, выкладывай все до конца.

— Дело обстоит так, — сказал Мерлин. — Кобчик падает на мышь, и несчастная мышь, пронзенная его когтями, испускает в агонии писк: «Киии!» В следующий раз, когда кобчик завидит мышь, он уже сам из подражания начинает выкрикивать: «Киии». Другой кобчик, возможно супруг или супруга первого, присоединяется к этому крику, и через несколько миллионов лет уже все кобчики выкликают друг друга только им присущей нотой: «Кии-кии-кии».

— Но нельзя же строить все выводы на одной только птице, — сказал Варт.

— А я и не собираюсь. Крик соколов походит на крик их добычи. Кряквы квакают совсем как лягушки, которых они едят, тоже и сорокопуты подражают горестным крикам тех, кого они употребляют в пищу. Дрозды, в том числе и черные, щелкают, как улиточьи домики, которые они разбивают. Разного рода вьюрки воспроизводят звук, сопровождающий разгрызанье семян, а дятлы подражают стуку по дереву, который они издают, когда добывают себе на прокорм насекомых.

— Но ведь у всех птиц в песнях больше одной только ноты!

— Конечно-конечно. Из подражания возникла только призывная нота, а затем в результате ее повторения и варьирования появились различные птичьи напевы.

— Я тебя понял, — холодно сказал Архимед. — А обо мне что ты скажешь?

— Ну, ты же отлично знаешь, — сказал Мерлин, — что мышь-землеройка, на которую ты налетаешь, восклицает: «Куиик!». По этой самой причине молодняк твоего вида призывает друг друга криком «Куиик».

— А старики? — саркастически осведомился Архимед.

— Хуруу, Хуруу, — не желая сдаваться, воскликнул Мерлин. — Друг мой, это элементарно. После первой своей зимы они подражают завыванию ветра в том древесном дупле, которое выбрали для ночлега.

— Понятно, — холоднее, чем когда бы то ни было, произнес Архимед. — Отметим, что на сей раз ни о какой добыче речь не идет.

— Ой, да брось, пожалуйста, — парировал Мерлин. — Существуют же и другие вещи помимо еды. Например, даже птица время от времени

пьет воду или купается в ней. Именно звук речного течения и слышим мы в песне скворца.

— Теперь, как видно, — сказал Архимед, — дело уже не только в том, что мы едим, но и в том, что пьем или слышим.

— А почему бы и нет?

— Ну хорошо, пускай, — сказал, уступая, Архимед.

— А по-моему, это интересная мысль, — сказал Варт, чтобы подбодрить наставника. — Но как же из этих подражаний получился язык?

— Поначалу были простые повторы, — сказал Мерлин, — потом пошли вариации. Ты, как видно, не осознаешь, как много значит интонация и скорость произнесения. Положим, я бы сказал: «Какой хороший денек», вот так — просто. Ты бы ответил мне: «Да, хороший». Но если бы я с нежной интонацией произнес: «Какой *хороший* денек», ты, возможно, подумал бы обо мне: «Вот приятный человек». С другой стороны, если бы я почти неслышно шепнул: «Какой хороший денек», ты, быть может, начал бы озираться, пытаясь понять, что меня так напугало. Вот примерно таким образом птицы и разработали свой язык.

— А не мог бы ты нам сообщить, — сказал

Архимед, — раз уж ты столько всего знаешь об этом, как много различных сведений способны мы, птицы, передавать, меняя темп и ударения в коленцах наших так называемых призывных кликов?

— Разумеется, очень много. Если ты влюблен, ты будешь кричать «Кии-уик» с мягкими ударениями, а посылая вызов или выражая ненависть, выкрикнешь то же «Кии-уик» сердито; ты испускаешь призывный клич с повышением тона, если не знаешь, где твой партнер, или же хочешь отвлечь его внимание от гнезда, когда близ него появляется кто-то чужой; приближаясь зимней порой к старому гнезду, ты можешь прокричать те же ноты любовно — это условный рефлекс, закрепленный радостями, которые ты когда-то испытал в этом гнезде, а если я подойду к гнезду и тебя напугаю, ты можешь выкрикнуть: «Киуик-киуик-киуик» — и получится громкий сигнал тревоги.

— Когда разговор доходит до условных рефлексов, — кисло заметил Архимед, — я предпочитаю отправляться на поиски мыши.

— Пожалуйста, отправляйся. И когда ты ее найдешь, ты, смею утверждать, испустишь еще один клич, характерный для неясытей, хоть и не часто

упоминаемый в книгах по орнитологии. Я говорю о звуке «ток» или «тцк», о котором человеческие существа говорят: «причмокнуть губами».

— И чему же, как ты полагаешь, подражает сей звук?

— Очевидно, хрусту мышиных костей.

— Ловко у тебя это выходит, хозяин, — сказал Архимед, — и до тех пор, пока дело касается одной только бедной неясыти, ты останешься победителем. Исходя из моего личного опыта, я могу сказать тебе только одно: все твои речи ничего не стоят. Синичка способна поведать тебе не только о том, что ей угрожает опасность, но и какая именно. Она умеет сказать: «Берегись кошки», или «Берегись ястреба», или «Берегись неясыти» так ясно, как если бы ты это в азбуке прочел.

— Я этого и не отрицаю, — сказал Мерлин. — Я говорил тебе лишь о началах языка. А вот попробуй-ка ты назвать мне хотя бы одну птичку, применительно к пению которой я бы не смог указать исходного образца для подражания.

— Козодой, — сказал Варт.

— Жужжанье пчелиных крыл, — тут же ответил его наставник.

— Соловей, — безнадежно сказал Архимед.

— Ах, — произнес Мерлин, откидываясь в уют-

ном кресле. — Тут нам предстоит воссоздать душевную песнь нашей возлюбленной Прозерпины, пробуждающейся во всей ее текучей красе.

— Тирию, — мягко вымолвил Варт.

— Пию, — тихо добавил Архимед.

— Музыка! — в восторге заключил некромант, не способный воспроизвести и самых элементарных подражательных нот.

— Привет, — сказал Кэй, открывая дверь в вечереющую классную комнату. — Извините, что опоздал на урок географии. Пытался добыть несколько птичек с помощью арбалета. Видите вот, дрозда подстрелил.

18

Варт лежал, как ему и было велено, бодрствуя. Следовало дождаться, пока уснет Кэй, и тогда за ним придет Архимед с Мерлиновым волшебством. Он лежал под огромной медвежьей шкурой и смотрел в окно на весенние звезды, уже не морозные и металлические, но как бы отмытые заново, набухающие влагой. Вечер был замечательный — ни дождя, ни облачка. Небо между звездами казалось сделанным из самого темного и роскошного бархата. В проеме глубокого, глядящего на запад окна над самым горизонтом гнались за Сириусом ловчие псы-звезды, Альдебаран и Бетельгейзе, озираясь на своего господина, — на Орион, еще не взошедший над краем земли. Сквозь окно проникал в комнату ясно различимый аромат укрытых ночью цветов, ибо уже зацветала смородина, дикая вишня, слива, боярышник, и слышно было, как в окружающих, смутно различимых деревьях не менее пяти соловьев состязаются в конкурсе певческой красоты. Варт лежал на спине, под наполовину сползшей медвежьей шкурой, скрестив

за головою руки. Ночь была слишком прекрасна, чтобы спать, слишком тепла, чтобы подтягивать шкуру. Как зачарованный, следил он за звездами. Скоро снова настанет лето, он сможет уходить ночевать на замковые стены и видеть, как звезды парят над его лицом — близко, будто мотыльки, — они и похожи, по крайности Млечный Путь, на пыльцу с мотыльковых крыльев. И в то же самое время они будут так далеки, что в переполненной вздохами душе начнут беспомощно роиться неизъяснимые мысли о вселенной и вечности, и он представит себе, как улетает меж ними, все выше и выше, никогда их не достигая, никогда не завершая полета, все покидая, всего лишаясь в спокойной стремительности пространства.

Когда Архимед пришел за ним, он уже крепко спал.

— Съешь-ка вот это, — сказал Архимед и вручил ему дохлую мышь.

Варт чувствовал себя до того необычно, что без протестов принял пушистую кроху и сунул ее в рот, даже не подумав, что она может оказаться препротивной. А потому и не удивился, почувствовав, что вкус у нее отменный, — что-то вроде неочищенного персика, хотя, конечно, сама мышь была вкусней своей шкурки.

— А теперь пора и в полет, — сказал Архимед. — Запрыгни на подоконник и посиди немного, чтоб попривыкнуть, прежде чем мы снимемся.

Варт вспрыгнул на подоконник и машинально лишний раз взмахнул крыльями — точно так же, как взмахивает руками прыгун в высоту. Он плюхнулся на подоконник с глухим ударом, какой слышишь, когда садится с лету сова, но вовремя остановиться не смог и вывалился из окна.

«Ну вот, — развеселившись, подумал он, — тут-то я и сверну себе шею».

Странное дело, но он почему-то не воспринимал . жизнь всерьез. Стены замка пронеслись мимо, замковый ров и земля наплывали на Варта. Он ударил крыльями, и земля ушла вниз, будто вода в худом колодце. Через секунду сила удара истратилась, и земля вновь начала приближаться. Он ударил еще раз. Как странно было нестись над то взбухавшей, то опадавшей под ним землей в полном беззвучии бахромчатого оперения.

— Ради всего святого, — послышался задыхающийся голос Архимеда, мотавшегося вверх и вниз в темноте сзади него, — перестань ты летать, словно дятел. Глядя на тебя, всякий решил бы, что ты — домовый сыч, если бы эту тварь уже завезли

в страну. Ты знаешь, что ты делаешь? Ты бьешь крыльями, набираешь скорость, забираешься, пока она не иссякнет, вверх, зависаешь, а как только начинаешь терять высоту, бьешь крыльями снова — и все сначала. С тобой невозможно держаться вровень.

— Ну да, — беспечно, сказал Варт, — а если я не стану этого делать, я просто свалюсь на землю.

— Идиот, — сказал Архимед. — Ты должен все время помахивать крыльями, а не подпрыгивать на них таким манером.

Варт сделал, как ему было сказано, и с удивлением обнаружил, что земля выровнялась и движется под ним, не покачиваясь, ровным потоком.

— Вот так-то лучше.

— Как странно все выглядит, — отметил мальчик с некоторым изумлением, ибо теперь у него появилась возможность как следует оглядеться.

И вправду, мир выглядел странно. Пожалуй, лучше всего мы опишем его, если скажем, что он походил на фотографический негатив, ибо Варт теперь видел кое-что за пределами спектра, доступного человеческим существам. Инфракрасная камера способна фотографировать в темноте, в которой мы ничего не увидим, но она

же фотографирует и при дневном освещении. То же и с совами, ибо утверждение, что видят они лишь ночью, было бы несправедливым. Они хорошо видят днем, да только они еще обладают тем преимуществом, что и ночью видят не хуже. А потому они, естественным образом, предпочитают охотиться ночью, когда прочим тварям остается рассчитывать лишь на их милосердие. В дневное время зеленые деревья показались бы Варту белесыми, как бы покрытыми яблоневым цветом, и сейчас, ночью, все тоже выглядело поиному. Это было все равно как лететь в сумерках, когда все краски сведены к оттенкам одного и того же цвета, и, как и в сумерках, вид был довольно мрачный.

— Тебе нравится? — спросил Архимед.

— Очень нравится. Знаешь, когда я был рыбой, вода в одних местах была потеплее, в других — похолоднее, вот и с воздухом то же самое.

— Температура, — сказал Архимед, — зависит от растительности внизу. Деревья и травы, все они согревают над собою воздух.

— Да, — сказал Варт, — понимаю теперь, почему рептилии, выйдя из рыб, решили податься в птицы. Дело, безусловно, приятное.

— А ты начинаешь соображать что к чему, —

отметил Архимед. — Не будешь возражать, если мы присядем?

— А как это сделать?

— Надо зависнуть. То есть ты должен подниматься, пока не лишишься скорости, — и тогда, как только почувствуешь, что начинаешь падать, — ты, ну, просто садишься. Ты когда-нибудь приглядывался, как птицы подлетают к ветке? Они не опускаются на нее сверху, но подныривают под нее, а затем поднимаются. А в верхней точке подъема зависают и садятся.

— Но птицы ведь и на землю садятся. И как кряквы опускаются на воду? Они же не могут подняться, чтобы сесть на нее.

— Ну, опуститься на землю или на что-нибудь плоское — дело вполне возможное, только более трудное. Приходится полого скользить с постоянно убывающей скоростью, а под конец увеличивать сопротивление воздуха, расправляя зонтиком крылья, опуская ноги, хвост и так далее. Ты, может быть, замечал, что немногим птицам удается проделать это, сохранив грациозность. Присмотрись, как плюхается ворона и сколько брызг поднимает кряква. Лучше всех это делают птицы, у которых крылья изогнуты, — цапли, скажем, или зуйки. И если правду сказать, мы,

совы, тоже неплохо с этим справляемся.

— А длиннокрылые птицы, вроде стрижей, они, я полагаю, делают это хуже всего, потому что вообще не способны взлететь с плоской поверхности?

— Тут причины иные, — сказал Архимед, — но факты изложены верно. Однако так ли уж нужно нам беседовать на лету? Я начинаю уставать.

— Я тоже.

— Совы, как правило, предпочитают присаживаться через каждую сотню ярдов.

Варт, скопировав Архимеда, взлетел к выбранной ими ветке. Как только они оказались над ней, он начал падать, в последний миг уцепил ее своими мохнатыми лапками, пару раз качнулся взад-вперед, понял, что посадка прошла успешно, и сложил крылья.

Пока Варт тихо сидел, любуясь видом, его друг продолжал свою лекцию о птичьем полете. Стриж, конечно, хороший летун, рассказывал он, такой хороший, что способен проспать на лету целую ночь, недурны и грачи, — Варт ведь сам говорил, что любуется тем, как они наслаждаются полетом, — и все же, если взять небольшие высоты, — что автоматически сбрасывает стрижа со счетов, — истинным аэронавтом следует счесть

зуйка. Он рассказывал о любви зуйков к воздушной акробатике, об их способности выполнять такие трюки, как вращение на лету, разворот с остановкой и даже кувырок через голову, — и все это из одной лишь любви к искусству. Зуйки — единственные птицы, практикующие посадку скольжением с большой высоты, не считая старейшего, самого веселого и красивого из всех воздухоплавателей, — ворона, который тоже проделывает это время от времени. Варт уделял этой лекции мало внимания, если вообще уделял, занятый приноравливанием глаз к странным тонам освещения. Краешком глаза он поглядывал на Архимеда, ибо Архимед, рассказывая, бессознательно высматривал, чем бы ему отобедать. Вид он при этом имел удивительный.

Верхушка теряющего скорость волчка перед тем, как ему упасть, описывает медленные круги. Основание его остается на месте, но макушка кружится, и чем ближе конец, тем большие круги она совершает. Именно это и проделывал, не сознавая того, Архимед. Лапы его стояли недвижно, а верхняя часть тела вращалась, как у человека, оказавшегося в кинотеатре за спиною у толстой дамы и не вполне уверенного, с какого ее боку лучше будет виден экран. Поскольку Архимед

к тому же обладал способностью выкручивать голову на плечах едва ль не на полный круг, легко себе представить, что зрелище получилось стоящее внимания.

— Что это ты делаешь? — спросил Варт.

Он еще не договорил, когда Архимед вдруг исчез. Вот только что сидела себе неясыть, рассказывала про зуйка, и вдруг — глядь, никакой неясыти нет. Лишь далеко внизу под Вартом послышался глухой шлепок, шелест листвы, как будто воздушная торпеда врезалась в заросли и летит, не считаясь с помехами.

Через минуту Архимед уже опять сидел рядом с ним на ветке, задумчиво раздирая мертвого воробья.

— А можно я так тоже попробую? — спросил Варт, ощутив вдруг склонность к кровопролитию.

— Вообще говоря, — ответил Архимед, проглотив то, что у него было во рту, — нельзя. Хватит с тебя и волшебной мыши, превратившей тебя в сову, — в конце-то концов, ты целый день кормился, как положено человеку, — к тому же ни одна сова не убивает удовольствия ради. И кроме прочего, предполагалось, что я возьму тебя с собой в образовательных целях, и как только я

перекушу, мы образованием и займемся.

— И куда ж ты меня отправишь?

Архимед прикончил воробья, воспитанно вытер клюв о сучок и уставил на Варта широко распахнутые глаза. На этих больших, круглых глазах лежал, как выразился один знаменитый писатель, налет света, подобный лиловатому налету пыли на винограде.

— Теперь, поскольку ты умеешь летать, — сказал он, — Мерлин желает, чтобы ты побыл Диким Гусем.

Место, в котором он очутился, было совершенно плоским. В человечьем мире настоящая плоскость встречается редко, потому что дома, деревья, ограды иззубривают ландшафт. Трава и та тянется кверху бесчисленными стебельками. Но здесь, в утробе ночи, среди беспредельной, плоской, влажной грязи, напоминавшей черный творог, зацепиться глазу было решительно не за что. Даже если бы на ее месте простирался мокрый песок, и то бы он нес на себе отпечатки волн, схожие с нашими небными складками.

Лишь одна первородная стихия обитала на этой огромной равнине — ветер. Ибо здешний ветер был, безусловно, стихией. В нем ощущались пространность, могущество тьмы. В человече-

ском мире ветер приходит откуда-то и куда-то уходит и, уходя, через что-то проходит — через деревья, улицы или ограды. Этот ветер приходил ниоткуда. И проходил через плоское ничто в никуда. Пологий, почти беззвучный, если не считать странного гула, осязаемый, бесконечный, ошеломляющий протяженностью, он тяжко тек над грязью. Его контуры можно было очертить по линейке. Титанические серые линии его шли, не колеблясь и не прерываясь. Можно было бы повесить на него зонтик за гнутую ручку, и тот так бы и остался висеть.

На этом ветру Варт ощущал себя как бы еще не сотворенным. Если не брать в расчет влажной твердыни под его перепончатыми лапами, он обитал в пустоте, в плотной, подобной хаосу, пустоте. Его ощущения были ощущениями геометрической точки, загадочным образом существующей на кратчайшем пути между двумя другими, или же линии, прочерченной по плоской поверхности, у коей имеются ширина и длина, но никакого объема. Никакого объема! Да ветер и являл собою объем в чистом виде! В нем были мощь, текучесть, сила, устремленность и ровность мирового потока, неуклонно изливающегося в преддверия ада.

Впрочем, и этому чистилищу поставлены были пределы. Далеко на востоке, может быть в целой миле, стояла сплошная звуковая стена. Она нарастала, спадала, словно сжимаясь и разжимаясь, но оставалась сплошною. В ней слышалась угроза, она жаждала жертв, — ибо там простиралось огромное безжалостное море.

В двух милях к западу виднелись треугольником три пятнышка света. То светились слабенькие лампадки в хижинах рыбаков, вставших пораньше, чтобы поймать прилив в запутанных протоках соленых болот, где вода порою текла из океана. Тем и исчерпывались черты его мира — звук моря и три огонька; темень, пологость, пространность, влажность; и ровный поток ветра, вливающийся в бездонную ночь.

Когда забрезжил робкий день, мальчик обнаружил, что находится среди множества подобных ему созданий. Одни сидели в грязи, теперь взбаламученной злыми мелкими водами возвращающегося моря, другие уже уплывали по этой воде, пробужденные ею, от надоедливого прибоя. Сидевшие имели сходство с большими чайниками, засунувшими носики себе под крылья. Плывущие время от времени окунали головы в воду и затем трясли ими. Те, что проснулись

еще до наступленья воды, стояли, с силой взмахивая крыльями. Глубокое безмолвие сменилось гоготом и болтовней. Их было сотни четыре в серой окрестности — замечательно красивых существ, диких белогрудых гусей, которых человек, однажды видевший их вблизи, никогда уже не забудет.

Задолго до восхода солнца они уже изготовились к полету. Прошлогодние семейные выводки сбивались в стайки, а сами эти стайки проявляли склонность к объединению с другими стайками, возможно под водительством дедушки или даже прадедушки или какого-то признанного вожака небесного воинства. Когда примерное разделение на отряды было завершено, в разговорах гусей обнаруживалась нотка легкого возбуждения. Они принимались резко вертеть головами то в одну, то в другую сторону. А затем, развернувшись по ветру, все вместе вдруг поднимались на воздух, по четырнадцать или по сорок гусей разом, и широкие крылья их загребали темноту, и в каждом горле трепетал восторженный вопль. Сделав круг, они быстро набирали высоту и скрывались из виду. Уже на двадцати ярдах они терялись во мраке. Те, что снялись пораньше, не издавали особого шума. До прихода солнца они предпочи-

тали помалкивать, отпуская лишь случайные замечания или, если возникала какая-либо опасность, выкликая одну предупредительную ноту. Тогда, заслышав предупреждение, все вертикально взмывали в небо.

Вартом овладевало беспокойство. Темные эскадрильи над его головой, поминутно снимавшиеся с земли, заронили в него вожделение. Его томила потребность последовать их примеру, но он не чувствовал уверенности в себе. Может быть, их семейные стаи, думал он, воспротивятся его вторжению. И все же ему не хотелось остаться в одиночестве. Ему хотелось соединиться с ними, насладиться обрядом утреннего полета, явно доставлявшего им удовольствие. В них ощущалось товарищество, вольная дисциплина и joie de vivre.

Когда ближайший к мальчику гусь расправил крылья и подскочил, он машинально проделал то же. Около восьми его соседей уже несколько времени дергали клювами, и он подражал им, словно их действия были заразительными, и теперь вместе с той же восьмеркой он полетел по гладкому воздуху. В миг, когда он покинул землю, ветер пропал. Неугомонность и свирепость его сгинули, как отсеченные ножом. Варт оказался у

ветра внутри, и внутри был покой.

Восьмерка гусей построилась в линию, строго выдерживая равные промежутки. Варт оказался последним. Они летели к востоку, где занимался слабый свет, и вскоре перед ними стало всходить яркое солнце. Далеко за простором земли оранжево-алая трещина пронизала гряду облаков. Сияние разрасталось, внизу завиделись соленые топи. Они открылись перед ним лишенными примет болотами или вересковыми пустошами, по воле случая ставшими частью моря, — их вереск, еще сохранивший сходство с вереском, сопрягался с морской травой, пока не измок и не просолился, и ветви его осклизли. Место ручьев, что текли бы сквозь пустошь, заняла морская вода, пробившая русла в синеватой грязи. Там и сям стояли на кольях длинные сети, в которые мог бы влететь невнимательный гусь. Они-то и были, как он догадался, причиной тех предостерегающих криков. Две-три свиязи свисали с сетей, и далеко на востоке человек, похожий на муху, с жалким упорством тащился по слякоти, чтобы собрать добычу в мешок.

Солнце, вставая, окрасило пламенем ртуть протоков и мерцающий ил. Кроншнепы, начавшие скорбно стенать еще до рассвета, теперь

перелетали с одной травянистой отмели на другую. Свиязи, ночевавшие на воде, принялись высвистывать свои сдвоенные ноты, похожие на свист рождественских шутих. Против ветра поднимались с земли кряквы. Травники, словно мыши, прыскали в стороны. Облачко крошечных чернозобиков, более плотное, чем стайка скворцов, разворачивалось в воздухе с шумом идущего поезда. С веселыми криками снималась с сосен, растущих на дюнах, черная воронья стража. Всяких видов береговые птицы облепили линию прибоя, наполнив ее оживлением и красотой.

Заря, заря над морем и совершенство упорядоченного полета были исполнены такой прелести, что мальчику захотелось запеть. Ему захотелось влиться в хор, славящий жизнь, и поскольку вокруг него крылья несли тысячу гусей, долго ждать ему не пришлось. Смех и музыка мгновенно пронизали караваны этих созданий, подобно дыму струившихся по небу грудью к встающему солнцу. Каждый отряд их пел на свой манер: кто проказливо, кто торжественно, кто чувствительно, кто с ликованием. Предвестники дня заполнили рассветное небо, и вот что они запели:

О мир, под крылом кружащий, простри

персты перламутра!

Солнце седое, сияй белогрудым баловням утра!

Багряные блики зари узри на груди гордой,

Услышь, как в каждой гортани гудят органы и горны!

Внемлите, темные тучи кочующего батальона,

Рожкам и рычанью гончих, гаму небесного гона!

В далекие дали, далёко, вольны и велики,

Уходят Anser albifrons, их песни и клики.[5]

Стоял уже день, Варт прогуливался по неровному полю. Вокруг паслись товарищи по полету, выдергивая траву боковыми рывками мягких маленьких клювов, извивая шеи крутыми дужками, столь отличными от грациозных лебединых изгибов. И пока они так кормились, кто-то из их числа непременно стоял на страже, задрав по-змеиному голову. В недавние зимние месяцы,

---

[5] Примечания: Note5
Перевод С. Степанова.

а то и в прежние зимы они разбились на пары, разбиение это сохранялось и там, где паслось семейство или целый летучий отряд. Молодая самочка, спавшая бок о бок с ним на грязевой равнине, была однолеткой. Она то и дело поглядывала на него умным глазом.

Мальчик, украдкой присмотревшись к ней, разглядел полненькое плотное тельце и приятные складочки на шее. Эти складки, как он краем глаза заметил, создавались разностью в оперении. Ряды вогнутых перышков отделялись один от другого, образуя подобие бахромы, которую он нашел очень изящной.

Наконец, молодая гусыня пихнула его клювом. Она как раз была часовым.

— Ты следующий, — сказала она.

Не дожидаясь ответа, она опустила голову и тем же движением выдернула травинку. Так, кормясь, она постепенно отдалилась от него.

Варт стоял на часах. Он не знал, за чем ему должно следить, и не видел никакого врага — только и было крутом, что кочки да его пасущиеся сотоварищи.

— Что это ты делаешь? — спросила она, когда спустя полчаса ей случилось проходить мимо.

— Стою на страже.

— Да ну тебя, — сказала она, хихикнув — или правильнее сказать «гоготнув»? — Глупенький!

— Почему?

— Сам знаешь

— Честно, не знаю, — сказал он. — Я что-то не так делаю? Мне непонятно.

— Клюнь следующего. Ты перестоял уже самое малое вдвое больше положенного.

Варт сделал, как ему было сказано, и ближайший гусь принял у него вахту, а Варт подошел поближе к гусыне и стал пастись рядом с ней. Они пощипывали траву, косясь друг на дружку бисеринами глаз.

— Я показался тебе глуповатым, — застенчиво сказал он, впервые решившись открыть животному свою истинную видовую принадлежность, — но это потому, что я вообще-то не гусь. Я был рожден человеком. По правде, это мой первый полет.

Она удивилась, но не сильно.

— Это бывает не часто, — сказала она. — Люди обычно стремятся стать лебедями. Последними у нас тут побывали дети короля Лира. Впрочем, насколько я понимаю, все мы из семейства гусиных.

— О детях Лира я слышал.

— Им тут не понравилось. Они оказались безнадежными националистами, и такие религиозные были — все время вертелись вокруг одной ирландской часовни. Можно сказать, что других лебедей они вообще старались не замечать.

— А мне у вас нравится.

— Я так и подумала. Тебя зачем прислали?

— Учиться.

Они попаслись в молчании, пока его собственные слова не напомнили ему кое-что, о чем он хотел спросить.

— Часовые, — сказал он. — Мы что, воюем? Она не поняла последнего слова.

— Воюем?

— Ну, деремся с другим народом?

— Деремся? — неуверенно переспросила она. -

Мужчины, бывает, дерутся — из-за своих жен и так далее. Конечно, без кровопролития, — так, немножко помутузят друг друга, чтобы выяснить, кто из них лучше, кто хуже. Ты это имел в виду?

— Нет. Я имел в виду сражения армий — например с другими гусями.

Это ее позабавило.

— Интересно! Ты хочешь сказать, что собирается куча гусей и все одновременно тузят друг друга? Смешное, наверное, зрелище.

Тон ее удивил Варта, ибо он был еще мальчиком и сердце имел доброе.

— Смешно смотреть, как они убивают друг друга?

— Убивают друг друга? Гусиные армии, и все убивают друг друга?

Медленно и неуверенно она начала постигать эту идею, и по лицу ее разливалась гадливость. Когда постижение завершилось, она пошла от него прочь. И молча ушла на другую сторону поля. Он последовал за ней, но она повернулась к нему спиной. Он обошел ее кругом, чтобы заглянуть ей в глаза, и испугался, увидев в них выражение неприязни, — такое, словно он сделал ей некое непристойное предложение.

Он неуклюже сказал:

— Прости. Я не понял.

— Прекрати эти разговоры!

— Прости.

Немного погодя он с обидой добавил: «По-моему, нельзя запрещать человеку спрашивать. А из-за часовых вопрос представлялся естественным».

Оказалось, однако, что разозлил он ее донельзя.

— Сейчас же прекрати эти разговоры! Хоро-

шенькие мысли, должно быть, тебя посещают, мерзость какая! Ты не имеешь никакого права говорить подобные вещи. Разумеется, у нас есть часовые. Здесь водятся и кречеты, и сапсаны, — ведь так? — и лисы, и горностаи, да и люди с сетями. Это естественные враги. Но какая же тварь дойдет до такой низости, чтобы разгуливать целыми бандами и убивать существ одной с нею крови?

— Муравьи, например, — упрямо сказал он. — И потом, я хотел ведь только узнать.

Она сделала над собою усилие, заставив себя проявить снисходительность. Было в ней что-то от синего чулка, — она полагала необходимым придерживаться, по возможности, широких взглядов.

— Меня зовут Лё-лёк. А тебе лучше назваться Кии-куа, тогда все подумают, что ты из Венгрии.

— А вы все слетаетесь из разных мест?

— Да, конечно, ну, то есть разные стаи. Кое-кто здесь из Сибири, другие из Лапландии, и, по-моему, я вижу одного-двух исландцев.

— И они не дерутся друг с дружкой за пастбища?

— Господи, и дурачок же ты все-таки, — сказала она. — У гусей не существует границ.

— Прости, а что такое границы?

— Воображаемые линии на земле, насколько я понимаю. Какие могут быть границы у тех, кто летает? Эти твои муравьи — да и люди тоже — в конце концов перестанут сражаться, если поднимутся в воздух.

— Вообще-то, мне сражения нравятся, — сказал Варт. — В них есть что-то рыцарское.

— Это потому, что ты маленький.

19

Было нечто волшебное в том, как Мерлин управлялся с пространством и временем, ибо Варту казалось, что за одну весеннюю ночь, на которую он оставил свое тело спать под медвежьей шкурой, он провел с серым народом много дней и ночей.

Лё-лёк, хоть и была девчонкой, нравилась ему все больше. Он постоянно задавал ей вопросы насчет гусей. Она с ласковым добродушием рассказывала ему обо всем, что знала сама, и чем больше он узнавал, тем милее ему становились ее храбрые, благородные, спокойные и разумные сородичи. Она объяснила ему, что каждый из Белогрудых — это отдельная личность, не подчиненная законам или вождям, разве что те возникают сами собой. У них не было ни королей вроде Утера, ни законов, подобных жестоким законам норманнов. Они ничем не владели совместно. Любой гусь, нашедший что-нибудь вкусное, считал находку своей собственностью и отдолбал бы клювом всякого, кто попытался б ее стянуть. В то же самое время ни один из гусей

не предъявлял каких-либо исключительных территориальных прав ни на какую часть мира — кроме своего гнезда, но то уж была частная собственность. И еще она много рассказывала ему о перелетах.

— Мне кажется, — говорила она, — первый гусь, совершивший перелет из Сибири в Линкольншир и обратно, вернувшись, завел в Сибири семью. И вот, когда наступила зима и нужно было заново искать, чем прокормиться, он, должно быть, сумел кое-как отыскать ту же дорогу, ведь кроме него никто ее не знал. Год за годом он водил по ней свое разросшееся семейство, став его лоцманом и адмиралом. Когда ему пришла пора умирать, видимо, лучшими лоцманами оказались старшие его сыновья, поскольку они чаще других проделывали этот путь. Естественно, сыновья помоложе, не говоря уже о юнцах, не очень-то хорошо знали дорогу и потому были рады последовать за кем-то, кто ее знал. Возможно, и среди сыновей постарше имелись такие, что были известны своей бестолковостью, так что семья доверяла не всякому.

— Вот так, — говорила она, — и выбирается адмирал. Может быть, этой осенью к нам в семью заглянет Винк-винк и скажет: «Извините, среди

вас нет ли случайно надежного лоцмана? Бедный старый прадедушка скончался, когда поспела морошка, а от дядюшки Онка проку немного. Мы ищем кого-нибудь, за кем можно лететь следом». И мы тогда скажем: «Двоюродный дедушка будет рад, если вы составите нам компанию, но только имейте в виду, если что-то пойдет не так, мы не отвечаем». «Премного благодарен, — ответит он. — Уверен, что на вашего дедушку можно положиться. Вы не будете возражать, если я расскажу об этом Гогону, у них, сколько я знаю, такие же трудности?» «Нисколько».

— И таким образом, — пояснила она, — двоюродный дедушка станет адмиралом.

— Хороший способ.

— Видишь, какие у него нашивки, — уважительно прибавила она, и оба посмотрели на дородного патриарха, грудь которого действительно украшали черные полосы — вроде золотых кругов на рукаве адмирала.

Волнение в войске все нарастало. Молодые гуси вовсю флиртовали или сбивались в кучки — поговорить о своих лоцманах. Время от времени они затевали вдруг игры, будто дети, возбужденные предвкушением вечеринки. Одна из игр была такая: все становились в кружок,

и совсем молодые гуси выходили один за другим в середину, вытянув шеи и притворяясь, что вот-вот зашипят. Дойдя до середины, они припускались бежать, хлопая крыльями. Это они показывали, какие они смельчаки и какие отличные выйдут из них адмиралы, стоит только им подрасти. Распространялась, кроме того, странная манера мотать из стороны в сторону клювом, что обыкновенно делается перед тем, как взлететь. Нетерпение овладело и старейшинами, и мудрецами, ведающими пути перелетов. Знающим взором они озирали облачные массы, оценивая ветер, — какова его сила и по какому, стало быть, румбу следует двигаться. Адмиралы, отягощенные грузом ответственности, тяжелой поступью меряли шканцы.

— Почему мне так неспокойно? — спрашивал он. — Словно что-то бродит в крови?

— Подожди, узнаешь, — загадочно говорила она. — Завтра, может быть, послезавтра.

Когда день настал, все изменилось на грязной пустоши и в соленых болотах. Похожий на муравья человек, с такой терпеливостью выходивший на каждой заре к своим длинным сетям, с расписаньем приливов, накрепко запечатленным у него в голове, — ибо ошибка во времени означала

для него верную смерть, — заслышал в небе далекие горны. Ни единой из тысяч птиц не увидел он ни на грязной равнине, ни на пастбищах, с которых пришел. Он был по-своему неплохим человеком, — он торжественно выпрямился и стянул с головы кожаную шапку. Это он набожно проделывал и каждой весной, когда гуси покидали его, и каждой осень», завидев первую из вернувшихся стай.

Пароходу требуется два или три дня, чтобы пересечь Северное море — так долго ползет он по этим зловещим водам. Но для гусей, мореходов воздуха, для острых их клиньев, в лохмотья раздирающих облака, для небесных певцов, обгоняющих бурю, — час за часом по семьдесят миль — для этих странных географов (здесь подъем на три мили, — так они говорят), плывущих не по водам, но по дождевым облакам, — для них все было иным.

И это иное наполняло их песни. Были средь них грубоватые, были саги, были и до крайности легкомысленные. Одна, довольно глупая, очень позабавила Варта:

Иные в дорогу зовут берега,
Но травкою грязные манят луга -

Гу-гу-гу! Ги-ги-ги! Га-га-га!
Не шеи у нас, а подобье дуги -
Их словно бы слесарь согнул в три попе.
Га-га-га! Гу-гу-гу! Ги-ги-ги!
Мы травку пощипываем на лугу —
И другу здесь хватит, и хватит врагу!
Ги-ги-ги! Га-га-га! Гу-гу-гу!
Гу-гу-гу! Га-га-га! Нам грязь дорога!
Га-га-га! Ги-ги-ги! Трогать нас не моги!
Хорошо на лугу нам в семейном кругу!
Ги-ги-ги! Га-га-га! Гу-гу-гу![6]

Была еще чувствительная:

Дикий и вольный, спустись с высока
И верни мне любовь моего гусака.

А однажды, когда они пролетали над скалистым островом, населенным казарками, похожими на старых дев в кожаных черных перчатках, серых шляпках и гагатовых бусах, вся эскадрилья разразилась дразнилкой:

Branta bernicla сидела в грязи,

---

[6] Примечания: Note6
Перевод С. Степанова.

Branta bernicla сидела в грязи,

Branta bernicla сидела в грязи,

А мы пролетали мимо.

Вот мы летим, дорогая, гляди,

Вот мы летим, дорогая, гляди,

Вот мы летим, дорогая, гляди,

На Северный Полюс, мимо.

Одна из самых скандинавских песен называлась «Радость жизни»:

И ответил Ки-йо: кто здоров, тот и рад.

Крепость ног, гладкость крыл, гибкость шей, ясность

глаз — Нет на свете лучших наград!

Старый Анк отвечал: честь дороже даров.

Искатель путей, кормилец гусей, хранитель, а равно

податель идей — Вот кто слышит небесный зов!

А резвушка Ле-лёк: Любовь, господа!

Нежность очей, учтивость речей, прогулки вдвоем и гнездо

вечерком — Они пребудут всегда!

Был Лиг-уиг за желудок: Ах, еда! — он сказал.

Стебли травы, колкость стерни, злато полей, сытость

гусей — Это выше всяких похвал!

Братство! — крикнул Винк-винк, — Вольный дружества жар!

Построение в ряд, караванный отряд, все, как один, и

заоблачный клин — Вот в чем Вечности истинный дар!

Я же, Льоу, выбрал пенье — веселье сердец.

Музыка сфер, песни и смех, слезы тишком и мир

кувырком — Все это Льоу, певец.

Порой, опускаясь с уровня перистых облаков, чтобы поймать благоприятный ветер, они попадали в облачные стаи — огромные башни, вылепленные из водных паров, белые, как отстиранное в понедельник белье, и плотные, как меренги. Случалось, что одно из этих небесных соцветий, снежно-белый помет колоссального

Пегаса, оказывалось в нескольких милях перед ними. Они прокладывали курс прямо на облако и смотрели, как оно разрастается, безмолвно и неуследимо, лишенным движения ростом, — и наконец, когда они приближались к нему вплотную, и казалось, вот-вот должны были больно удариться носами о его по-видимости плотную массу, солнце начинало тускнеть, и туманные призраки вдруг обвивали их на секунду, сплетаясь, словно небесные змеи. Их облегала серая сырость, и солнце медной монетой скрывалось из виду. Крылья ближайших соседей истаивали в пустоте, пока каждая птица не обращалась в одинокий звук посреди стужи уничтожения, в развоплощенное привидение. Потом они висели в лишенном примет небытии, не ощущая ни скорости, ни левого с правым, ни верха, ни низа, покамест с той же, что прежде, внезапностью не накалялся заново медный грош и не свивались за спиной небесные змеи. И через миг они опять попадали в самоцветно сверкающий мир с бирюзовым морем внизу, с вновь отстроенными блистательными дворцами небес и с еще не просохшей росой Эдема.

Одними из лучших минут перелета стали те, которые они провели, минуя скалистый остров

в океане. Были и другие, например, когда их строй пересекся с караваном тундровых лебедей, направлявшихся в Абиско и издававших на лету такие звуки, словно щенячий выводок тявкал, прикрывшись носовыми платками, или когда им повстречался виргинский филин, в мужественном одиночестве вершащий свой трудный полет, — в теплых перьях у него на спине, *так они уверяли,* совершал даровой переезд малютка-крапивник. Но одинокий остров был лучше всего.

На нем раскинулся птичий город. Все его жители сидели на яйцах, все переругивались, но отношения между ними были самые дружеские. На верхушке утеса, поросшей короткой травкой, мириады тупиков старательно рыли норы. Чуть ниже, на проспекте Гагарок, птиц набилось столько и на такие узкие полки, что им приходилось стоять, повернувшись спиною к морю и крепко держась за камень длинными пальцами. Еще ниже, на улице Чистика, толпились эти самые чистики, задирая в небо узкие игрушечные личики, как делают сидящие на яйцах дрозды. В самом низу находились Моевкины трущобы. И все эти птицы, откладывавшие, подобно человеку, по одному яйцу каждая, жили в такой тесноте, что трудно было разобрать, где

чья голова, — пресловутого нашего жизненного пространства им не хватало настолько, что если новая птица настойчиво пыталась усесться на полке, с нее в конце концов сваливалась одна из прежних ее обитательниц И при этом все отличались добродушием, веселились, ребячились и поддразнивали друг дружку. Они походили на неисчислимую толпу рыбных торговок, собранных на самой обширной в мире спортивной трибуне, занятых личными препирательствами, что-то поедающих из бумажных кульков, отпускающих шуточки в адрес судьи, распевающих комические куплеты, вразумляющих детишек и сетующих на мужей. «Подвиньтесь-ка малость, тетенька», — говорили они, или: «Протиснись вперед, Бабуся»; «Тут идет эта Флосси и садится прямо на креветок»; «Положи ириску в карман, дорогуша, и высморкайся»; «Глянь-кось, это там не дядя Альберт с пивком?»; «Можно, я тут приткнусь, я маленькая?»; «А вон и тетя Эмма тащится, все-таки сверзилась с полки»; «Шляпка моя не съехала?»; «Эк она раздухарилась!»

Птицы одной породы старались более или менее держаться своих сородичей, но и в этом особой мелочности не проявляли. На проспекте Гагарок там и сям попадались упрямые моевки,

сидевшие на каком-нибудь выступе в твердом намерении бороться за свои права. Всего их там было тысяч, наверное, десять, и шум от них стоял оглушительный.

Затем еще были фиорды и острова Норвегии. Кстати сказать, как раз на одном из тех островов услышал великий В. Г. Хадсон подлинную гусиную историю, над которой не грех задуматься человеку. Жил, рассказывает он нам, на побережье крестьянин, на чьих островах не было покоя от лис, так что он на одном из них поставил лисий капкан. Назавтра, навестив этот остров, он обнаружил, что в капкан попался старый дикий гусь, видимо, Великий Адмирал, если судить по его упитанности и нашивкам. Крестьянин не стал его убивать, а снес домой, подрезал крылья, связал ему ноги и выпустил во двор к своим уткам и курам. Так вот, одно из следствий лисьей докучливости состояло в том, что крестьянину приходилось крепко запирать птичник на ночь. Обыкновенно он выходил под вечер, чтобы загнать туда птицу, а потом запирал дверь. Несколько времени погодя, он приметил одно удивительное обстоятельство, а именно — куры, которых приходилось раньше собирать по всему двору, теперь дожидались его в сарае. Как-то под

вечер он проследил за происходящим и обнаружил, что плененный им властелин взял на себя работу, значенье которой сумел постигнуть присущим ему разумением. Каждым вечером, ближе ко времени, когда запирался курятник, умудренный старик-адмирал обходил своих домашних товарищей, главенство над коими он на себя возложил, и, обходясь одними лишь собственными силами, благоразумно сгонял их в положенное место — так, словно полностью понимал, для чего это делается. Что же до диких гусей, в былое время летавших следом за ним, они никогда уже не садились на тот остров, — прежде всегда посещавшийся ими, — где был похищен их капитан.

И вот наконец после всех островов они приземлились в конечном пункте первого дня перелета. О, какое заслышалось восторженное бахвальство, какие всякий обращал к себе поздравления! Они падали с неба, ложась на крыло, выписывая фигуры высшего пилотажа и даже входя в штопор. Они испытывали гордость за себя и за своего лоцмана и нетерпенье при мысли об ожидающих их впереди семейственных наслаждениях.

Перед самой землей они начинали планировать, изогнув крылья книзу. В последний миг, сильно хлопая крыльями, они ловили в них ве-

тер, и следом — плюх! — оказывались на земле. С минуту подержав крылья над головой, они их складывали, быстро и аккуратно. Они пересекли Северное море.

— Слушай, Варт, — отчаянным голосом сказал Кэй, — тебе непременно нужна вся шкура? И почему ты дергался и бормотал? Да еще и храпел к тому же.

— Я не храпел! — гневно ответил Варт.

— Как храпел!

— Не храпел.

— Храпел. Гакал, как гусь.

— Неправда.

— Правда.

— Неправда. Ты сам еще хуже храпел.

— Ну уж нет.

— Ну уж да.

— Как же это я хуже храпел, если ты совсем не храпел?

Когда обстоятельное обсуждение этой темы закончилось, выяснилось, что они запаздывают к завтраку. Торопливо одевшись, мальчики выбежали под весеннее небо.

20

Снова настала пора сенокоса. Прошел год, как Мерлин жил с ними. Прилетали ветра, и снега, и дожди, и снова светило солнце. Мальчики не изменились, разве что ноги у них стали немного длиннее.

Миновало еще шесть лет.

Время от времени их навещал сэр Груммор. Время от времени удавалось увидеть Короля Пеллинора, — как он скачет прилеском за Зверем, или как Зверь скачет за ним, когда им случалось запутаться. Простак утратил вертикальные полосы на своем оперении однолетка, он еще посерел, поугрюмел, посвирепел, и на месте самых длинных вертикальных полос у него появились опрятные горизонтальные — новые знаки отличия. Дербников каждую зиму отпускали на волю, а на следующий год ловили новых. Волосы Хоба совсем побелели. Сержант-оружейник обзавелся брюшком и чуть не помер со стыда, но по-прежнему продолжал при всяком удобном случае выкрикивать «раз-два» все более хриплым голосом. Все прочие, если не считать мальчиков,

словно бы и не менялись.

Мальчики подросли. Они, как и прежде, носились по замку, словно дикие жеребята, отправлялись, когда им вздумается, повидаться с Робином, и пережили бесчисленные приключения, о которых было вы слишком долго рассказывать.

Дополнительные уроки Мерлина шли своим чередом, ибо в те далекие дни даже взрослые люди были настолько ребячливы, что превращение в сову не казалось им чем-то неинтересным. Варт превращался в неисчислимое множество различных животных. Только и было в их жизни перемен, что теперь во время уроков фехтования Кэй со своим напарником легко справлялись с отпустившим брюшко сержантом и имели возможность поквитаться за множество ударов, когда-то полученных от него. Подрастая, они овладевали все более почтенным оружием и в конце концов получили полные рыцарские облачения и луки высотою почти в шесть футов, бившие стрелами длиною с портновский ярд. Вообще говоря, предполагалось, что всякий пользуется луком не выше своего роста, ибо стрельба из более высокого лука почиталась ненужной тратой энергии, — вроде пальбы крупным калибром по мелкой дичи. Во всяком случае, люди скромные

предпочитали к таким лукам не прибегать. Это считалось разновидностью фанфаронства.

Чем дальше, тем с Кэем становилось труднее. Он упрямо стрелял из лука, слишком длинного для него, и не особенно метко. Он то и дело выходил из себя и успел вызвать на драку почти всех окружающих, и в тех немногих случаях, когда драки действительно происходили, бывал неизменно бит. Кроме того, его переполняла саркастичность. Он доводил до отчаяния сержанта, приставая к нему по поводу брюшка, и донимал Варта разговорами о его отце и матери, когда поблизости не было сэра Эктора. Вообще-то, походило на то, что ему всего этого делать и не хотелось. Ему это даже не нравилось, но он не мог с собой справиться.

Варт оставался все тем же глупышом, он попрежнему был привязан к Кэю и интересовался птицами.

Мерлин что ни год выглядел все моложе, — и это было только естественно, ибо он моложе и становился.

Архимед женился и вырастил в башенной комнате Мерлина несколько поколений миловидного пернатого молодняка.

Сэр Эктор обзавелся ишиасом. Молниями раз-

било три дерева. Каждое Рождество приезжал, не меняясь ни на волос, мастер Твайти. Мастер Пасселью припомнил еще один куплет про Короля Коля.

Года проходили размеренно, и снег Старой Англии лежал, как от него и ждали, — даже с красногрудой зарянкой в одном углу картинки и церковным колоколом или освещенным окошком в другом, — и в конце концов почти уже наступило время посвятить Кэя в полноправные рыцари. Чем ближе подходил этот день, тем более отдалялись мальчики, — ибо Кэй почитал теперь неуместным держаться с Вартом на равной ноге, поскольку возвышенность рыцарского чина не допускает тесных дружеских отношений с оруженосцем. Варт, коему предстояло стать этим оруженосцем, безутешно таскался за Кэем, пока ему то дозволялось, а затем с прежалким чувством отправлялся на поиски какого-нибудь утешения.

Так он забрел на кухню.

«Ну вот, и попал я в Золушки, — сказал он себе. — И хоть до нынешней поры мне по какой-то странной причине доставалось все самое лучшее по части образования, теперь придется платить за прошлые удовольствия, за то, что я видел всех

этих восхитительных драконов, колдуний, рыб, гирафов, муравьев, диких гусей и прочих, теперь я стану заурядным оруженосцем и буду держать для Кэя запасное копье, покуда он, раздувшись от важности, красуется у какого-нибудь источника и сражается с каждым проезжим. Ну и пусть, — пока все это длилось, я замечательно проводил время, а быть Золушкой не так уж и скучно, если можно быть ею на кухне с очагом, достаточно обширным, чтобы зажарить быка».

И Варт с печальной признательностью оглядел хлопотливую кухню, расцвеченную языками пламени до явственного сходства с адом.

В те дни образование всякого цивилизованного джентльмена проходило обычно три стадии — паж, оруженосец, рыцарь, и, во всяком случае, в первых двух ипостасях Варт побывал. Тут имелось определенное сходство с воспитанием отпрыска нынешнего джентльмена, нажившего состояние торговлей, ибо и в те времена отец заставлял сына для приобретения нужных манер начинать с наинизшей ступени. Варт, состоя в пажах, научился накрывать стол тремя льняными скатертями, а поверх них еще парчового, и приносить мясо из кухни, и прислуживать сэру Эктору и его гостям, преклоняя одно колено, с

чистым полотенцем через плечо, имея еще по одному на всякого гостя и еще одно, особое, для протирания чаш. Он до тонкостей изучил благородное искусство угождения, и с самого раннего времени, какое он помнил, его нос вдыхал приятные запахи мяты, применяемой для придания свежести воде в умывальных кувшинах, или базилика, ромашки, фенхеля, иссопа, лаванды, коими его научили посыпать тростниковый пол, или ангелики, шафрана, анисового семени и эстрагона, коими приправлялись разносимые им пряные блюда. Поэтому с кухней он был знаком и помимо того обстоятельства, что все обитатели замка приходились ему друзьями, которых он мог навещать во всякое время.

Варт присел, освещенный огромным пламенем, и с удовольствием огляделся вокруг. Он смотрел на длинные вертелы, которые часто поворачивал, когда был помладше, сидя за старой соломенной мишенью, пропитанной водой, чтобы и самому не изжариться, на ложки и черпаки, связки которых можно было мерять ярдами и пользуясь которыми он поливал жаркое. Он смотрел, как идут приготовления к ужину, и рот его наполнялся слюной, — смотрел на кабанью голову с лимоном в зубах и с усами из колотого

миндаля, которую внесут под звуки фанфар, на пирог, спрыснутый кислым яблочным соком, политый густым перченым соусом, с торчащими из него птичьими ножками и пропитанными пряностями листьями, указующими начинку, и на приятнейшего вида сладкую полбу с корицей. «В конце концов, — сказал он себе со вздохом, — быть слугой не так уж и плохо».

— Все вздыхаешь? — спросил невесть откуда взявшийся Мерлин. — Совеем как в тот день, когда мы отправились посмотреть на битву Короля Пеллинора?

— О нет, — ответил Варт. — Или вернее, о да, и по той же самой причине. Но в общем-то я не жалуюсь. Я уверен, что оруженосец из меня выйдет получше, чем из Кэя. Посмотри на шафран, который сыпят в кашу. Он совершенно того же оттенка, что отсветы пламени на мясе над очагом.

— Вот и правильно, — сказал Мерлин. — Одни лишь глупцы стремятся к величию.

— Кэй не захотел рассказать, — сказал Варт, — что происходит, когда посвящают в рыцари. Он говорит, это слишком священное таинство. Так что же происходит при этом?

— Да множество всяческой суеты. Первым делом тебе придется раздеть его и усадить в купель,

завешанную драгоценными драпировками, а затем появятся двое испытанных рыцарей, — сэр Эктор, видимо, пригласит старика Груммора и Короля Пеллинора, — и оба сядут на край купели и примутся подробно рассказывать, каковы идеалы рыцарства. Покончив с этим, они окропят его водой из купели и осенят крестом, после чего ты отведешь его в чистую постель, пообсохнуть. Затем ты облачишь его в платье пустынника и отведешь в часовню, и там он останется, дабы бдеть целую ночь, созерцая свое оружие и читая молитвы. Считается, что это одинокое и страшное бдение, но на самом-то деле не такое уж оно одинокое, потому что все это время рядом с ним просидят викарий и человек, присматривающий за свечами, да еще вооруженный стражник, а возможно, и ты, в качестве оруженосца. Поутру ты проводишь его до постели, чтобы он как следует выспался, — после того, как он исповедается, и выслушает мессу, и поставит свечу с монетой, воткнутой в нее как можно ближе к горящему концу, — а потом, когда все отдохнут, ты опять оденешь его, но уже к обеду — в самое лучшее платье. Перед обедом ты введешь его в залу, где будут в полной готовности ожидать его шпоры и меч, и Король Пеллинор наденет первую шпору,

а сэр Груммор вторую, и затем сэр Эктор опояшет его мечом, и поцелует, и хлопнет по плечу, и скажет: «Будь добрым рыцарем».

— И все?

— Нет. Затем вы снова пойдете в часовню, и Кэй вручит свой меч викарию, а викарий возвратит его Кэю, а после этого наш добрый повар, вон тот, встретит его в дверях и потребует себе в награду его шпоры и промолвит: «Я стану хранить для тебя эти шпоры, и если когда-нибудь ты поступишь не так, как подобает честному рыцарю, тогда смотри, ибо я брошу их в суп».

— И на этом все кончится?

— Все, не считая обеда.

— Вот если бы меня сделали рыцарем, — сказал Варт, мечтательно глядя в огонь, — я бы настоял на том, чтобы совершить бдение в одиночестве, как Хоб со своими ястребами, и я бы молился, чтобы Господь позволил мне самому сразиться со всем мировым злом, так что если бы я победил, зла бы уже не осталось, а если бы я потерпел поражение, кроме меня никто бы не пострадал.

— И ты проявил бы тем самым чрезмерную самонадеянность, — сказал Мерлин, — ибо потерпел бы поражение и пострадал за это.

— Что ж, я бы не стал возражать.

— Правда? Подожди, пока это случится, там и увидишь.

— Почему люди, когда они вырастают, думают не так, как думаю я, юнец?

— Ах милый ты мой, — сказал Мерлин, — смутил ты меня, старика. Не дождаться ли нам, покамест ты сам подрастешь и узнаешь причину?

— По-моему, это не ответ, — резонно заметил Варт.

Мерлин заломил руки.

— Ну хорошо, — сказал он, — а если тебе не позволят в одиночку сражаться со всем мировым злом?

— Ну, попросить-то можно, — сказал Варт.

— Попросить-то можно, — повторил Мерлин.

И сунув в рот конец бороды, он трагически уставился в огонь и начал свирепо ее жевать.

21

День церемонии близился, Королю Пеллинору и сэру Груммору отправили приглашения, Варт все чаще и чаще отсиживался на кухне.

— Послушай, Варт, старина, — сокрушенно сказал сэр Эктор, — не стоит принимать все это так близко к сердцу. Ну что ты дуешься, это тебе не идет.

— Я не дуюсь, — сказал Варт. — Мне не на что жаловаться, и я очень рад, что Кэй собирается стать рыцарем. Пожалуйста, не думайте, будто я дуюсь.

— Ты хороший мальчик, — сказал сэр Эктор. — Я знаю, что ты на самом деле не дуешься, но все же — развеселись. Ты ведь знаешь, Кэй человек по-своему не плохой.

— Кэй замечательный, — сказал Варт. — Мне просто невесело, потому что он, похоже, больше не хочет ходить со мной ни на охоту с соколами, ни куда-либо еще.

— Да молодой он еще, — сказал сэр Эктор. — Все образуется.

— Я в этом не сомневаюсь, — сказал Варт. —

Просто сейчас он не хочет со мной никуда ходить. Вот и я никуда не хожу. Но я пойду, — прибавил Варт. — Стоит ему приказать и я пойду и все выполню в точности. Нет, честное слово, я к Кэю очень хорошо отношусь и ни капельки не дуюсь.

— Выпей-ка вот этот стаканчик Канарского, — сказал сэр Эктор, — да пойди отыщи старину Мерлина, может быть он тебя развеселит.

— Сэр Эктор велел мне выпить стакан Канарского, — сказал Варт, — и отправил к тебе — посмотреть, не сумеешь ли ты меня развеселить.

— Сэр Эктор, — сказал Мерлин, — мудрый человек.

— Ну, — сказал Варт, — так как насчет веселья?

— Самое замечательное в печали то, — сказал Мерлин, окутываясь клубами дыма, — что можно чему-нибудь научиться. Знания — единственное, что никогда не подводит. Ты можешь состариться настолько, что все кости в тебе разболтаются, ты можешь лежать ночи напролет, прислушиваясь к непорядку в своих венах, ты можешь утратить единственную любовь и увидеть, как мир вокруг тебя опустошают злые безумцы, или знать, что честь твою пинками загнали в сточные канавы низких умов. И тогда останется только одно —

учиться. Пытаться понять, почему мир пребывает в движении и что его движет. Это единственное, от чего разум никогда не устает, к чему никогда не охладевает, что никогда не причиняет ему мучений, к чему не питает он страха или недоверия и перед чем не испытывает и тени сожаления. Учиться — больше тебе ничего не нужно. Ты только взгляни, как много на свете такого, что стоило бы изучить — чистая наука, единственное, что есть чистого в мире. Ты можешь потратить целую жизнь на изучение астрономии, три — на естественную историю, шесть — на литературу. И наконец, изведя миллиарды жизненных сроков на биологию и медицину, на богословие, на географию, на историю, на экономику, — ты, наконец-то, сможешь начать выделывать тележные колеса из наиболее подходящей для них древесины или истратить еще лет пятьдесят, изучая начала учения о наилучших способах одоления противника посредством фехтования. А после можно будет приступить к математике и заниматься ею, пока не придет пора изучать землепашество.

А помимо всех этих вещей, — сказал Варт, — чем бы ты предложил мне заняться прямо сейчас?

— Дай поразмыслить, — сказал волшебник, впадая в задумчивость — В нашем распоряжении были на все про все шесть коротеньких лет, и полагаю, я вправе сказать, что за это время ты перебывал самыми разными животными, овощами, минералами и так далее — многими сущностями на земле, в воздухе, в воде и в огне, так?

— О животных и о земле, — сказал Варт, — я знаю не так уж и много.

— Тогда тебе стоит свести знакомство с моим другом барсуком.

— С барсуком мне еще не доводилось встречаться.

— Вот и отлично, — сказал Мерлин. — Если не считать Архимеда, этот барсук — ученейшая среди известных мне тварей. Тебе он понравится

— А кстати, — прибавил волшебник, останавливаясь посреди заклинания, — я тебе должен еще кое-что сказать. Этот раз — последний, больше я ни во что тебя превратить не смогу. Мы истратили все волшебство, отведенное для такого рода вещей, и на этом твое образование завершится. Завершатся и мои труды, едва только Кэй станет рыцарем. Тебе тогда придется покинуть замок, ты станешь оруженосцем, повидаешь белый свет, ну и я тоже отправлюсь в другие места. Как ты

считаешь, ты чему-нибудь научился?

— Я учился и был счастлив.

— Тогда все в порядке, — сказал Мерлин. — Постарайся не забыть того, что узнал.

И он продолжил читать заклинание, наставив палочку из дерева жизни на Малую Медведицу, только-только засветившуюся в тусклом небе, как бы подвешенную за хвостик к Полярной Звезде, и, закончив, весело крикнул: «Приятного препровождения времени в последнем визите. Сердечный поклон Барсуку».

Крик донесся издалека, и Варт очутился рядом с древним курганом, похожим на громадную кротовую кочку, и прямо перед ним в склоне кургана чернела дыра.

— Это жилье барсука, — сказал он себе, — и я должен войти и побеседовать с ним. А я не пойду. Мало того, что мне никогда не придется стать рыцарем, так теперь еще моего собственного, моете любимого наставника, которого я сам отыскал в единственном за всю жизнь Поиске, выпавшем мне на долю, теперь и его у меня отнимают, и конец естественной истории. Ну и отлично, у меня осталась последняя веселая ночь перед вечным проклятием, и поскольку я нынче хищник, я и буду вести себя как хищник, вот так.

И он свирепо заковылял по мерцавшему снегу, ибо стояла зима.

Если ты впал в отчаяние, совсем не плохо стать барсуком. Доводясь родичем медведям, куницам и выдрам, ты окажешься ближайшим из уцелевших в Англии подобием медведя, да притом еще столь толстошкурым, что тебе совершенно все равно, кто тебя кусает. Что же до собственных твоих укусов, то благодаря особому устройству твоих челюстей вывихнуть их практически невозможно, а потому как бы ни выкручивалось существо, в которое ты вцепился зубами, у тебя не будет никаких причин его выпускать. Барсуки принадлежат к немногим тварям, способным равнодушно сжевать ежа, точно так же, как пережевывают они и все остальное — от осиных гнезд и корней до крольчат.

Так получилось, что первым, кто подвернулся Варту, как раз и был спящий ежик.

— Ну-ка ты, колючий поросенок, — сказал Варт, уставясь на свою жертву туманными близорукими глазками. — А вот я тебя съем.

От этих слов ежик, прятавший на животе яркие бусинки глаз и длинный чувствительный носик и украсивший свои иглы довольно безвкусным убранством из высохших листьев, — перед тем

как завалиться в травяное гнездо на зимнюю спячку, — от этих слов ежик проснулся и завизжал самым жалостным образом.

— Чем сильнее ты будешь визжать, поросенок, — сказал Варт, — тем злее я буду скрипеть зубами. Во мне от твоего визга просто кровь закипает.

— Ах, мастер Язвец, — воскликнул ежик, сжимаясь еще плотнее. — Добрый мастер Язвец, яви милосердие бедному ежику, не будь таким тираном. Мы ведь, господин, не из простых ежишек, чтобы нас так запросто сжевать и сшамкать. Поимей жалость, добренький сэр, к безвредному, заеденному блохами селянину, не умеющему сказать, где право, где лево.

— Свиненок, — безжалостно молвил Варт, — визжи не визжи, ничего не поможет.

— Увы, бедная женушка, бедные детки!

— Готов поспорить, что нет у тебя ни того, ни другого. Вылезай-ка оттуда, ты, побродяжка. Приготовься встретить свою судьбу.

— Мастер Язвец, — взмолился несчастный кроха, — не надо, отчего ты такой жестокий, миленький мастер Язвец, утеночек мой. Внемли мольбам горемычного ежика! И ниспошли ему великое благо жизни, а уж он ежик не простой, о

владетельный мастер, и споет он тебе множество сладких песен или научит тебя сосать средь жемчужной росы молоко у коровки.

— Споет? — переспросил пораженный Варт.

— Дак как же не спеть-то! — воскликнул ежик. И торопливо запел, самым умиротворительным тоном, но несколько глуховато, ибо не смел развернуться.

— О, Гиневьева, — скорбно пел он себе в живот, — моя Гиневьева,

Проходят дни -
И нет как нет, -
Но в свете
Памяти чисты,
Чисты те нежные мечты
Давно прошедших лет.

Он спел также, не делая между песнями никаких промежутков, «Дом, милый дом» и «Старый мостик у запруды». Затем, поскольку на этом его репертуар и иссяк, он с торопливой дрожью вобрал побольше воздуху и вновь затянул «Гиневьеву», за которой последовали «Дом, милый дом» и «Старый мостик у запруды».

— Ладно, — сказал Варт, — можешь остановить-

ся. Я не стану тебя кусать.

— Ах, снисходительный господин, — смиренно прошептал еж, — Мы будем благословлять святых и правление нашего края за твои добрейшие челюсти, покамест скачет по свету блоха и вползает расщелиной ежик.

И затем, убоявшись, что это краткое отступление в прозе ожесточит сердце тирана, он в третий раз, задыхаясь, запел «Гиневьеву».

— Да перестань ты петь, — сказал Варт, — ради всего святого. Развернись, я не причиню тебе никакого вреда. Ну же, глупый ежонок, развернись и расскажи мне, кто тебя научил этим песням.

— Развернись — это одно слово, — отвечал дрожащим голосом вовсе не склонный капризничать ежик, — а свернись — совершенно другое. Если ты, господин, увидишь в эту шаткую минуту мой голенький носик, ты, может быть, пожелаешь отодрать его своими белыми зубками, а уж мы понимаем — не все хорошо, что хорошо кусается. Давай лучше мы тебе снова песенку споем, милый мастер Язвец, насчет деревенского мостика.

— Я не хочу ее больше слышать. Ты очень хорошо ноешь, но больше не надо. Да развернись же ты, дурень, и расскажи, где научился петь.

— Мы ежики не простые, — заныл бедолага, оставаясь скрученным так же туго, как прежде. — Нас еще маленьких подобрал один, из благородных, отнял, можно сказать, от материнской груди. Ах, ты ведь не станешь щипать нас за наши нежные члены, возлюбленный мастер Язвец, потому что он был настоящий барин и воспитывал нас, как положено, на коровьем молоке и на прочем, и мы все это лакали из господской посуды. Ах-ах, многим ли ежикам подавали водичку в фарфоровом блюдце, — очень, очень немногим.

— Ничего не понимаю, о чем ты толкуешь, — сказал Варт.

— Так он же был джентльмен, — в отчаянии воскликнул еж, — я же тебе рассказываю. Он взял нас, когда мы были маленькие, и кормил нас до отвала. Настоящий джентльмен, и кормил нас в гостиной, в какой ни один ежик отродясь не бывал и не будет, кормил на господском фарфоре, да, а потом в один ужасный день он нас бросил ни за что ни про что, из одного только коварства, в этом уж будьте уверены.

— А как звали того джентльмена?

— Он был джентльмен, да, такой он и был. У него не было настоящего имени, такого, чтобы

его толком запомнить, но он был джентльмен, вот кто ей был, и он нас кормил на фарфоре.

— А его не Мерлином звали? — спросил с любопытством Варт.

— Ах-ах, вот это самое имя. Настоящее имя, порядочное, только мы его никак выговорить не могли, как ни старались. Да, Мирн, так он себя называл, и он нас кормил на фарфоре, как настоящий порядочный джентльмен.

— Да развернись же ты, — воскликнул Варт. — Я знал человека, с которым ты жил, по-моему, я и тебя видел, ты был еще малюткой и лежал в его домике, обернутый в вату. Ну будет, ежик, прости, что я тебя напугал. Мы с тобою друзья, и я хочу, хотя бы во имя прежних времен, увидеть твой серый, мокрый, подергивающийся нос.

— Подергивающийся нос — это одно название, господин, — ответил, упорствуя, ежик, — а выдернутый — другое. Вы бы лучше шли, добрый мастер Язвец, и позволили бедному селянину малость вздремнуть, — ведь на то и зима. Да посетят тебя мысли о пчелах и меде, любезный барон, и да слетятся ангелы петь над ложем твоего покоя.

— Что за глупости, — воскликнул Варт. — Я не сделаю тебе никакого вреда, я же знал тебя совсем малышом.

— Эти мне барсуки, — промямлила себе в живот несчастная тварь, — вот гуляют они по курганам, не замышляя никакого вреда, да благословит их Бог, а только они же тебя и прищемят, даже и не заметят, и что тогда делать усталому ежу? А все потому, что шкура у них больно толстая, вот ведь дело-то в чем, они же с малолетства и друг друга щиплют, и мамочку, и ничегошеньки не ощущают, — ну, натурально, и привыкают щипать кого ни попадя. Вон и у бедного моего господина, у мастера Мирна, как есть захотят, тут же «ик-ик-ик» и бегут стремглав да хвать его за лодыжки, держал он их маленьких, — а он, святейшая церковь! — как он, бедный, вопил. Да, с ними, с барсуками-то, значит, намаешься, это нам ведомо, как же. И ведь ничего же толком не видит, — добавил еж, прежде чем Варт успел возразить. — Тычется взад-вперед, ну вылитый мохнатый коврик семенит на толстых лапах. А подвернись-ка ему на пути, ну бывает не повезет, так он без всякого злого умысла тебя тут же чик-чик, просто так, с голодухи да сослепу, да из самозащиты, — ну, и что от тебя останется?

— И все, чем мы можем себя защитить, — продолжал ежик, — это дать ему как следует по носу. Смертоносная пятка — вот как они нас зовут в

своих прописях. Дай одному из этих здоровенных полосатиков в нос, бим-бом, вот этак, и резвая жизнь честь по чести летит из него наружу так, что он и засопеть не успеет. Честный нокаут, вот что это такое. Но как может бедный ежик заехать по носу барсуку? Когда ему нечем заехать и нечем от него защититься? Вот тут-то они и приходят к тебе и просят тебя развернуться!

— Можешь не разворачиваться, — сказал решительно Варт. — Прошу прощенья, дружок, что разбудил тебя и что напугал. По-моему, ты замечательный ежик, я даже снова повеселел от беседы с тобой. Спи себе, как спал, пока мы не встретились, а я пойду загляну к моему другу барсуку, как и было мне велено. Спокойной ночи, ежик, удачи тебе в снегах.

— Может, она и будет спокойная, — сварливо пыхтел ежик. — А может, не будет. То ему развернись, то не развернись. Сегодня одно, завтра другое. Охо-хо, ну и мир, никакого порядка. Впрочем, доброй вам ночи, любезные дамы, и тебе, матушка, тоже, пусть приходит град, пусть приходит снег, так и мы найдем продолжение в тех, кто придет за нами.

И с этими словами смиренный зверек свернулся еще туже, чем прежде, поворчал, поскрипел, и

удалился в мир сновидений, настолько же более глубоких, чем наши людские сны, насколько сон продолжительностью в целую зиму длиннее безмолвия одной-единственной ночи.

— Ну что же, — подумал Варт, — ничего не скажешь, он быстро управился со своими неприятностями. Забавно, что он сразу же и заснул. Готов поспорить, что он и не спал-то все это время самое большее наполовину, и толком проснувшись весной, решит, что все это ему приснилось.

С минуту он смотрел на грязный комочек из листьев, травы и блох, плотно свернувшийся в норке, +затем хрюкнул и отправился к барсучьей норе, двигаясь вспять по своим же продолговатым следам по снегу.

— Так, значит, Мерлин прислал тебя, — сказал барсук, — чтобы ты завершил образование. Что ж, я могу научить тебя только двум вещам — рыть землю и любить свой дом. Впрочем, к этому и сводится истинное назначение философии.

— А ты мне покажешь свой дом?

— Обязательно покажу, — сказал барсук, — хотя я, конечно, всем домом не пользуюсь. Дом у меня беспорядочный, старый, для одиночки великоват. Насколько я понимаю, некоторым его частям может быть лет и под тысячу. Нас тут жи-

вет четыре семейства, — кто там, кто сям, — это если брать дом целиком, от чердака до подвала, так мы, случается, и по месяцам не встречаемся. Полагаю, вам, нынешним людям, он должен казаться развалюхой — ну, ничего не попишешь, зато в нем уютно.

Он засеменил по проходам зачарованной норы, переваливаясь с ноги на ногу странноватой барсучьей раскачкой, и белая маска его с черными полосами казалась во мраке лицом привидения.

— Вон по тому коридору, — сказал он, — если тебе хочется вымыть руки.

Барсуки не то, что лисы В их норах имеются особые помещения для отходов, где они складывают ненужные кости и всякий сор, настоящие погреба, имеются также и спальни, которые они держат в особенной чистоте, часто меняя подстилки. Увиденное очаровало Варта. Особенно ему понравились Большая Зала, расположенная в самой середине кургана, — трудно было решить, чем его счесть, колледжем или замком, — и анфилады комнат с запасными выходами, расходящиеся от нее, словно лучи. В Зале этой было, пожалуй, многовато паутины, из-за того, что она служила своего рода общей комнатой, и потому не находилась на попечении какой-либо

из семей, но вид она имела решительно торжественный. Барсук сказал, что это Профессорская. С украшенных панелями стен свисали освещенные сверху забранными в абажуры светляками портреты усопших барсуков, прославленных в свое время ученостью или благочестием. Имелись здесь и величавые кресла с тисненными золотом барсучьими лапками на кордовской коже сидений, — кожа повытерлась — и портрет Основателя над камином. Вокруг камина полукругом стояли кресла, снабженные экранами из красного дерева, коими всякий мог заслонить лицо от яркого пламени, имелась также доска, вроде качелей, по которой графины могли соскальзывать из середины к краям полукруга. В наружном проходе висело несколько черных мантий, вообще все было очень древним.

— В настоящий момент я холостяк, — сказал извиняющимся тоном барсук, когда они добрались до его собственной уютной комнаты с обоями в цветочек, — так что здесь, увы, всего одно кресло. Тебе придется посидеть на кровати. Устраивайся поудобнее, голубчик, пока я буду готовить пунш, и расскажи мне, что творится на белом свете.

— Да в общем все то же самое. Мерлин чувствует себя хорошо, а Кэя на той неделе произведут

в рыцари.

— Интересная церемония.

— Какие у тебя здоровенные лапы, — заметил Варт, посмотрев, как барсук помешивает жидкость ложкой. — Впрочем, и у меня сейчас точно такие же.

И он окинул взглядом свои мускулистые кривоватые лапы. Мощная грудь соединяла пару передних лап, таких же могучих, как задние.

— Это чтобы землю копать, — с удовлетворением сообщило ученое создание. — Я да крот, — полагаю, тому, кто захочет угнаться за нами, придется рыть во всю прыть.

— Я тут снаружи ежика встретил.

— Прямо сейчас? Теперь считается, что ежи переносят свиную лихорадку и эту, знаешь, — болезнь грязных ног.

— А мне он понравился.

— Им присуща своего рода трогательная привлекательность, — печально сказал барсук, — но, боюсь, что я обычно их просто съедаю. Есть что-то неотразимое в том, как похрустывает ежатина.

— Египтяне, — прибавил он, подразумевая цыган, — тоже с удовольствием их едят.

— Мой не развернулся.

— А надо было столкнуть его в воду, тогда бы он

быстро высунул лапки. Ну, иди сюда, пунш готов. Присаживайся у огня и будь как дома.

— Приятно сидеть здесь, когда снаружи ветер и снег.

— Да, приятно. Давай выпьем за то, чтобы Кэю в его рыцарских делах сопутствовала удача,

— Ну что ж, за удачу Кэя.

— За удачу.

— Так, — сказал барсук, со вздохом опуская стакан. — Теперь объясни-ка мне, что это нашло на Мерлина и зачем он прислал тебя ко мне.

— Он что-то говорил насчет знаний, — ответил Варт.

— А, ну что же, если тебя интересуют знания, то ты попал по верному адресу. Только скажи, учеба, она тебе не кажется скучной?

— Кажется иногда, — сказал Варт, — а иногда не кажется. В общем и целом я могу вынести длинную лекцию, если она по естественной истории.

— Я как раз сейчас пишу трактат, — сказал барсук и смущенно откашлялся, показывая, что его просто вынудили упомянуть об этом, — в котором разъясняется, почему Человек стал главным среди животных. Может быть, тебе интересно будет его послушать?

— Я его, видишь ли, собираюсь представить

на соискание докторской степени, — поспешно добавил барсук, опасаясь, что Варт запротестует. Ему представлялось так мало шансов прочитать кому-нибудь свой труд, что он просто не мог упустить такую возможность.

— Буду очень благодарен, — сказал Варт.

— Тебе от него будет польза, голубчик. Нужно, конечно, изучать и птиц, и рыб, и животных, но заканчивать следует Человеком. Как удачно, что ты пришел! Так, куда же я, к черту, засунул рукопись?

И старый джентльмен принялся скрести вокруг своими большими когтями, пока не отыскал замызганную стопку страниц, один из углов которой уже был использован для растопки. Затем он уселся в свое кожаное кресло с глубокой вмятиной посередке, прикрыл макушку домашней шапочкой с кистью и извлек откуда-то пару особразных очков, каковые и пристроил на кончике носа.

— Гм, — сказал вслед за этим барсук. Робость тут же сковала его, он уставился на свои бумажки, покраснел и никак не мог приступить к чтению.

— Ну что же ты? — сказал Варт.

— Тут пока не все гладко, — застенчиво объяснил барсук. — Понимаешь, это просто грубый

набросок. Прежде чем отослать его, я еще многое переменю.

— Я все равно уверен, что он должен быть интересным.

— Да нет, что уж тут интересного. Так, случайные мысли, я набросал их в случайно освободившиеся полчаса, просто чтобы убить время Ну, во всяком случае, начинается это так.

— Г-гм! — сказал барсук. И принялся со всевозможной поспешностью читать трактат невозможно высоким фальцетом.

«Часто задают довольно праздный вопрос: с чего начался процесс эволюции — с курицы или с яйца? Было ли в начале яйцо, из которого вылупилась первая курица, или это курица сначала снесла яйцо? Я позволю себе утверждать, что первым создано было яйцо.

Когда Бог сотворил все яйца, из которых со временем следовало народиться рыбам, и змеям, и птицам, и млекопитающим, и даже утконосам, он призвал к Себе эмбрионов и увидел, что они хороши».

— Возможно, мне следует пояснить, — добавил барсук, нервно опуская бумаги и поверх них глядя на Варта, — что *все эмбрионы выглядят почти одинаково.* Эмбрион — это то, что ты есть до того,

как родиться, — и неважно, кем ты намереваешься стать: головастиком или фазаном, гирафой или человеком, — в эмбрионах ты выглядишь довольно противным и беспомощным существом. Дальше у меня так:

«Эмбрионы выстроились перед Богом, вежливо сложив на животиках слабые ручки и уважительно свесив тяжеловатые головы, и Бог обратился к ним.

Бог сказал: «Ну что ж, эмбрионы, вот все вы здесь, выглядите все совершенно одинаково, и теперь Мы намереваемся предоставить вам выбрать, кем вы желаете стать. Когда вы повзрослеете, вы, безусловно, станете покрупнее, однако Нам будет приятно пожаловать вас еще одним даром. Вы можете ныне заменить какую угодно часть своего существа на любое приспособление, какое представится вам полезным в вашей дальнейшей жизни. Например, в настоящем своем положении вы неспособны рыться в земле. И вот всякому, кто предпочитает обратить свои лапы в пару лопат или в садовые грабли, дозволяется это сделать. Или, другой пример, ныне вы можете пользоваться ртом исключительно для еды. Любому, кто пожелает превратить свой рот в оружие нападения, довольно лишь попросить, и он пре-

вратится в крюкорыла или в саблезубого тигра. Теперь же подходите по одному и выбирайте себе орудия. Помните, впрочем, что по выбранному и произрастете да такими вовек и останетесь».

Все эмбрионы обдумали предмет с положенным вежеством, а затем принялись один за одним подступать к престолу вечности. Им дозволялось избрать две или три специализации, и некоторые предпочли использовать лапы для полета, а рты в виде оружия, или в виде щипцов для ореха, или в виде сверл, а то и ложек, иные же обратили тела свои в лодки, а лапы в весла. Мы, барсуки, крепко подумали и решились просить о даровании трех благ. Мы пожелали обратить наши шкуры в щиты, пасти в оружие, а лапы в садовые грабли. И все эти блага мы получили. Всякий специализировался на свой манер, и кое-кто на довольно странный. Скажем, одна пустынная ящерка надумала все свое тело обратить в промокашку, а некая жаба, живущая среди замученных жаждою антиподов, просто превратилась в бутылку с водой.

Подача прошений и раздача даров заняли два долгих дня, — пятый и шестой, насколько я помню, — и под самый конец дня шестого, как раз перед тем, как настало время закрываться на

воскресенье, со всеми эмбрионами, кроме одного, было покончено. Этим эмбрионом был Человек.

— Итак, Наш маленький человечек, — сказал Бог, — ты прождал до последнего, все откладывая решение, и Мы уверены, что все это время ты напряженно думал. Что можем Мы для тебя сделать?

— С Твоего разрешения, Боже, — сказал эмбрион, — я думаю, что у Тебя имелись причины, лучше всего ведомые Тебе самому, сотворить меня в нынешнем виде, и изменять этот вид было бы дерзостью с моей стороны. Если мне дозволяется выбор, я предпочел бы остаться таким, какой есть. Я бы не стал заменять ни единой из данных Тобою частей моего тела на иные и, несомненно, менее удачные части, а остался бы на всю мою жизнь беззащитным эмбрионом, пытающимся по мере сил самостоятельно изготовить пару-другую жалких приспособлений из дерева, железа и иных материалов, каковые Ты сочтешь уместным мне предоставить. Если мне понадобится лодка, я постараюсь построить ее из деревьев, а захочу летать — сооружу колесницу, которая будет делать это для меня. Может быть, я и совершаю немалую глупость, отвергая удобства, кои Ты в доброте Своей мне предлагаешь, но я поста-

рался все обдумать по возможности тщательно и надеюсь, что это ничтожное решение существа столь малого и невинного будет встречено Тобой с благосклонностью.

— Отменно сказано, — довольным тоном воскликнул Творец. — А ну-ка вы, эмбрионы, подойдите сюда с вашими клювами и прочими штучками, посмотрите на Нашего первого Человека. Вот единственный, кто разрешил Нашу загадку, единый из всех вас, и Мы с великой радостью назначаем его Владыкой над всеми Птицами Небесными, и над Зверями Земными, и над Рыбами Морскими. Теперь же пусть все остальные идут любиться и размножаться, ибв настало время закончить труды и передохнуть. Что до тебя, Человече, то ты во всю свою жизнь будешь нагим орудием, хотя будешь и сам прибегать к иным орудиям. И до самой могилы ты так и будешь выглядеть эмбрионом, но перед мощью твоей все прочие станут как эмбрионы. Навеки недоразвившийся, ты навсегда сохранишь в себе зерно Нашего образа, способность видеть некоторые из Наших печалей и испытывать некоторые из Наших радостей. Нам отчасти жалко тебя, Человек, но отчасти Мы на тебя и надеемся. Теперь же беги, и старайся там, как только сможешь. Да,

и вот еще что, Человек, покамест ты не ушел.

— Слушаю, — сказал Адам, возвращаясь.

— Мы только хотели сказать, — застенчиво молвил Бог, стискивая ладони. — Да, так вот, Мы как раз хотели сказать: Да благословит тебя Бог.

— Хорошая история, — неуверенно молвил Варт. — Она мне нравится больше той, что рассказывал Мерлин про Равви. И еще она интересная

Барсук до того смутился, что жалко было смотреть.

— Нет, голубчик, нет. Ты преувеличиваешь. Так, небольшая притча, и то еще в лучшем случае. К тому же, боюсь, она немножко слишком оптимистична.

— Как это?

— Ну, вот видишь ли, верно, конечно, что человек — Владыка над всеми животными и самый могучий из них, — если подразумевать под этим самого страшного, — но в последнее время я иногда сомневаюсь, так ли уж он благословен.

— Сэр Эктор не кажется мне особенно страшным.

— И однако, если даже сэр Эктор выйдет прогуляться вдоль речки, не только птицы разлетятся прочь от него и звери кинутся врассыпную, но даже рыбы метнутся к другом берегу. Завидев

друг друга, они так не делают.

— Но человек ведь — царь над всеми зверьми.

— Возможно. Или лучше сказать — тиран? К тому же еще необходимо признать, что у него множество пороков.

— У Короля Пеллинора их вовсе не много.

— Однако, если Король Утер объявит войну, Пеллинор на нее пойдет. Ты знаешь, что Homo sapiens — это почти единственное животное, ведущее войны?

— Муравьи тоже воюют.

— Голубчик, не говори так вот походя: «Муравьи тоже воюют». Муравьев существует больше четырех тысяч разновидностей, и среди них я могу насчитать лишь пяток агрессивных. Пять муравьев, один, насколько я знаю, термит — и Человек.

— Но ведь стаи волков из Дикого Леса каждую зиму режут наших овец,

— Волки и овцы, друг мой, принадлежат к разным видам. А настоящие войны ведутся между сообществами, принадлежащими к одному и тому же виду. Среди сотен тысяч видов я могу начесть только семь агрессивных. Даже среди Человеков имеется несколько разновидностей — эскимосы, скажем, цыгане, саами и кое-ка-

кие кочевники в Аравии, — которые не воюют, потому что не проводят границ. В Природе войны встречаются реже, чем каннибальство. Тебе это не кажется неудачным стечением обстоятельств?

— Лично я, — сказал Варт, — с удовольствием отправился бы на войну, если б меня сделали рыцарем. Мне по душе трубы, знамена, сверканье доспехов и отчаянные атаки. И, конечно, я бы хотел совершить великие подвиги, быть отважным и победить свои страхи. Ведь есть же в войне отвага, и стойкость, и любовь между товарищами, а, барсук?

Ученое животное долго думало, глядя в огонь. В конце концов оно, как видно, решило сменить тему.

— А кто тебе больше понравился, — спросило оно, — муравьи или дикие гуси?

22

В канун торжественного уик-энда появился Король Пеллинор, пребывавший в состоянии крайнего возбуждения.

— Ну, я вам скажу! — вскрикивал он. — Вы знаете? Слышали? Это секрет, что?

— Что секрет, что? — спросили они у него.

— Да как же, Король, — кричало его величество. — Знаете насчет Короля?

— А что такое с Королем? — поинтересовался сэр Эктор. — Уж не хотите ли вы сказать, что он собирается к нам, поохотиться с этими его чертовыми гончими или еще что-нибудь такое?

— Он умер, — трагически вскричал Король Пеллинор. — Умер, бедняга, и охотиться больше не может.

Сэр Груммор уважительно встал и обнажил главу.

— Король умер, — сказал он. — Да здравствует Король.

Все остальные почувствовали, что им тоже следует встать, а няня мальчиков залилась слезами.

— Вот горе, так горе, — рыдала она. — Их вер-

ноподданное высочество померли, а какой был уважительный господин. Сколько ихних раскрашенных портретов я вырезала из иллюстрированных молитвенников и приклеила над камином. С того самого времени, как он был совсем молоденький и все разъезжал по свету, осматривая замки, и потом, когда он выиграл конкурс на звание «Принц Очарование» и посещал зоны бедствий, не было такой картинки с ним, которую б я не вырезала, да, и я всегда думала о нем перед сном.

— Нянюшка, угомонитесь, — сказал сэр Эктор.

— Торжественный момент, ведь так? — сказал Король Пеллинор, — что? Утер Завоеватель, 1066 — 1216.

— Торжественная минута, — сказал сэр Грумор. — Король мертв. Да здравствует Король.

— Нам следует опустить шторы, — сказал Кэй, всегдашний приверженец должных формальностей, — и приспустить флаги.

— Это верно, — сказал сэр Эктор. — Кто-нибудь, сбегайте, скажите сержанту.

Очевидно, выполнять это распоряжение надлежало Варту, ибо из присутствовавших людей благородного звания он был самым младшим, — и Варт весело побежал на поиски сержанта.

Оставшиеся в башенном покое вскоре услышали голос, оравший: «А ну, раз-два, особый траур по его покойному величеству, по команде „два“ опускаем!», а затем плеск штандартов, знамен, вымпелов, флагов, флажков, лозунгов и эмблем, кои делали столь веселыми белоснежные башенки Замка Дикого Леса.

— Как вы об этом прослышали? — спросил сэр Эктор.

— Продирался, понимаете, прилеском за своей Зверюгой, и повстречал важного такого монаха-бенедиктинца, он мне и рассказал. Самая последняя новость.

— Бедный старик Пендрагон, — сказал сэр Эктор.

— Король умер, — важно возгласил сэр Груммор. — Да здравствует Король.

— Замечательно, конечно, что вы все время говорите об этом, дражайший Груммор, — раздражительно воскликнул Король Пеллинор, — но кто этот Король, что? — кто да здравствует-то, что? — о ком вы толкуете?

— Ну как же, его наследник, — ответил несколько озадаченный сэр Груммор.

— У нашего благословенного монарха, — слезливо сказала нянюшка, — не было никакого

наследника. Это всякий знает, кто изучал верноподданное семейство.

— Господи помилуй! — воскликнул сэр Эктор. — Но ближайший-то родственник у него же ведь должен быть?

— Так в том-то и дело! — чрезвычайно возбудившись, закричал Король Пеллинор. — Это самое волнующее и есть, что? Ни наследника, ни ближайшего сородича, а трон кому же наследовать? Потому-то мой монах и тревожился, что? Потому все время и спрашивал, а кто же наследовать будет, что, а? Что?

— Вы что, хотите сказать, — гневно воскликнул сэр Груммор, — что в нашей Волшебной Стране больше нет Короля?

— Ни вот столечка, — закричал Король Пеллинор, чувствуя, какую он принес важную весть. — Зато появились знамения и чудеса всякого рода.

— По-моему, это скандал, — сказал сэр Груммор. — Бог ее знает, до чего докатилась несчастная старая страна. А всё эти лолларды и коммунисты, нисколько не сомневаюсь.

— Какие знамения и чудеса? — спросил сэр Эктор.

— Да, так вот, там в одной церкви появился такой меч, и он в камне. Ну, то есть не совсем в

церкви, понимаете? а рядом с церковью, и не так чтобы в камне, что? Но в этом роде, вот так вот можно сказать.

— Куда смотрит Церковь, не понимаю, — сказал сэр Груммор.

— И все это в наковальне, — объяснил Король.

— Церковь?

— Нет, меч.

— Но вы, вроде, сказали, что он был в камне?

— Нет, — сказал Король Пеллинор, — камень около церкви.

— Послушайте, Пеллинор, — сказал сэр Эктор, — вам нужно немного отдохнуть, старина, и начать все сначала. Ну-ка, выпейте вот этот рог меда и успокойтесь.

— Меч, — сказал Король Пеллинор, — торчит из наковальни, которая стоит на камне. Он проходит сквозь наковальню и прямо в камень. Наковальня прилипла к камню. Камень стоит около церкви. Налейте мне еще меду.

— Ну и не вижу тут никакого чуда, — заметил сэр Груммор. — Чудо в другом, — как они допускают такие вещи. Впрочем, в наши дни, когда вокруг сплошные агенты саксов, ни за что нельзя поручиться.

— Друг вы мой разлюбезный, — вскричал Пел-

линор, снова приходя в возбуждение, — дело же не в том, где стоит камень, что? — я же вам объясняю, а в том, что на нем написано, вот же в чем дело-то!

— На чем?

— Да на рукояти!

— Знаете, Пеллинор, — сказал сэр Эктор, — Вы просто посидите с минуту спокойно, лицом к стене, а потом вы нам все расскажете, о чем это вы тут толковали. Вы, главное, старина, успокойтесь. Не надо спешить. Посидите, посмотрите на стену, будьте умницей, а потом начинайте рассказывать, но только как можно медленнее.

— Там есть слова, написанные на этом мече, который торчит в этом камне, который стоит около этой церкви, — жалобно закричал Король Пеллинор, — и слова эти такие… Ох, да попытайтесь же вы меня выслушать, вместо того чтобы все время перебивать по пустякам, у меня уже голова от вас закружилась.

— Так какие это слова? — спросил Кэй.

— А слова такие, — сказал Король Пеллинор, — насколько я понял того старика-монаха из серого ордена.

— Ну, продолжайте, — сказал Кэй, ибо Король Пеллинор вдруг замолчал.

— Продолжайте, — сказал сэр Эктор, — что там за слова на том мече в той наковальне на том камне около той церкви, говорите.

— Какая-нибудь красная пропаганда, не сомневаюсь, — заметил сэр Груммор.

Король Пеллинор плотно зажмурил глаза, протянул в обе стороны руки и объявил, каждое слово с заглавной буквы: «Кто Вытащит Меч Сей из Камня Сего и из Наковальни, Тот Есть по Праву Рождения Король над Всей Землею Английской».

— Это кто же сказал? — спросил сэр Груммор.

— Так меч, я же вам рассказываю.

— Разговорчивое оружие, — скептически заметил сэр Груммор.

— Да написано это на нем, — сердито вскричал Король, — написано, золотыми буквами.

— Ну, и чего ж вы его не вытащили? — спросил сэр Груммор.

— Так я же вам говорю, что меня там и не было. Все, что я вам рассказал, мне рассказал монах, про которого я вам рассказал, ведь я же вам рассказываю.

— И что, вытащили уже этот меч с письменами? — осведомился сэр Эктор.

— Нет, — театрально зашептал Король Пеллинор. — Это-то самое волнующее и есть. Не могут

они его вытащить, хоть все уже пробовали, — так, в шутку, — а потому решили объявить по всей Англии, что в день Нового Года будет устроен турнир, и тот, кто явится на турнир и сумеет вытащить меч, тот и может на веки вечные стать Королем над всей Англией, что? О том я и говорю.

— Отец! — вскричал Кэй. — Человек, который вытащит меч из камня, станет Королем Англии. Отец, может, нам поехать на этот турнир, попытать счастья?

— И думать нечего, — сказал сэр Эктор.

— Дорога до Лондона долгая, — сказал, покачав головой, сэр Груммор.

— Мой отец туда как-то ездил, — сказал Король Пеллинор.

А Кэй сказал:

— Ох, да почему же мы не можем поехать? Когда меня посвятят в рыцари, мне ведь нужно будет отправиться на какой-нибудь турнир, а этот назначен как раз ко времени. Там же будут все лучшие люди, и мы сможем увидеть прославленных рыцарей и великих королей. Дело не в мече, конечно, но ты подумай о турнире, может быть, величайшем, который когда-либо проводился в Стране Волшебства, подумай, сколько всего мы

сможем увидеть и сделать. Отец, милый, если ты меня любишь, позволь мне отправиться на этот турнир, чтобы я мог добыть на нем главный приз, ведь это будет первый мой бой.

— Но Кэй, — сказал сэр Эктор, — я и в Лондоне-то никогда не был.

— Тем больше причин поехать. По-моему, всякий, кто не выходит на такие турниры, просто доказывает, что в жилах его не течет благородная кровь. Подумай, что скажут о нас люди, если мы не поедем и не попытаем счастья с этим мечом. Они скажут, что сэр Эктор слишком низок рождением и понимает, что шансов у него никаких.

— А мы все и так знаем, что у нашего рода нет никаких шансов, — сказал сэр Эктор, — то есть, по части меча.

— Людей в Лондоне полным-полно, — сказал сэр Груммор, в голове у которого забрезжило робкое предвкушение. — Так говорят.

Он глубоко вздохнул и выкатил на хозяина замка глаза, вроде мраморных шариков.

— А магазинов! — внезапно добавил Король Пеллинор, тоже тяжело задышав.

— Будь я проклят! — вскричал сэр Эктор, так хватив рогом о стол, что брызги полетели. — Тогда поехали все в Лондон, хоть посмотрим на

нового Короля!

И все поднялись, как один человек.

— Что же, я хуже отца, что ли? — воскликнул Король Пеллинор.

— Черт подери! — вскричал сэр Груммор. — В конце концов, пропади оно пропадом, все-таки это столица!

— Ура! — завопил Кэй.

— Господь милостив, — сказала няня.

В эту минуту вошел вместе с Мерлином Варт, но все были слишком возбуждены, чтобы заметить, что Варт, не будь он уже таким взрослым, пожалуй, сейчас бы не сдержал слез.

— А, Варт, — закричал Кэй, забыв на мгновение, что обращается всего лишь к оруженосцу, и вновь воротясь к детской их фамильярности. — Представляешь? Мы все собираемся в Лондон, на большой турнир в день Нового Года!

— Вот как?

— Да, и ты понесешь мой щит и копья для поединка, а я всех одолею и стану великим рыцарем!

— Ну что же, я рад, что мы все туда собираемся, — сказал Варт, — потому что и Мерлин тоже от нас уезжает.

— Да Мерлин нам и не понадобится.

— Он уезжает от нас, — повторил Варт.

— Уезжает? — переспросил сэр Эктор. — Постойте, это вроде бы мы все собрались уезжать.

— Он намерен покинуть Замок Дикого Леса. Сэр Эктор сказал:

— Погодите-ка, Мерлин, о чем это он? Ни слова не понимаю.

— Я пришел попрощаться, сэр Эктор, — сказал старый волшебник. — Завтра мой ученик Кэй будет посвящен в рыцари, а на следующей неделе другой мой ученик уедет отсюда как его оруженосец. Больше от меня здесь никакой пользы не будет, пора уходить.

— Ну, ну, не надо так говорить, — сказал сэр Эктор. — Я считаю вас очень полезным малым, что бы ни произошло. Оставайтесь и учите меня или станьте библиотекарем или еще кем-нибудь. Не бросите же вы старика в одиночестве после того, как дети разлетятся.

— Мы все еще встретимся, — сказал Мерлин, — так что печалиться не о чем.

— Не уходи, — сказал Кэй.

— Я должен уйти, — ответил его наставник. — Мы прекрасно проводили здесь время, пока были молоды, но Время летит, это в его природе. Существует множество дел в иных частях королевства,

которыми мне следует заняться прямо сейчас, для меня настает пора особенно хлопотная. Ну, Архимед, скажи обществу до свидания.

— До свидания, — нежно сказал Архимед, обращаясь к Варту.

— До свидания, — сказал Варт, не поднимая глаз.

— Но вы же не можете так вот уйти, — воскликнул сэр Эктор, — вы обязаны были известить меня за месяц вперед!

— Не могу? — ответил Мерлин, принимая позу, к которой всегда прибегают философы, намереваясь растаять в воздухе.

Он приподнялся на носки (Архимед покрепче вцепился ему в плечо) и начал вращаться, словно волчок, — сначала медленно, потом все быстрее, быстрее, пока не обратился в расплывчатый серый свет, — и через несколько секунд ни его, ни Архимеда не было и следа.

— До свидания, Варт, — прокричали за окном башенного покоя два еле слышных голоса.

— До свидания, — в последний раз вымолвил Варт — и торопливо вышел из комнаты.

23

Посвящение в рыцари прошло в суматохе приготовлений. Пышную купальню Кэя пришлось установить в кладовке между двумя вешалками для полотенец и старым сундуком с любимыми игрушками, содержавшем лохматую соломенную мишень для дротиков, — в те времена она называлась «флешкой», — потому что все остальные комнаты загромождали уложенные в дорогу пожитки. Няня все это время сооружала для всей компании новые теплые штаны, — исходя из того, что погода в любых краях вне пределов Дикого Леса изменчива до крайности, что же до сержанта, он полировал доспехи, пока они едва не стали ломаться у него в руках, а мечи доострил до того, что от клинков и половины не осталось.

И вот, наконец-то, настало время трогаться в путь.

Если тебе не выпало счастье жить в Старой Англии двенадцатого века, — или когда там случилась вся эта история, — да при этом еще в отдаленном замке на краю Порубежья, ты, может быть, затруднишься представить себе все чудеса

их путешествия.

Дорога, или тракт, большей частью тянулась грядой высоких холмов или безлесых взгорий, и по обе стороны от путников расстилались внизу пустынные болота, где вздыхали под снегом тростники, и потрескивал лед, и на красной заре разносилось по зимнему воздуху громкое кряканье уток. И так по всей стране. Порой по одну сторону от гряды расстилались вересковые пустоши, а по другую — сотни тысяч акров леса, в котором огромные ветви гнулись под бременем снега. Порой они различали тонкую струйку дыма среди деревьев или горстку построек далеко в бесстрастных тростниках, а два раза наезжали на вполне почтенные города, способные похвастаться несколькими харчевнями, но в целом это была Англия, не тронутая цивилизацией. Вдоль самых лучших дорог на расстоянии полета стрелы были устранены любого рода укрытия, дабы не прирезали путника затаившиеся лиходеи.

Спали они где придется — иногда в хижине какого-нибудь землепашца, способной их приютить, иногда в замке собрата-рыцаря, пригласившего их отдохнуть, иногда у простого очага, среди блох, в маленькой грязной лачуге, перед которой торчал кол с привязанным к нему

кустом, — такова была в те времена обычная вывеска постоялых дворов — а раз или два и под открытым небом, поплотнее стеснившись для сохраненья тепла, окруженные жующими конями. И где бы они ни шли, и где бы ни спали, восточный ветер свистел в тростниках, и в звездном свете высоко проносились дикие гуси, приветствуя криком светила.

Лондон был переполнен. Не будь сэр Эктор счастливым обладателем небольшого участка земли на Пирожной улице, на коем стоял приличный постоялый двор, навряд ли удалось бы им отыскать пристанище. Но сэр Эктор был таковым обладателем, и собственно говоря, большая часть его доходов проистекала именно из этого источника, так что им удалось получить на пятерых три постели. И они сочли это удачей.

В первый день турнира сэр Кэй заставил их отправиться к арене по меньшей мере за час до времени, когда могло начаться единоборство. Он всю ночь пролежал без сна, воображая, как посшибает лучших баронов Англии, и не смог даже позавтракать. Теперь он, бледный, ехал верхом во главе кавалькады, и Варту хотелось сделать что-нибудь такое, что могло бы его успокоить.

Провинциалов, только и знавших, что запу-

щенную турнирную площадку близ замка сэра Эктора, сцена, открывшаяся их глазам, зачаровала. Перед ними лежало что-то вроде огромной зеленой котловины, размером с футбольное поле. Она уходила вглубь футов на десять от поверхности земли, имела наклонные скаты, и снег с нее был сметен. Травяной покров согревали соломой, убранной только этим утром, теперь средь белого ландшафта сверкала зеленью свежая трава. Вокруг арены расстилался мир, наполненный красками, столь ослепительными, подвижными и мерцающими, что хотелось закрыть глаза. Деревянные трибуны были расписаны алым и белым. Однотонные и клетчатые шелковые шатры знаменитостей, разбитые вкруг арены, пестрели лазурью, зеленью и шафраном. Куда ни глянь, развевались на резком ветру вымпелы и флажки, отливая всеми цветами радуги, вытягиваясь и хлопая на древках, а барьер, установленный в середине самой арены, был выкрашен в черно-белую шахматную клетку. Бойцы и их друзья по большей части пока еще не появились, но и глядя на тех, кто уже подъехал, можно было представить себе, как эти люди обратят арену в подобие цветочной поляны, как вспыхнут доспехи, как запляшут на ветру вырезные рукава герольдов,

когда они поднимут к губам медные трубы, чтоб сотрясти пушистые зимние тучи фанфарами и весельем.

— Боже правый! — вскричал сэр Кэй. — Я же меч дома забыл!

— Без меча к поединкам не допускают, — сказал сэр Груммор. — Тут правила строгие.

— . Ты бы лучше сходил за ним, — сказал сэр Эктор. — Время у тебя есть.

— Оруженосец сходит, — сказал сэр Кэй. — Это надо же так обмишуриться! Эй, сквайр, беги поскорее в гостиницу да принеси сюда мой меч. Успеешь вовремя, получишь шиллинг.

Варт побледнел не хуже сэра Кэя, и лицо у него стало такое, словно он его сейчас пришибет. Тем не менее он сказал: «Будет сделано, господин», развернул своего иноходца навстречу людям, стекавшимся к арене, и принялся старательно прокладывать себе дорогу к постоялому двору.

— Деньги он мне посулил! — безмолвно кричал Варт. — Снизошел до жалкого дурачка с высот своего боевого коня, удостоил взгляда и даже сквайром назвал! О Мерлин, дай мне терпения с этой скотиной, не допусти, чтобы я швырнул его грязный шиллинг ему в лицо!

Когда он добрался до гостиницы, та оказалась

закрытой. Каждому не терпелось увидеть знаменитый турнир, и вся прислуга отправилась вслед за толпой. Времена были беззаконные, и оставлять свой дом без присмотра было небезопасно, — как, собственно, и спать в нем, — если вы не были совершенно уверены в его неприступности. Деревянные ставни, покрывавшие окна первого этажа, имели в толщину два дюйма, а на дверях красовались двойные засовы.

— Ну, и что же мне теперь делать, — спросил Варт, — чтоб заработать мой шиллинг?

С сокрушением осмотрел он закрытую наглухо гостиничку и внезапно его разобрал смех.

— Бедный Кэй, — говорил он. — Все эти глупости насчет шиллинга сказаны им лишь с перепугу да от отчаяния, и теперь у него появилась для того порядочная причина. Ну что ж, хоть какой-нибудь меч он получить должен, даже если мне придется ради него вломиться в Лондонский Тауэр.

— Откуда они тут берут мечи? — продолжал он. — Где бы мне его свистнуть? Смогу ли я, даже сидя верхом на полудохлом иноходце, взять на испуг какого-нибудь рыцаря и силой отнять у него оружие? В таком огромном городе должны же быть кузнецы и оружейники, чьи лавки еще

открыты.

Он развернул коня и затрусил вдоль улицы. В конце ее помещался тихий погост, и что-то вроде скверика было разбито перед дверью церкви. Посреди скверика лежал тяжкий камень со стоящей на нем наковальней, из наковальни торчал красивый новенький меч.

— Так, — сказал Варт. — Похоже, тут какой-то военный мемориал, но, думаю, сойдет. Наверняка никто не стал бы сердиться на Кэя из-за военного мемориала, если бы знал, в каком он отчаянном положении.

Он привязал поводья к столбу кладбищенских ворот, прошел по гравиевой дорожке и взялся за меч.

— Выйди, меч, — сказал он. — Прошу тебя о снисхождении. Выйди, послужи доброму делу.

— Удивительно, — сказал Варт. — Какое-то странное чувство возникает, едва я касаюсь этого меча, и видеть я вдруг начинаю гораздо яснее. Как красивы горгульи на церкви и монастыре, при котором она стоит. Как величаво колышутся прославленные знамена в приделе. С каким благородством возносит тот тис красные чешуйки своего ствола, восхваляя Бога. Как чист снег. И пахнет тут чем-то похожим на пиретрум и эглан-

терию, — и что такое мне слышится, музыка?

То была действительно музыка — то ли флейты Пана играли, то ли фонографы, и свет на погосте был столь ясен и не слепящ, что можно было бы разглядеть за двадцать ярдов иголку.

— Странное место, — сказал Варт. — Здесь где-то есть люди. О люди, чего вы хотите?

Никто не ответил ему, лишь играла громкая музыка, и лился прекрасный свет.

— Люди, — крикнул Варт, — я должен взять этот меч. Не для себя, для Кэя. Я верну его назад.

Ответа не было, Варт повернулся к наковальне. Он увидел золотые буквы, но не стал их читать, увидел самоцветы на рукояти, вспыхивающие в чудесном свете.

— Выйди же, меч, — сказал Варт.

Обеими руками он взялся за перекладины, напрягся. Фонографы запели в мелодичном согласии, однако ничто не шелохнулось.

Когда перекладины меча стали впиваться в ладони, Варт выпустил их, и отступил, глядя на звезды.

— Хорошо его закрепили, — сказал он.

Он снова взялся за меч и потянул изо всей мочи.

Музыка заиграла громче, и свет над кладби-

щем заблистал подобием аметиста, но меч не подался.

— О Мерлин, — восклинул Варт, — помоги мне добыть это оружие.

Послышался шелестящий гул, сопровождаемый долгим аккордом. По всему погосту возникли вдруг сотни старых друзей. Все разом, словно призраки Панча и Джуди из незапамятных дней, они появились из-за церковной ограды, и были средь них барсуки, соловьи, и простые коровы, и зайцы, и дикие гуси, и соколы, и собаки, и рыбы, щеголеватые единороги и осы-отшельницы, крюкорылы и ежики, и грифоны, и тысячи прочих животных, которых он когда-либо знал. Они маячили над церковной стеной, друзья и помощники Варта, и важно, по очереди говорили свое. Одни сошли с церковных знамен, другие вылезли из гербов, кто-то явился из вод, с небес, из окрестных полей, — но все, вплоть до крохотной землеройки, пришли помочь, потому что любили его. И Варт ощутил, как сила его возрастает.

— Работай спиной, — сказал Лука (или Щука?) с одного из гербовых знамен, — как в тот раз, когда я хотел тебя проглотить. Помни, что сила исходит из основанья затылка.

— Да не забудь и передние лапы, — попросил

важный барсук, — каковые скрепляются грудью. Вперед, милый мой эмбрион, найди для себя орудие.

Дербник, сидевший на самой верхушке тиса, вскричал;

— А ну, Капитан Варт, каков есть первый закон ноги? Вроде, я где-то когда-то слышал такие слова: «Не пущать»?

— Работай, работай, не замирай, словно дятел, — любовно покрикивала неясыть. — Постоянство усилий, утеночек, и ты его одолеешь.

И белогрудка сказала:

— Ну что же ты, Варт, уж если ты смог однажды пролететь над огромным Северным морем, неужели же тебе не по силам скоординировать пару маленьких крыловидных мышц? Собери воедино телесные силы с силами духа, и меч выйдет наружу, как будто из масла. Вперед, Homo sapiens, ибо все мы, твои друзья, ждем только повода, чтобы крикнуть «ура!».

И Варт в третий раз приблизился к огромному мечу. Ласково возложил он на меч правую руку и вынул его, легко, как из ножен.

Вокруг разливались веселые вопли и шум, словно никак не могла перестать играть шарманка. После долгих поисков Варт нашел среди этого

гомона Кэя и вручил ему меч. Люди, собравшиеся на турнир, галдели ужасно.

— Но это не мой меч, — сказал сэр Кэй.

— Другого достать не смог, — ответил Варт. — Постоялый двор на запоре.

— Красивый меч. Где ты его раздобыл?

— Нашел, — он торчал из камня около церкви.

Сэр Кэй нервно наблюдал поединок, дожидаясь своей очереди. Он не уделил большого внимания словам своего оруженосца.

— Странное место для меча, — сказал он.

— Да, торчит себе из наковальни.

— Что? — закричал сэр Кэй, вдруг повернувшись к нему. — Разве ты не сказал перед этим, что меч торчал из камня?

— Из камня тоже, — ответил Варт. — Там какой-то военный мемориал.

Несколько секунд сэр Кэй изумленно глядел на него, потом открыл рот, снова закрыл, облизал губы и, развернувшись, рванулся через толпу. Он искал сэра Эктора, и Варт следовал за ним по пятам.

— Отец, — крикнул сэр Кэй, — подойди сюда на минуту.

— Да, мой мальчик, — сказал сэр Эктор. — Роскошно умеют падать эти профессионалы. Ну, в

чем дело, Кэй? Почему ты белый как полотно?

— Ты помнишь про тот меч, который должен вытащить Король Англии?

— Да.

— Ну так вот он. Он у меня. В моих руках. Я его вытащил.

Сэр Эктор не сказал ничего неразумного. Он посмотрел на Кэя, потом на Варта. Потом он опять окинул Кэя долгим и любящим взглядом и сказал:

— Поехали в церковь.

— Итак, Кэй, — сказал сэр Эктор, когда все они оказались у церковных дверей. Он смотрел на своего первенца ласково, но прямо ему между глаз. — Вот камень, меч у тебя. Он сделает тебя Королем Англии. Ты мой сын, я горжусь тобой и всегда буду гордиться, что бы ты не содеял. Можешь ли ты дать мне слово, что вытащил его сам, собственными силами?

Кэй взглянул на отца. Он также взглянул на Варта и на меч.

Затем он тихо-тихо отдал меч Варту. Он сказал:

— Я солгал. Это Варт его вытащил.

Что касается Варта, то прошло еще какое-то время, в течение которого сэр Эктор несколько раз просил его вложить меч обратно в камень, — что

он проделывал — и в течение которого сэр Эктор и Кэй тщетно пытались вынуть его. Варт вынимал его для них и раз или два засовывал обратно. Потом для него наступило время более тяжкое.

Он увидел, как милый его опекун на глазах обессилел и постарел, и как он с трудом опустился на подагрические колени.

— Сэр, — произнес сэр Эктор, не поднимая глаз, хоть обращался он к своему же собственному мальчику.

— Пожалуйста, отец, не делайте этого, — сказал Варт и тоже встал на колени. — Дайте я помогу вам, сэр Эктор, потому что, глядя на вас, я чувствую себя несчастным.

— Нет, нет, господин мой, — сказал сэр Эктор и обронил несколько бессильных старческих слез. — Я никогда не был вам отцом, ни кровным родичем, но могу поручиться, что вы еще выше родом, нежели я о вас думал.

— Многие говорили мне, что вы не отец мой, — сказал Варт, — но это ведь ничего не значит.

— Сэр, — смиренно молвил сэр Эктор, — соизволите ли вы быть мне добрым и милостивым господином, когда станете Королем?

— Ну не надо! — сказал Варт.

— Сэр, — сказал сэр Эктор, — лишь об одном

прошу у вас: сделайте сына моего, вашего молочного брата сэра Кэя, сенешалем всех ваших владений.

Кэй тоже встал на колени, и этого стерпеть Варт был уже не в силах.

— Да перестаньте же вы, — закричал он. — Конечно, быть ему сенешалем, коли мне придется быть Королем, только, отец, ну не стойте же вы так на коленях, ибо это разрывает мне сердце. Прошу вас, встаньте, сэр Эктор, ведь этого вынести невозможно. О Боже, Боже, лучше бы мне и не видеть никогда этого дрянного меча!

И Варт тоже залился слезами.

24

Может быть, стоит еще написать главу и о коронации. Бароны, разумеется, подняли шум, но поскольку Варт готов был засовывать меч в камень и вытягивать его оттуда до самого Судного Дня, а больше никого на это способного не отыскалось, они в конце концов пошли на попятный. Несколько гаэльских баронов восстали, и пришлось их потом усмирять, но в целом народ Англии и партизаны, вроде Робина, остались довольны, что все уладилось. Им приходилось уже невмоготу от анархии, бывшей их уделом в правление Утера Пендрагона: невмоготу от властительных лордов и феодальных великанов, от рыцарей, творивших, что им заблагорассудится, от расовой дискриминации и от правления по принципу «Один Только Сильный Прав».

Коронация оказалась восхитительной церемонией. И восхитительнее всего было в ней то, что она походила на день рождения или на Рождество. Буквально все осыпали Варта подарками за мастерство, с коим он научился вытаскивать мечи из камней, а несколько жителей города Лон-

дона попросили его помочь им вытянуть пробки из непокорных бутылок или выбить застрявшие в бочках затычки, — а так же в иных важных домашних делах, с которыми сами они не сумели управиться… Собачий Мальчик и Вот прислали ему вскладчину микстуру от чумки, содержавшую хину и вообще совершенно бесценную. Лё-лёк прислала несколько стрел, сделанных из ее собственных перьев. Каваль просто пришел и отдал ему сердце и душу. Нянюшка из Замка Дикого Леса прислала микстуру от кашля, тридцать дюжин носовых платков, все с метками, и две двубортных спальных пижамы. Сержант прислал — на предмет сохранения нацией — медали, полученные им в крестовых походах. Хоб, проведя в терзаниях целую ночь, прислал Простака с новехонькими белой кожи опутенками, серебряными ногавками и серебряным колокольцем. Робин и Мэриан отправились на охоту, занявшую у них шесть недель, и прислали целую мантию из куньих шкурок. Маленький Джон добавил к этому тисовый лук высотою в семь футов, который Варт совершенно не способен был натянуть. От анонимного ежика поступило то ли четыре, то ли пять испачканных листьев, а на листьях — блохи. Искомый Зверь и Король Пеллинор думали-ду-

мали и прислали несколько драгоценнейших катышей, завернутых в зеленые весенние листья и помещенных в золотой рог на красной бархатной перевязи. Сэр Груммор прислал дюжину дюжин копий с гербом его старой школы на каждом. Повара, насельники, вилланы и челядь Замка Дикого Леса сложились каждый по ангелу и отправили на церемонию шарабан, которым правил сэр Эктор, а в шарабане — огромную серебряную копию Пеструхи, завоевавшей таки первенство в третий раз, и Ральфа Пасселью, чтобы он спел на коронационном банкете. Архимед прислал собственного праправнука, дабы было кому сидеть за обедом на спинке королевского трона и гадить на пол. Лорд-Мэр и Олдермены города Лондона по подписке устроили в Тауэре просторный аквариум-кречатню-зверинец, в коем всякое существо непременно постилось один день в неделю для блага желудка, — и там, получая свежую пищу, доброе ложе, постоянный уход и все современные удобства, проживали от достиженья преклонного возраста и до заката их радостных жизней все друзья Варта, летающие, плавающие и бегающие. Граждане Лондона поднесли пятьдесят миллионов фунтов на поддержанье зверинца, а Кавалерственные

Дамы Британии сшили из черного бархата пару теплых домашних туфель и вышили по ним золотом инициалы Варта. Кэй подарил своего рекордного грифона с присовокуплением самых искренних чувств. Было и много других исполненных вкуса подарков от различных баронов, архиепископов, князей, ландграфов, племенных вождей, корпораций, пап, султанов, королевских комиссий, городских районных советов, царей, беев, махатм и так далее, но наилучший из всех любовно поднес Варту его собственный опекун, старый сэр Эктор. Его подарком была похожая на дурацкий колпак шутиха, фараонова змейка, которую полагалось поджигать с острия. Варт поджег ее и смотрел, как она растет. Когда пламя погасло, перед ним стоял Мерлин в своей волшебной шляпе.

— Ну вот, Варт, — сказал Мерлин, — вот мы и снова оказались — или окажемся — вместе. Как мило ты выглядишь в этой короне. Мне не дозволено было открыть тебе это до сей — или с той — поры, но отцом твоим был (или будет) Король Утер Пендрагон, и это именно я, в обличий нищего, принес тебя в золотых свивальниках в замок сэра Эктора. Мне ведомо все о твоем рождении, и о роде, и о том, кто дал тебе твое настоящее

имя. Мне ведомы горести, что тебя ожидают, и радости, ведомо мне и то, что уже никогда и никто не посмеет назвать тебя по-дружески Вартом. В будущем твоим славным уделом станут тягости и отрады, кои влечет за собой величие твоего прирожденного титула, а потому я прошу привилегии — быть самым первейшим среди твоих подданных, назвавших тебя, как своего возлюбленного сеньора: Королем Артуром.

— Ты надолго со мной останешься? — спросил Варт, мало что понявший из сказанного.

— Да, Варт, — ответил Мерлин. — А правильнее было б сказать (или будет?): Да, Король Артур.

EXPLICIT LIBER PRIMUS